

ДУША ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

ДУША ЧЕЛОВЪЧЕСКАЯ.

Богоподобная ея сущность, нескончаемость,
способности, дѣйствія и загробное состояніе;
съ приложеніемъ нравоучительныхъ словъ
о семъ же предметѣ.

Положительное учение православной Церкви и Святыхъ Отцъ.

Выписки изъ разныхъ духовныхъ книгъ.

Печатается
по благословению
митрополита
Крутицкого и Коломенского
ЮВЕНАЛИЯ

„Душа человеческая”

*Издание подготовлено
Свято-Троицким Ново-Голутвийским
женским монастырем*

140400 Московская обл.г.Коломна,ул.Успенская д.11
Расчетный счет N 701204 в Коломенском отделении Уникомбанка

Репринтное издание

® составление, оформление, набор, макет
Свято-Троицкий Ново-Голутвий монастырь, 1992

Выписки изъ Священного Писанія о душѣ человѣческой.

Образовалъ Господь Богъ человѣка изъ праха земнаго и вдунулъ въ лицѣ его дыханіе жизни, и стала человѣкъ душою живою (Быт. 2, 7).

Духъ Божій создалъ меня, и дыханіе Вседержителево оживило меня (Іов. 33, 4).

Живъ Господь, Который сотворилъ намъ душу сію (Іер. 38, 16).

Изреченіе Господа, распостершаго небо, основавшаго землю и сотворившаго духъ человѣка внутри зго (Захар. 12, 1).

Обратится прахъ въ землю, чѣмъ онъ былъ, а духъ возвратится къ Богу, Который далъ его (Еккл. 12, 7).

И вошелъ въ нихъ духъ, и они ожили и стали на ноги свои (Іез. 37, 10).

Кто изъ человѣкъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кроме духа человѣческаго, живущаго въ немъ (1 Кор. 2, 11).

Въ рукѣ Котораго (Господа) душа всего живого и духъ всякой человѣческой плоти (Іов. 12, 10).

Для чего мнѣ носить тѣло мое въ зубахъ моихъ, и душу мою полагать въ руку свою? (Іов. 13, 14).

Какъ тѣло безъ духа мертвъ, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертвъ (Іак. 2, 26).

Сынъ человѣческій пришелъ не погублять души человѣческія, а спасать (Лук. 9, 56).

Вы куплены дорогою цѣною. Посему прославляйте Бога и въ тѣлахъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, которыя суть Божіи (1 Кор. 6, 26).

Мы не изъ колеблющихся на погибель, но стоимъ въ вѣрѣ ко спасенію души (Евр. 10, 39).

Душею своею я стремился къ Тебѣ ночью, и духомъ своимъ внутри меня я ревностно ишу Тебя (Исаіи 26, 9).

Человѣкъ, не владѣющій своимъ духомъ,—городъ разрушенный, не имѣющій стѣны (Прит. 25, 28).

Не убойтесь убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убить, а убойтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить въ гееннѣ (Мате. 10, 28).

Какая польза человѣку, аще и весь міръ пріобрѣтѣтъ, душу же свою погубить (Мате. 16, 26).

Вы не по плоти живете, но по духу, если только Духъ Божій живеть въ васъ. Если же кто Духа Христова не имѣтъ, тотъ и не Его (Римл. 8, 9).

Если Христосъ въ васъ, то тѣло мертвое для грѣха, но духъ живъ для праведности (Рим. 8, 10).

Если живете по плоти, то умрете; а если духомъ умерщвляете дѣла плотскія, то живы будете (тамъ же ст. 13).

Всѣ водимые духомъ Божіимъ, суть сыны Божіи (ст. 14).

Сей самый Духъ свидѣтельствуетъ духу нашему, что мы дѣти Божіи (ст. 16).

Обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его, спасеть душу отъ смерти, и покрыть множество грѣховъ (Іак. 5, 20).

Соединяющійся съ Господомъ есть одинъ духъ съ Господомъ (1 Кор. 6, 17).

Которымъ Онъ и находящимся въ темницахъ духамъ, сошедши, проповѣдалъ (1 Петр. 3, 19).

Самъ Богъ мира да освятить васъ во всей полнотѣ, и вашъ духъ и душа и тѣло во всей цѣлости да сохранится безъ порока въ пришествіе Господа нашего Иисуса Христа (1 Сол. 5, 23).

Изнемогъ во мнѣ духъ мой, унываетъ во мнѣ сердце мое (Псал. 142, 4).

Врагъ преслѣдуетъ душу мою, втопталъ въ землю жизнь мою (Псал. 142, 3).

Душа моя къ Тебѣ, какъ жаждущая земля (ст. 6).

Ради имени Твоего, Господи, оживи меня; по правдѣ Твоей выведи изъ тѣсноты душу мою (ст. 11).

По милости Твоей истреби враговъ моихъ, и погуби всѣхъ, угнетающихъ душу мою (ст. 12).

О достоинствѣ природы человѣческой *).

Св. Григорія Ниссаго.

Видимое преимущество человѣка предъ прочими тварями земли состоить въ томъ, что онъ царь и Владыка надъ ними. Но это видимое преимущество часто было оспариваемо или неправильно понимаемо; поэтому св. Григорій съ особеннымъ воодушевлениемъ говорить объ этомъ предметѣ.

Творецъ далъ человѣку двоякую природу, то есть природу чувственно-духовную, и это для того, чтобы мы имѣли общеніе съ Богомъ и съ природой видимой, чтобы могли наслаждаться и временемъ и вѣчностью. Получивъ такую природу, человѣкъ дѣлается существомъ, соединяющимъ въ себѣ весь міръ: онъ имѣть и душу растительную, общую съ растеніями и душу животную, общую съ животными; но при этомъ есть у него и душа разумная, которая дѣлаетъ его владыкою земли (въ строгомъ же смыслѣ слова человѣкъ имѣть не двѣ или три души, а одну душу — безсмертную и разумную). Въ человѣкѣ заключается единеніе противоположностей между высшимъ и низшимъ, небеснымъ и земнымъ, разумнымъ и неразумнымъ, свободнымъ и несвободнымъ, духомъ и матеріею.

Все — небесное и земное — должно соединиться для гармонического прославленія Тріедиаго Бога, — единаго несозданнаго, неизмѣняемаго, источника всякой жизни и бытія; — и человѣкъ имѣть высокое назначение — быть посредникомъ между небомъ и землею, между неразумными тварями и высшимъ міромъ Ангельскимъ.

*) Труды Кіевск. духовн. академії. Окт. 1865 г.

Изученіе свойствъ богоподобной души человѣческой—самая важная наука на землѣ.

*Образъ сеъмъ искреченыя Твои
слово, ище и лзы пошу прегрѣший...*
(Св. Иоаннъ Дамаск.).

*). Видно, что высоко цѣнили Отцы Церкви ученіе о душѣ нашей, когда во многихъ случаяхъ излагали это ученіе. Дѣйствительно — изъ всѣхъ наукъ, величайшая наука — познать самаго себя". Мы должны прежде всего стараться познать самихъ себя. Кто имѣеть правильное познаніе о тваряхъ, которыя Богъ произвелъ изъ ничего, тотъ знаетъ также и достоинство умнаго и бессмертнаго духа человѣческаго. Кто знаетъ, что душа человѣческая бессмертна, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ есть образъ Бога Отца, что по подобію сего истиннаго вѣчнаго Образа Божія сотворены всѣ духовныя разумныя существа. Никто не можетъ познать Бога, не познавъ прежде самаго себя. Ибо если внимашь себѣ, то не будешь имѣть нужды искать слѣдовъ Зиждителя въ устройствѣ вселенной; но въ себѣ самомъ, какъ-бы въ маломъ какомъ-то мірѣ усмотришь великую премудрость своего Создателя.

**). Огъ незнанія же основъ душевной жизни человѣка, отъ забвенія о свойствахъ души и ея высокомъ назначеніи,—можно всецѣло извратить и испортить свою временную и погубить вѣчную жизнь. Слово Божіе учитъ нась, что нѣть большей заботы въ мірѣ для человѣка, какъ забота о вѣчномъ спасеніи души. Господь нашъ Иисусъ Христосъ сказалъ, что, если бы

*). Примѣчаніе: Выписки, не помѣченныя отдельно, выписаны изъ книги „Ученіе Св. Отцентъ Церкви“—сияцоп. Каменецкаго.

**). Изъ книги „Дивныя свойства души человѣческой“.

человѣкъ пріобрѣлъ и весь міръ со всѣми его сокро-
вищами, но погубилъ бы душу свою, то онъ не сдѣлалъ
бы для себя никакого пріобрѣтенія, никакой пользы.
Такъ драгоцѣнна, по суду Божію, одна душа человѣческая!
Какъ же не стараться узнать ея богоподобную при-
роду, ея свойства и способности, ея потребности, ея
назначеніе? Нѣкогда, въ вѣчности, мы глубоко, но
безплодно будемъ жалѣть, что были невинчательны
въ продолженіе временной жизни въ внутренній своей
природѣ. Посему, пока находимся еще въ сей жизни,
будемъ стараться узнать свою душу и ея назначеніе,
и сообразно съ симъ проводить свою жизнь.

—*—

О существованіи души въ человѣкѣ.

Вопросъ: Что служить доказательствомъ существованія личной (субстанціальной) души въ человѣкѣ?

Отвѣтъ: Ея дѣйствія. Эти дѣйствія ясно показываютъ, что душа не есть качествомъ матеріи или соединенія всѣхъ качествъ, но есть дѣятельность невичественная, дѣятель сокровенный въ нашей природѣ и непостижимый для чувствъ, словомъ — существо самостоятельное и духовное.

Не смотря на свою невидимость, душа является существомъ совершенно отличнымъ отъ тѣла, дѣйствующимъ въ немъ и чрезъ него, и, при посредствѣ его органовъ, наблюдающимъ и познающимъ. Этотъ мысленный процессъ (дѣйствія души), совершающійся внутренно, свидѣтельствуетъ о существованіи въ тѣлѣ силы высшей, духовной. Ибо, что могла бы узнать испытующая пульсъ рука врача, если бы не было въ нась духа, который по ощущенію узнаетъ о причинѣ

известныхъ явлений? Какъ могли бы и прочие чувственные органы способствовать къ познанію сокровенныхъ причинъ, будучи отдѣлены отъ духа?..

Св. Григорий Нисский.

Доказательствомъ существенного отличія души отъ тѣла служить еще и то, что одинъ только человѣкъ разсуждаетъ о находящемся въ немъ его, мысленно представляетъ и то, чего нѣтъ предъ памъ, и опять разсуждаетъ и обсуживаетъ, чтобы изъ обдуманного избрать лучшее. Безсловесныя видятъ то одно, что передъ ними, стремятся къ тому одному, что у нихъ передъ глазами, хотя бы впослѣдствіи былъ отъ того имъ вредъ; но человѣкъ стремится не къ видимому, а напротивъ того, видимое глазами обсуждаетъ разсудкомъ; нерѣдко, устремившись уже, бываетъ удержанъ разсудкомъ, и что имъ обдумано, обсуждаетъ снова. И всякий, если только онъ другъ истины, сознаетъ, что умъ человѣческій не одно и тоже съ тѣлесными чувствами, а потому, какъ нѣчто иное (высшее), бываетъ судіею самыхъ чувствъ; и если чувства чѣмъ пред заняты, то умъ обсуживаетъ и припоминаетъ это и указываетъ чувствамъ лучшее. Дѣло глазъ—видѣть только, ушей — слышать, устъ — вкушать, ноздрей — принимать въ себя запахъ, рукъ — касаться; но разсудить, что должно видѣть и слышать, до чего должно касаться, что вкушать и обонять,—не дѣло уже чувствъ; судять же о семъ душа и умъ ея.

Такимъ образомъ по отношенію къ тѣлу душа составляетъ истинную и существенную его форму, служить началомъ, заправляющимъ его жизнію и его ощущающею природою. Она живетъ во всѣхъ частяхъ тѣла и вездѣ въ немъ обнаруживаетъ свою дѣятельность. Поелику и чувства въ тѣлѣ бываютъ настроены, какъ лира, когда управляетъ ими свѣдущій умъ,—

тогда душа разсуждаетъ и знаетъ, что дѣлать и какъ поступать. Но сие свойственно только людямъ, и сие то есть разумность человѣческой души, пользуясь ко-торою, отличается она отъ безсловесныхъ и доказы-ваетъ о себѣ, что она дѣйствительно не одно и то же съ видимымъ въ тѣлѣ. Тѣло часто лежитъ на землѣ, а человѣкъ представляетъ и созерцасть, что на небѣ. Тѣло часто покоятся, безмолвствуетъ и сидитъ, а человѣкъ — внутренно въ движепіи, и созерцаеть, что въ немъ его, переселяясь и переходя изъ страны въ страну, встрѣчаясь съ знакомыми, нерѣдко предугадывая и предузнавая по этому дѣла свои на другой день. Что же это иное, какъ не разумная душа, которая въ человѣкѣ размышляетъ и представляетъ, что выше его? Далѣе,—тѣло по природѣ смертно, почему же человѣкъ размышляетъ о бессмертіи и нерѣдко изъ любви къ добродѣтели (какъ было во времена гоненій) самъ на себя навлекалъ смерть? Или еще,—тѣло временно, почему же человѣкъ представляетъ себѣ вѣчное, и поэтому пренебрегаетъ тѣмъ, что у него подъ ногами, вожделѣваетъ же вѣчнаго? Тѣло само о себѣ не помыслить ничего подобнаго; оно не помыслило бы и о томъ, что въ немъ его; потому что оно смертно и временно. Необходимо же быть чему либо другому, что помышляло-бы о про-тивоположномъ и неестественномъ тѣлу. Итакъ, что же это опять будетъ, какъ не душа разумная и бессмерт-ная? Не со-вѣтъ, но внутри въ тѣлѣ, какъ музыкантъ на лирѣ, производить она совершеннѣйшіе звуки.

Опять,—глазу естественно смотрѣть, и слуху слу-шать; почему же одного отвращаются они, а другое избираютъ? Кто отвращаетъ глазъ отъ зрењія? или кто заключаетъ для слышанія слухъ, по природѣ способ-ный слышать? Или кто нерѣдко удерживаетъ отъ естественного стремленія вкусы, по природѣ назначен-

ный для вкушения? Кто запрещаетъ до иного касаться рукъ, по природѣ дѣятельной? И обоняніе, данное для ощущенія запаховъ, кто отвращаетъ отъ принятія въ себя оныхъ? Кто производить сіе вопреки тому, что естественно тѣлу? Или почему тѣло, отвращаясь отъ требуемаго природою, склоняется на совѣтъ другого (т. е. ума) и обуздывается его мановеніемъ? Все сіе доказываетъ не иное что, какъ разумную душу, владычествующую надъ тѣломъ.

Тѣло не само себя движетъ, но приводится въ движение и движется другимъ, какъ и конь не самъ себя впряженъ, по понуждению его владычій имъ. Посему то и даются людямъ законы — дѣлать доброе и отвращаться отъ порока; для безсловесныхъ же, лишенныхъ разумности и мышленія, и худое остается невинятнымъ и доброе безразличнымъ.

Св. Аѳанасій Великій.

◆◆◆

О происшествіи, то есть о началѣ бытія души человѣческой.

Войди глубже въ себя самаго, всмотрись въ душу свою какъ бы въ нѣкое зеркало, разбери ея устройство, и увидишь, что ты созданъ по образу и по подобію Божію... И удивительно, въ чемъ только состоить этотъ образъ и подобіе!.. Умъ человѣческій не можетъ постигнуть ни условій бытія Божія, ни того, какимъ образомъ сущность души нашей производится и является въ бытію.

Вопросъ: Откуда бываютъ души человѣческія и изъ чего происходятъ?

Отвѣтъ: Пусть твоя любовь знаетъ касательно сего предмета, что у Отцевъ Церкви не малое было изслѣдованіе о происхожденіи души, но осталось не-

известнымъ: исходить ли она отъ Адама, или дается каждому порознь? — признали, что этотъ вопросъ неразрѣшимъ въ настоящей жизни. Дѣйствительно — вопросъ великий и не можетъ быть обнятъ человѣкомъ.

Вопросъ: Какъ же решить эти недоумѣнія?

Отвѣтъ: Хотя вопросъ о происхожденіи души остается окончательно неудоборазрѣшимымъ въ настоящей жизни, однако же для возможнаго решенія надо признать, что души творятся Богомъ — не изъ ничего, а отъ душъ родителей. Ибо имѣя такое начало, онъ не имѣютъ необходимости подвергаться смерти, потому что отъ духовнаго сѣмени, — отъ душъ родителей, — а не отъ плоти и крови ихъ, происходятъ онъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ необходимо подвергаются заразѣ первороднаго грѣха, потому что природа корня сообщается и лѣтораслямъ его.

Какъ гадаю самъ (говорить св. Григорій Богословъ) и какъ слышу отъ мудрыхъ, душа есть Божественная нѣкая струя и приходитъ къ намъ свыше. Душа происходитъ отъ Бога, то есть творится Богомъ.

Вопросъ: Когда же именно совершаются Божественное твореніе души?

Отвѣтъ: О происхожденіи душъ человѣческихъ *) Православная Церковь, на основаніи Священнаго Писанія всегда держалась, какъ и нынѣ держится (Правосл. испов. ч. 1, на вопр. 28) мысли, что опять творятся Богомъ. Объ этомъ непререкаемо засвидѣтельствовалъ пятый Вселенскій соборъ, когда, осуждая мнѣніе Оригена о предсуществованіи человѣческихъ душъ, выразился: „Церковь, послѣдняя Божественнымъ словамъ, утверждаетъ, что душа творится вмѣстѣ съ тѣломъ, а не такъ, чтобы одна творилась прежде, а другое послѣ, по лжеученію Оригена“.

*) Изъ книги „Душа человѣческая“, — Стопановскаго

Какъ же понимать это твореніе душъ? Сама Церквь съ точностію не опредѣляетъ, но, на основаніи представленнаго свидѣтельства пятаго Вселенскаго Собора и въ соотвѣтствіи съ другими догматами Церкви, надобно полагать, что здѣсь разумѣется не непосредственное твореніе Божіе, а посредственное,— что Богъ творить человѣческія души, какъ и тѣла, силою того самого благословенія, „раститься и множиться“, которое Онъ даровалъ нашимъ праотцамъ еще вначалѣ; творитъ не изъ ничего, а отъ душъ родителей. Ибо, по ученію Церкви, хотя души человѣческія получаютъ бытіе чрезъ твореніе, но такъ, что на нихъ переходитъ отъ родителей зараза прародительскаго грѣха, а этого не могло бы быть, еслибы Богъ творилъ ихъ изъ ничего. Какъ же именно творятся человѣческія души и соединяются съ тѣломъ? Образованіе тѣла, какъ вещественнаго, происходитъ во утробѣ матернѣй постепенно, а душа, какъ существо простое, можетъ твориться только мгновенно, и дѣйствительно творится и дается отъ Бога, по ученію Православной Церкви: „вт. то время, когда тѣло образуется уже и содѣлается способнымъ къ принятію оной“ (Прав. Испов., ч. 1, ств. на вопр. 28). Такъ учили и древніе учителя Церкви: Кириллъ, Александръ, Августинъ, Феодоритъ, Геннадій и другіе, причемъ въ доказательство своихъ словъ указывали на слова св. пророка Моисея: „аще кто поразить жену непраздну и изъидетъ младенецъ ся неизображенъ, тщето да отщепитъся. Аще же изображенъ будеть, да дастъ душу за душу, око за око“ (Исх. 21, 22 — 24). Этимъ самымъ онъ даетъ разумѣть, что неизображенныи или необразовавшійся младенецъ еще не имѣть души, а образовавшійся имѣть душу. Съ другой стороны, можно указать и на другія мѣста Св. Писанія, изъ которыхъ

видно, что младенцы еще во утробѣ материей, слѣд., до рожденія своего, имѣютъ души. Напр., о Ревеккѣ замѣчено: „играста же младенца въ ней“ (Быт. 25, 22); св. Елисавета говорить о самой себѣ предъ Пресвятою Дѣвою Маріею: „взыграся младенецъ радоющаи во чревѣ моемъ“ (Луки 1, 44).

А такъ какъ, по сказанію Евангелія, благоѣщеніе Пресвятої Дѣви Маріи было въ шестыи мѣсяцъ по зачатію св. Іоанна Предтечи, а чрезъ пѣсколько дней было и свиданіе Дѣви Маріи съ Праведною Елисаветою, то изъ сего явствуетъ, что младенцы въ шестыи мѣсяцъ по зачатію уже имѣютъ душу и оживаютъ.

Составитель.

Но быть можетъ спросить кто: если душа человѣка творится и гаюбенно и дается младенцу по образованіи тѣла его въ совершенный видъ, то какъ же можетъ тѣло образоваться въ утробѣ материей и возрастать до принятія въ себя души? — Можетъ образоваться и возрастать съ задатками жизненной силы — именно такой, какую имѣютъ животныя, ибо онѣ не получаютъ отъ Бога отдѣльной души, но все же имѣютъ жизнь.

Составитель.

Причины. Тѣло человѣческое образуется изъ созданнаго Богомъ вначалѣ вещества, душа же каждого человѣка является въ мірѣ новымъ духовнымъ твореніемъ, хотя недовѣдомъ образомъ и происходитъ отъ душъ родителей. Посому то душа человѣческая и бессмертна, что она — самостоятельная духовная сущность, ни отъ кого и ни отъ чего, кромѣ Бога, независяща.

Составитель.

Чѣмъ отличается душа человѣческая отъ души животныхъ *).

Признавая душу въ человѣкѣ, было-бы непослѣдовательно не признать ее въ тоже время и у живот-

* Изъ книги Душа человѣка. Н. Стопановскаго.

ныхъ, тѣмъ болѣе, что обѣ этомъ ясно говорится при сотвореніи міра (Быт. 1, 20—26), но между душою человѣка и душою животнаго лежитъ непроходимая пропасть. У животныхъ душа не отдѣлма отъ тѣла (въ св. Писаніи часто говорится, что душа у нихъ та же кровь) и психика ихъ такъ тѣсно связана съ физической природой животнаго, что почти невозможно узнать: гдѣ она кончается и гдѣ начинается. Хотя душа животнаго и является внутреннимъ духовнымъ принципомъ, организующимъ матерію, тѣмъ не менѣе она не можетъ самостоятельно существовать и дѣйствовать безъ матеріи. Какъ часть материальнаго существа, она сама какъ бы материальна и потому можетъ существовать до тѣхъ поръ, пока матерія, съ которой она связана, остается живою. Далѣе, никто никогда не видѣлъ души животнаго въ спиритическихъ сеансахъ; не бываетъ явленій душъ умершихъ душъ животныхъ, подобно тому, какъ бываютъ явленія душъ умершихъ людей, все это происходитъ потому, что душа животнаго не личное, не духовное, не самостоятельное существо. Несамостоятельность души животнаго видна изъ того, что она не можетъ, подобно душѣ человѣка, гospодствовать надъ своимъ тѣломъ, физическими потребностями или надъ болѣзнями страданіями.

Животныя не обладаютъ способностію къ мышленію, что свойственно человѣку, какъ разумному существу; они имѣютъ только ощущенія и чувственныя влеченія, но мысли, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не имѣютъ. Человѣкъ признаетъ и мыслить міръ идей, мыслить о вѣчности, о Богѣ и, наконецъ, о себѣ самомъ и, такимъ образомъ, воспроизводить свое собственное бытіе, какъ фактъ своего сознанія; отсюда въ томъ именно и заключается иѣкоторое богоподобіе въ человѣкѣ, что у него есть мысли, которымъ

онъ можетъ давать осуществленіе. Конечно физиологическимъ условіемъ языка служить присутствіе въ организмѣ человѣка особаго голосового аппарата, способнаго производить членораздѣльные звуки, но для того, чтобы умѣть говорить, недостаточно обладать только этимъ органомъ рѣчи, такъ какъ у многихъ породъ обезьянъ устройство этого органа не менѣе совершенно, чѣмъ у людей, но, однако, онъ не произноситъ членораздѣльныхъ звуковъ, потому что имъ „нечего говорить“, ихъ внутренняя жизнь ограничивается одними ощущеніями и чувственными влечениями, для выраженія которыхъ достаточно мимическихъ движений и нечленораздѣльныхъ звуковъ. Кромѣ сего, образованіе способности говорить зависитъ не только отъ физиологического условія, но еще болѣе и отъ психического, а этимъ психическимъ условіемъ является вся сумма душевныхъ силъ человѣка: его умъ, сердце и воля, по мѣрѣ развитія душевныхъ силъ человѣка раскрывается и присущій ему даръ слова.

Отличительнымъ признакомъ сознательной души человѣка есть ея разумность, возвышающая его надъ всѣмъ окружающимъ и дѣлающая для него возможность не только просто научное знаніе, но даже и философію, что совершенно несвойственно душѣ животнаго. Такжѣ умственный прогрессъ (развитіе) животнымъ не свойственъ, такъ какъ ихъ умъ родовой, какъ бы присущій матеріальной ихъ природѣ; это видно изъ того, что ни откуда нельзѧ замѣтить, чтобы настоящія животныя были умнѣе своихъ предковъ; следовательно, животныя не имѣютъ разумнаго мышленія.

Далѣе, у животныхъ нѣть свободы воли, которая служить отличительнымъ признакомъ души человѣка. Движенія животныхъ всецѣло обусловливаются или виѣшними вліяніями или внутренними инстинктив-

ными влечениями, вытекающими изъ физической потребности сохранять и поддерживать свою жизнь; животные слѣпо, безсознательно подчиняются этимъ побуждениямъ и безотчетно слѣдуютъ сильнѣйшему изъ нихъ. Такъ какъ у нихъ нѣтъ свободы воли, то поэтому у нихъ нѣтъ нравственности, совѣсти, долга, обязанности и т. п. Животные никогда не проявляютъ ни пониманія смысла и цѣли своихъ дѣйствій, ни свободы выбора, ни самоограниченія, а потому у нихъ нѣтъ и чувства отвѣтственности за свои дѣйствія.

Животныи лишены способности къ нравственному совершенствованію; у нихъ также нѣтъ отвлеченныхъ идей (мысли, понятія): Бога, истины, добра и красоты. Также у животныхъ нѣтъ религіозныхъ идей, потому что религіозному чувству не соответствуетъ у нихъ ничего, а потому и бессмертія ихъ душъ животнымъ не нужно, что дѣлается яснымъ изъ слѣдующихъ соображеній: если животные не способны познавать и любить Бога въ земной жизни, то, еслибы для нихъ существовала загробная жизнь, они чувствовали бы себя, какъ бы сказать, не на своемъ мѣстѣ, т. е. не заслуженномъ своею чисто животною жизнью; ихъ чувственная душа не сознавала бы вѣчнаго блаженства святыхъ людей и не поняла бы райскаго духовнаго блаженства, а также не могла бы лицезрѣть Бога, подобно душамъ святыхъ людей.

Если бы даже и допустить бессмертіе души животныхъ, то, все-таки, чѣго бы она низменная и чувственная могла ожидать въ загробной жизни? развѣ одной участіи съ душей такой-же, т. е. чувственной и низменной, человѣка грѣшника? но тогда это было бы несогласно съ правосудіемъ Божіимъ, такъ какъ душа животныхъ только низменно-чувственная и не свободо-разумная.

Итакъ, душа животныхъ стоитъ неизмѣримо ниже души человѣка, имѣть иную природу и не обладаетъ такими высшими духовными качествами, какъ душа человѣка. Слѣдовательно, душа человѣка, какъ личное, самостоятельное, духовное существо, не могла ни въ какомъ случаѣ произойти путемъ измѣненій и усовершенствованій отъ души животныхъ безличной, несамостоятельной и полуматеріальной, которой никакое духовное усовершенствованіе не свойственно; на основаніи этого мы имѣемъ полное право утверждать, что душа животнаго, какою была нѣкогда, такою она осталась и до настоящаго времени, такою же пребудетъ и впередь навсегда.

—♦*♦—

О сущности души.

Вопросъ: Что такое есть душа?

Отвѣтъ: Душа — сущность живая, простая, безтѣлесная, тѣлесными очами по своей природѣ невидимая, бессмертная, словесно-разумная, безвидная, дѣйствующая посредствомъ органическаго тѣла и сообщающая ему жизнь и возрастаніе, чувство и силу рожденія. Душа — сущность свободная, одаренная способностью хотѣть и дѣйствовать, измѣняемая въ волѣ, имѣющая умъ, не какъ что либо отличное отъ нея, но какъ чистѣйшую часть самой себя. Ибо, что глазъ въ тѣлѣ, то умъ въ душѣ.

(Св. Иоаннъ Дамаскинъ).

Еще: душа есть духъ умный, всегда движущійся, къ доброй и злой волѣ удобенъ. Далѣе св. Иоаннъ Златоустъ говоритъ: душа есть естество разумное и духовное, быстродвижное, непрестанно находящееся

въ дѣятельности, дражайшее всего міра, безпримѣрной и неописанной красоты, сущность, имѣщая сродство съ небеснымъ, — отнюдь впрочемъ не Божескаго естества, но сродная небеснымъ и безплотнымъ существамъ.

Блаженный Августинъ такъ говоритьъ: душа есть естество созданное, невидимое, разумное, безтѣлесное, бессмертное, богоподобнѣйшее, образъ имущее Создателя своего. На вопросъ: что изъявляеть образъ Божій въ человѣкѣ? Святитель *) отвѣчалъ: душа невидимая, разумная, живая, бессмертная и самовластная. Человѣкъ созданъ по образу: владычества, господства и самовластія. — По подобію: быть кроткимъ, тихимъ и уподобляться Богу въ добродѣтеляхъ.

Святый Григорій Богословъ училъ такъ: душа есть существо умносозерцающее, вѣчно пребывающее, образъ и дуиханіе Всемогущаго Бога, частица Божественнаго (конечно, не въ собственномъ значеніи сего слова), струя невидимаго Божества и безконечнаго свѣта, Божественный и неугасимый свѣтъ, заключенный въ пещерѣ (въ тѣлѣ).

Св. Макарій Великій смотрѣлъ на душу, какъ на твореніе умное, величественное, дивное, — образъ и подобіе Божіе, имѣщее безпримѣрно близкое родство съ Богомъ, бѣзъ малѣйшаго, впрочемъ, общенія между ихъ существами **)— надѣленное всѣми совершенствами свойственными духу, и, по чрезвычайной тонкости своей, удободвижное, быстролетное, неутомимое.

Св. Ефремъ Сиринъ говоритъ, что душа наша есть прекраснѣйшее и преимущественное предъ всѣми твореніями, любимѣйшее Богомъ твореніе, запечатленное тайною благодати и премудрости Его.

*) Августинъ.

**) Богъ имѣть общеніе съ душами достойными, но только не существенно, а благодатно.

Душа человѣческая—самостоятельная духовная личность.

Хотя по существу своему всѣ души человѣческія тождественны между собою, то есть во всемъ подобны одна другой, но между тѣмъ каждая душа человѣческая имѣть свои личныя особенности и обладаетъ своеобразнымъ развитіемъ, которое выражается въ свою очередь въ общихъ и родовыхъ формахъ человѣческой душевной жизни. Въ исторіи творенія міра повѣстуется, что Богъ сотворилъ безсловесныя одушевленныя существа по роду ихъ (Быт. 1, 25), а человѣка по его частной недѣлимой природѣ, какъ единичную и особенную личность (ст. 26 и далѣе). Этотъ образъ творенія совершенно соотвѣтствуетъ назначенію человѣка, который, какъ существо безсмертное, не исчезаетъ въ родѣ, а обладаетъ собственнымъ личнымъ существованіемъ во времени и въ вѣчности. Поэтому человѣкъ никогда не можетъ быть страдательнымъ выраженіемъ или органомъ общей родовой жизни души. Наши слова, мысли и дѣла рождаются не изъ общей родовой сущности человѣческой души, а изъ нашей частно-развитой, своеобразно-обособленной душевной жизни: только по этой причинѣ онѣ составляютъ *нашу* личную вину, или *нашу* личную заслугу, которой мы ни съ кѣмъ не раздѣляемъ. Въ то время, какъ наука указываетъ общія и родовыя условія для явленій душевной жизни вообще, священные писатели имѣютъ въ виду тотъ частный и особенный источникъ этихъ явленій въ сердцѣ человѣка, исходя изъ котораго они,

при своей общности дѣлаются *нашимъ личнымъ* состояніемъ и достояніемъ. А посему, сообразно своимъ дѣламъ, каждый человѣкъ прииметъ отъ правосудного Бога или награду или наказаніе.

(Труды Кіевск. духов. акад. 1860 г. Клижка 1, стр. 94).

О безтѣлесности и красотѣ души.

Вопросъ: Что же такое душа въ сущности? воздухъ ли это, или вѣтеръ, или огнь?

Отвѣтъ: Ни которая изъ сихъ вещей, потому что они тѣлесны, а душа безтѣлесна, душу нельзя видѣть очами тѣлесными, нельзя ни осязать, ни ощутить никакими тѣлесными чувствами. Дѣйствительно, „*душа—духовное естество, безтѣлесная сила*“.

А что иногда души умершихъ являются видимымъ образомъ, то это бываетъ по особому устроенію Божію. Въ такихъ случаяхъ, вѣроятно, души привлекаютъ къ себѣ какія либо вещественные частицы и такимъ образомъ преобразуются въ видимый образъ: или-же, правильнѣе сказать, дѣлаются видимыми непостижимымъ для насъ образомъ, волею всемогущаго Бога. Составитель.

Святый Иоаннъ Дамаскинъ говоритъ: Богъ по естеству своему совершенно безтѣлесенъ, душа же въ сравненіи съ Богомъ, единымъ несравнимымъ, есть тѣло, а въ сравненіи съ вещественными тѣлами—безтѣлесна.

Блаженный Августинъ говоритъ: о душѣ никакъ нельзя говорить: длинна, широка, тѣлесна. Поэтому-то видишь, что кто хочетъ содѣлаться таковыми, каковыми былъ созданъ отъ Бога, т. е. богочестивыми,

тотъ все тѣлесное презираеть, и отъ сего міра отвращается, потому что міръ тѣлесенъ.

А такъ какъ душа не тѣло, то она и сильна созерцать нетелесное. Не будучи же тѣломъ, не имѣть она и пространственныхъ измѣреній. Все пространственное она содержитъ въ памяти, а сама непространственна. Душа ни тѣлесна, ни протяжена въ долготу, ни растянута въ широту, ни натянута въ высоту,— и однако-жъ въ тѣлѣ такую имѣть силу, что въ ея рукахъ правленіе всѣхъ членовъ, и она держать какъ-бы рычагъ для производства всѣхъ тѣлесныхъ движений.

Макарій Великій говоритъ, что душа по собственной своей природѣ есть тѣло, хотя она и тонка, однако въ существѣ, образѣ и видѣ, по тонкости своей природы—есть тонкое тѣло, посему-то она имѣть свойственный себѣ видъ.

Душа человѣческая есть духъ совершенно безтѣлесный, но святый Макарій называетъ ее тѣломъ — не потому, чтобы она была тѣлесна, но потому, что въ сравненіи съ Богомъ, единымъ невещественнымъ, неопредѣленнымъ, неописаннымъ и вездѣсущимъ, душа оказывается какъ-бы грубаго естества, такъ какъ она описуется свойственнымъ ей видомъ и не вездѣсуща. Подобно сему нужно разумѣть и объ ангелахъ, потому что и они, находясь въ известное время въ одномъ мѣстѣ, не могутъ быть въ то же время въ другомъ мѣстѣ, и для перехода въ другое мѣсто требуютъ некотораго времени, хотя и весьма малаго, Составитель.

Вопросъ: Видѣть ли кто свою душу посредствомъ откровенія и Божественнаго просвѣщенія?

Отвѣтъ: Какъ тѣлесные глаза видѣть солнце, такъ умные глаза, просвѣщенные благодатію Божію, видѣть душу въ лице. Впрочемъ, мало христіанъ, которые видѣть ее.

Вопросъ: Развѣ душа имѣть видъ?

Отвѣтъ: Имѣть лицо и видъ, подобный Ангельскому. Ибо какъ Ангелы имѣютъ свое лицо и видъ, и какъ виѣшній человѣкъ имѣть свое лицо, такъ и внутреній человѣкъ имѣть свое лицо, подобное Ангельскому, и видъ подобный человѣку. Можно видѣть душу, но кому? — Только достигнувшимъ высочайшей степени духовнаго совершенства.

Вопросъ: Достаточно ли можно разсмотреть этотъ видъ?

Отвѣтъ: Не больше, какъ сколько можно ослѣпительное въ своемъ блескѣ солнце разсмотреть простому глазу; ибо и самый видъ души ни какой либо вещественный, а подобный виду безплотнаго и невидимаго существа Ангельскаго.

Св. Ириней говоритъ, что душа не только имѣть видъ свойственный своей природѣ, но и иѣкія черты сего вида, отличающія ее (душу) отъ существа Ангельскаго; — таковыи видъ получаетъ она отъ тѣснѣшаго общенія съ тѣломъ. Душа бываетъ не на подобіе Ангеловъ, но на подобіе людей. Какъ вода, влитая въ сосудъ, будетъ имѣть видъ сосуда, въ которомъ она замерзла, такъ самыя души имѣютъ образъ тѣла, по-елику онѣ приспособлены бываютъ къ сосуду (т. е. тѣлу) какъ это выше сказано. Душа уподобляется своимъ занятіямъ: что она дѣлаетъ, въ то самое и отпечатлѣвается и принимаетъ на себя видъ, хотя, впрочемъ, единъ и простъ образъ ея, какъ замѣчаетъ блаженныи діадохъ.

Св. Златоустъ говоритъ: Между тѣлами тѣ, которыя легче и тоньше, и уклонились на путь ведущій къ безтѣлесному, несравненно лучше и превосходиѣ другихъ: небо прекраснѣе земли, огнь прекраснѣе воды, звѣзды прекраснѣе камней, а радугѣ мы дивимся

гораздо болѣе, нежели фіалкѣ, розамъ и всѣмъ другимъ цвѣтамъ земнымъ. И между тѣмъ, еслибы возможно было видѣть красоту души очами тѣлесными, ты посмѣялся бы надъ всѣми этими примѣрами тѣлъ: такъ слабо онѣ представляютъ намъ благолѣпіе души.

О СВЯЗИ ДУШИ СЪ ТѢЛОМЪ.

Организмъ связанъ съ духомъ не пространственными, а динамическими (т. е. основанными на энергіи, силѣ) отношеніями, въ немъ, значитъ, нельзя отыскивать какого-нибудь сѣдалища духа. А если только по отношенію къ духу устранить вопросъ, гдѣ онъ помѣщается въ организмѣ, то форма связи между духомъ и тѣломъ окажется настолько же ясной, насколько вообще можетъ быть ясной для мысли закономѣрная связь какой-бы ни было дѣятельной причины съ постояннымъ условіемъ ея дѣятельности. Духъ несомнѣнно является самостоятельной причиной своеобразныхъ дѣятельностей въ мірѣ, тѣло же составляетъ постоянное условіе его дѣятельности; оно не носитель духа и не форма его существованія, оно именно только данное условіе его дѣятельности. Поскольку это условіе дано, какъ постоянное и необходимое, духъ находится, конечно, въ необходимой зависимости отъ него; но поскольку онъ, въ качествѣ дѣятельной причины, можетъ дѣйствовать и на самыя условія своей жизни, онъ, по самой необходимости своего существованія при данномъ условіи, необходимо приспособлять это условіе къ цѣли развитія своей жизни въ мірѣ. Отсюда естественно становятся возможными двѣ различныя

точки зре́нія на тѣло: какъ данное условіе существованія человѣческаго духа, тѣло является виѣшнимъ по отношенію къ духу, а какъ созданное самимъ же духомъ— оно орудіе его произвольной дѣятельности, оно является своимъ духу и составляетъ собственное тѣло духа. Короче говоря, связь души съ тѣломъ не связь пространственныхъ отношеній, а только связь взаимодѣйствія.

(Изъ брошюры „Дивныя свойства души человѣческой“).

О вездѣприсутственномъ бытіи души въ человѣкѣ.

Какъ въ тѣлѣ есть пріимателыя орудія, такъ и въ духѣ, этомъ верховномъ корнѣ всего, именно: сердце—корень для духа, утроба—для крови, селезенка—для желчи, и иное для иного, а все это зависитъ отъ мозга. Духъ, исходящій изъ мозга, чувствительность, что въ нервахъ, не просто подаетъ всѣмъ членамъ, но по соизмѣримости каждого... Этотъ духъ, сообщаемый членамъ отъ головы, дѣйствуетъ, касаясь каждого члена, потому что въ нашей головѣ находятся умственныя способности, такъ какъ умъ, господствующій въ головѣ, всюду созерцаетъ, употребляя способность мышленія.

Умъ, имѣющій въ себѣ нѣчто Божественное и небесное, и преобладающій не только надъ тѣломъ человѣка, но и надъ всею природою, заключенъ въ головѣ, какъ-бы въ какой крѣпости и оттуда обозрѣваетъ онъ всю вселенную. Этотъ чертогъ души имѣеть круглый видъ, который совершиеніе всѣхъ другихъ

видовъ, тутъ-то сей Божественный огнь и заключается какъ-бы въ нѣкоемъ шарѣ, и скрывается какъ-бы подъ небесами. Говорятъ, что владычица, повелѣвающая тѣломъ, должна находиться въ самой высшей части, какъ-бы въ цитадели*); и что разумъ долженъ управлять человѣкомъ съ высоты головы, подобно какъ Богъ управляетъ міромъ съ высоты неба. Сверхъ того органы зрѣнія, слуха и обонянія находятся въ головѣ и снабжены нервами, имѣющими отношеніе къ мозгу... Дѣйствительно, что можетъ быть приличнѣе, душу, какъ царицу тѣла, помѣстить въ головѣ и сердцѣ, изъ коихъ одно среднее, другая высшая часть, подобно какъ Богъ, Властитель Вселенной, обитаетъ на небѣ, которое есть высшая страна. Въ поясненіе сего читаемъ у св. Иоанна Дамаскина, что органъ чувственности, или виѣшнихъ чувствъ, есть передній желудочекъ мозга..., органомъ памяти служить задній желудочекъ мозга, который называется также мозжечкомъ..., органомъ способности мышленія служить средній желудочекъ мозга...; такимъ образомъ въ головѣ совершается все, что относится къ дѣятельности чувствъ и силы начальственной, т. е. ума.

Вмѣстѣ съ головой и сердце почитается особеннымъ мѣстопребываніемъ души, вездѣ присутствующей въ нашемъ тѣлѣ.

Богоподобный духъ—замѣчаетъ Св. Ефремъ Сиринъ — занимаетъ небо — главу, въ сердцѣ же духъ прохаживается какъ въ своихъ чертогахъ. Потому-то, неуклонно держащейся преданія Святыхъ Отцевъ Церкви, Соборъ Патріарховъ восточныхъ подтвердилъ мысль православнаго исповѣданія, что душа премуще-

*) Цитадель—высокая крѣпость, устраиваемая въ городѣ впутри другой крѣпости.

ствено занимаетъ мѣсто въ головѣ и сердцѣ, хотя присутствуетъ и во всемъ тѣлѣ.

Св. Димитрій Ростовскій говоритьъ: душа во всемъ тѣлѣ вмѣщается, и ни единъ удъ тѣла безъ души. Духъ св. дѣйствуетъ во всей Церкви; душа дѣйствуетъ во всѣхъ членахъ одного тѣла. И св. Иоаннъ Дамаскинъ говоритъ, что душа соединена со всѣмъ тѣломъ и не объемлется имъ (т. е. тѣломъ), но объемлеть оное, какъ огнь желѣзо.

Въ заключеніе всего этого, св. Григорій Нисскій говоритъ: мы рѣшились показать, что присутствіе души въ тѣлѣ непостижимо! таинственно!.. и что умъ не заключается ни въ какой извѣстной части нашего тѣла, то есть онъ равнымъ образомъ находится во всѣхъ и по всѣмъ; и какъ извѣнъ онъ ничего не содержитъ, такъ и внутри онъ не заключается, но присущъ тѣмъ способомъ, который не можетъ быть ни изъяснимъ, ни исчерпаемъ размышеніемъ.

О нескончаемости

бытія души человѣческой, т. е. о бессмертіи.

*Покланяютися, Боже Отче, яко да...
ми еси душу бессмертную и святой
благодати причастную. (Стихъ св. Димит-
рія Ростовскаго).*

Опредѣливъ всему временному начало, говорить св. Софоній Іерусалимскій, Богъ чувственнымъ вѣщамъ назначилъ и конецъ временный, а существа разумныя Онъ почтилъ достоинствомъ болѣшимъ противъ тѣхъ, то есть временныхъ: они никогда не уми-

раютъ и не разрушаются, подобно чувственнымъ вещамъ, которыя текутъ и проходятъ.

Троякихъ жизненныхъ духовъ сотворилъ Богъ: одного, который не покрывается плотю; другого, который покрывается плотю, но не умираетъ съ плотю.

Духъ, непокрываемый плотю, есть духъ Ангельскій. Духъ покрываемый плотю, но съ плотю не умирающій, есть духъ человѣческій. Духъ, покрываемый плотю, и съ плотю умирающій, есть духъ скотовъ и всѣхъ неразумныхъ животныхъ.

Потому человѣкъ ниже Ангела и выше скота,— такъ что онъ имѣеть нечто общее съ высшимъ и низшимъ, т. е.—бессмертіе духа съ Ангеломъ, а смерть плоти со скотомъ до тѣхъ поръ, пока и самая смертность плоти не поглотится славою воскресенія.

Бессмертная душа не будетъ воскресать такъ, какъ тѣло, а только возвратится въ оно (Блажен. Феодоритъ).

Щѣлый міръ неравноцѣненъ душѣ: міръ прѣходитъ, а душа нетлѣнна, и пребудетъ нетлѣнною, говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичикъ.

Мы научены — говорить св. муч. Іустинъ, — что обезсмертываются только одни приблизившіеся къ Богу по святости и добродѣтели, и вѣруемъ, что жившіе неправедно и неперемѣнившіеся наказываются въ вѣчномъ огнѣ, конечно, продолжая свое и существованіе и сознаніе.

Смерть разрѣшенія отъ одежды мертвыхъ кожъ и касается души: ибо не какъ можетъ разрушиться то, что несложно; а какъ это, послушай:

Изъ существующаго ничто не разрушается само собою, иначе оно не составлялось бы и сначала; ибо что разрушается, то разрушается противнымъ, поэтому разрушающеся таково, что оно можетъ разрушиться. А что можетъ разрушиться, то сложно; сложное много-

частно; слагающеся изъ различныхъ частей слагается; различное не то же самое: следовательно, душа, будучи простою, не состоящею изъ различныхъ частей, несложна и неразрѣшимою, по тому самому будетъ нетлѣнна и бессмертна. И еще: не душа умираетъ, но тѣло, какъ скоро разлучается съ душою. Итакъ, ежели бы душа была приводима въ движение тѣломъ, то следовало бы ей, по удаленіи сего двигателя, умереть; но если душа движетъ тѣломъ, то тѣмъ болѣе она можетъ приводить въ движение себя самую; а когда она имѣеть силу действовать сама собою, то несомнѣнно будетъ жить и по смерти тѣла.

Но говоря собственно о бессмертіи души, нельзя съ строгою необходимостію доказать бессмертіе ея. Ибо Тотъ, Кто даровалъ душѣ несложность и простоту, можетъ и совсѣмъ уничтожить душу, и это не будетъ противорѣчить простотѣ ея; равнымъ образомъ, Кто сообщилъ ей силу самодвижности, Тотъ же можетъ и остановить эту силу. Слѣдовательно, настоящее доказательство бессмертія души надобно искать не въ самой сущности ея природы, а въ свойствахъ Премудраго и Правосуднаго Творца ея, давшаго ей природу бессмертную. Поэтому и Отцы Церкви утверждали, что душа наша бессмертна по благодати Божіей. Знай — говоритъ Св. Кириллъ Іерусалимскій, — что ты имѣешь душу свободную, твореніе Божіе прекраснѣйшее, сотворенное по образу Создателя, бессмертное по благодати Бога *).

Вопросъ: Какому же Божію свойству мы обязаны симъ даромъ — „бессмертія“?

*) Но правильнѣе понимать, что душа, по волѣ создавшаго ее Творца, бессмертна по естеству, а не по благодати; потому что осуждены на нѣчное мученіе грешники не имѣютъ благодати, а между тѣмъ бессмертіе не отнято отъ нихъ.

Отвѣтъ: Божіей Премудрости и Правосудію. Пре-
мудрость Божія безсмертна и создательница безсмертія...
Премудрость Божія, хотя изъявити разуму человѣческому свое безсмертіе, аки бы такъ глаголеть: вижь, о человѣкъ!.. Мене знай быти вѣчну и безсмертну; не точію же Мене, но и душу твою отъ мене созданную вижь вѣчну быти и безсмертну.

Не было бы въ душѣ человѣческой ни мысли о Богѣ, ни о самомъ безстрастіи и безсмертіи, не были бы таковы, какъ теперь, и произведенія ея мыслей, если бы надѣлившая нашу душу такими силами Премудрость Божія не даровала въ удѣлъ ей (т. е. душѣ) жизнь въ нескончаемые вѣки.

Въ то время, когда тѣло лежитъ на постели—безъ движенія, и спить какъ бы смертнымъ сномъ, она (т. е. душа), дѣйствуя собственною силою, бодрствуетъ и находится совершенно въ иномъ состояніи, нежели въ какомъ тѣло; и, какъ бы вышедши изъ тѣла, но въ самомъ дѣлѣ пребывая въ немъ, воображаетъ и созерцає то, что превыше земли; ежели душа нерѣдко, оставляя область земнаго, возносится къ св. Ангеламъ и, ободряясь чистотою своего ума, приближается къ нимъ, то не яснѣйшее ли она получить познаніе о безсмертіи тогда, когда разрѣшится отъ тѣла, потому то она и мыслить и разсуждать о безсмертіи и вѣчности, что сама она безсмертна и вѣчно жива. Поэтому же самому душа имѣеть понятіе о Богѣ, сама для себя есть путь, изъ себя самой, а не извнѣ получаетъ познаніе о Словѣ Божіемъ.

Еще о бессмертии души *).

Въ нынѣшнемъ вѣкѣ истина бессмертія весьма много страдаетъ отъ споровъ людей. А потому надобно обратить па нее вниманіе. Вѣчая жизнь—бессмертіе для многихъ остается предметомъ темной вѣры. Почему истина сія темна? Что поставляетъ ее въ такомъ мракѣ? Жизнь вѣчна затмняется для насъ: 1) потому, что она принадлежитъ вещамъ будущимъ и, следовательно, противоположна жизни настоящей, которая принадлежитъ вещамъ настоящимъ. Это несходство жизни будущей съ настоящей и производить то, что первая затмняется въ глазахъ нашихъ; притомъ все будущее само по себѣ для насъ темно; 2) потому, что въ человѣкѣ соединено смертное съ бессмертнымъ, тѣло съ духомъ. Эта двойственность человѣка причиною того, что чувство наше всегда двоится между смертностью и бессмертіемъ. Чувство смертности часто беретъ перевѣсъ низшую стороною—тѣлесною. И поелику эта временная сторона болѣе развивается въ немъ, то весьма естественно болѣе развиваться и господствовать въ человѣкѣ чувству смертности. Соединеніе души съ тѣломъ есть великая тайна. Съ одной стороны, душа разительно отличается отъ тѣла; но, съ другой, она такъ тѣсно соединена съ нимъ, что трудно различить ихъ. Возьмемъ для примѣра вещь грубую, но выражавшую нашу мысль. Сравнимъ духъ съ спиртомъ: что въ массѣ химической спиртъ, то въ тѣлѣ духъ. Спиртъ въ извѣстной массѣ весьма трудно отличить отъ нея самой; это можно сдѣлать только посредствомъ сильнаго химического анализа (разложенія). Такъ и духъ можно отличить отъ тѣла только посредствомъ сильнаго углубленія. Вотъ двѣ главныя при-

*) Изъ сочин. Иппокентіи, арх. Херсон. и Тавр.

чины, потемняющія истину безсмертія! Для чего допущено это потемнѣніе? Нравственная цѣль сего замѣчена давно уже. Она состоитъ въ томъ, что неясность вѣчной жизни дѣлаетъ добродѣтель безкорыстнѣе. При ясномъ представлѣніи ея человѣкъ стремился бы не къ Богу, а къ наградамъ. Добродѣтель собственно состоитъ въ самоотверженіи; но тогда она состояла бы въ самолюбіи: человѣкъ жертвовалъ бы собою не для Бога, а для себя же. Это — цѣль болѣе общая, но есть еще другая, по моему мнѣнію, болѣе рѣшительная. Вѣчная жизнь, безъ сомнѣнія, много содержитъ прекраснаго — привлекательнаго. Поэтому, если бы она раскрылась для насть, то многіе стремглавъ устремились бы къ ней, и самоубійство (быть можетъ) сдѣлалось бы всеобщимъ. Мракъ же сей, отталкивая насть отъ жизни будущей, даетъ правильный ходъ жизни настоящей. Не будь его — тогда добродѣтель, нравственный порядокъ и гражданское бытіе много бы должны потерпѣть. Вотъ и цѣли, для которыхъ допущенъ мракъ, заслоняющій для насть свѣтъ вѣчной жизни!

Посмотримъ теперь на самую истину безсмертія. Истина сія имѣеть двѣ стороны: 1) *мрачную*, которую производятъ изложенія нами причины и которая состоитъ изъ *сомнѣній*, и 2) *свѣтлую*, въ которой сіяетъ свѣтъ *доказательствъ*.

1) Главные пункты *сомнѣнія* суть слѣдующіе: а) происхожденіе души, какъ бы матеріальное, и развитіе ея временное, подобно развитію тѣла; б) ежедневное затменіе души во снѣ, въ которомъ нѣтъ разумной дѣятельности и который составляетъ половину человѣческой жизни; в) ослабленіе способности души, какъ то: памяти и воображенія, происходящее отъ ослабленія силъ физическихъ, и г) разстройство души въ некоторыхъ болѣзняхъ.

Не останавливаясь на выясненіи сихъ темныхъ пунктовъ, чтобы не весьма распространить слово, посмотримъ на свѣтлую сторону безсмертія. Сторона сія состоитъ изъ доказательствъ, основанныхъ на умозаключеніяхъ. Доказательства эти суть слѣдующія. Есть способъ перевести безсмертіе изъ предмета вѣры въ предметъ сознанія. Но какъ это можетъ быть? Этотъ способъ былъ известенъ болѣе всего аскетамъ и даже нѣкоторымъ философамъ, а именно: Сократу и Платону. Онъ состоитъ въ нравственномъ самосознаніи. Мнѣніе, бывшее даже у нѣкоторыхъ богослововъ, что душа безсмертна по благодати, показываетъ или незнаніе души, или изълишнее требованіе отъ благодати. Безсмертіе есть существенное свойство души. Слѣдова- тельно, сознавая чисто душу, мы не можемъ не сознавать и безсмертія, этого неотъемлемаго качества. Если нѣтъ сознанія безсмертія, то нѣтъ и полнаго сознанія духа. Въ плотскихъ людяхъ тѣло и душа соединены весьма тѣсно и почти составляютъ одно; на противъ, въ аскетахъ (монахахъ-подвижникахъ) союзъ сей тонѣе и раздѣльнѣе. Потому они скорѣе доходятъ до бытія души, нежели до бытія тѣла. Съ другой стороны, нравственное сознаніе въ таковыхъ людяхъ усиливается. У людей свѣтскихъ умъ наполняется мыслями о предметахъ тѣлесныхъ, временныхъ, воля стремится къ дѣламъ плотскимъ, тѣлеснымъ, чувство занято вещественнымъ, смертнымъ; а аскеты мыслятъ о духовномъ, вѣчномъ и живутъ духовнымъ, нетлѣннымъ. Такимъ образомъ, вѣчная жизнь входитъ въ ихъ сознаніе, они живо сознаютъ свою духовность, а съ нею и вѣчность. Силою сего самосознанія можно объяснить то, отчего аскеты жертвовали всѣмъ и самою жизнью для будущности. Такого рода люди не только ощущаютъ тотъ невидимый нравственный порядокъ, который предпо-

лагають философы, но даже живут имъ, живя, по выражению апостола, въ невидимомъ. Они имѣютъ свой образъ мыслей, свои правила и живутъ жизнью противоположную жизни обыкновенной, потому что управляются сознаниемъ высшимъ. Не зная доказательствъ безсмертія, они живо чувствуютъ эту истину, и никакія возраженія не въ силахъ поколебать ихъ. Эта же путь къ утвержденію себя въ вѣрѣ въ безсмертіе есть самый лучшій. Онъ мало известенъ въ школѣ, но въ жизни давно уже знаютъ его.

Прежде душу совершенно подчиняли тѣлу и говорили, что безъ известныхъ частей тѣла она не можетъ обойтись. Новѣйшіе физіологи доказали противное. Самый мозгъ не безусловно необходимъ для ея дѣйствованія. Она можетъ сознавать себя правильно и при поврежденномъ мозгѣ. Слѣдовательно, возраженіе, что съ потерей мозга теряется сознаніе души, не справедливо. Думаютъ, что сумасшествіе происходитъ отъ поврежденія нѣкоторыхъ членовъ тѣла. Правда, это бываетъ; но видимъ и противное сему: находить сумасшедшихъ, у которыхъ тѣлесные члены цѣлы и здоровы. Изъ всего этого видно, что если въ теперешнемъ бѣдномъ состояніи душа можетъ отдѣляться отъ зависимости тѣла и существовать сама собою, то тѣмъ болѣе она можетъ существовать тогда, когда состояніе зависимости ея отъ тѣла прекратится.

Во снѣ пространство и время для души почти не существуютъ. Потому она въ это время соединяетъ въ одну, такъ сказать, точку прошедшее, настоящее и отчасти будущее, и живеть жизнью, превышающею жизнь обыкновенную. Она въ то время чувствуетъ себя свободною отъ пространства и времени; видѣть прошедшее; заглядываетъ въ будущее, проникаетъ въ дѣла другихъ. Имѣеть ли эта дѣятельность свои за-

коны? Она подчинена премудрѣйшимъ законамъ. Долго не знали, или, лучше, не обращали на это вниманія; но въ новѣйшія времена начали собирать сонники и наблюдать надъ сновидѣніями. Трудъ этотъ произвелъ систему сновъ, въ которой показано, что сны у всѣхъ народовъ, какъ Новаго, такъ и Стараго свѣта, подчинены однимъ законамъ, что проникновеніе въ будущее есть во всѣхъ снахъ, что во снѣ душа болѣе знаетъ. Правда, въ познаніяхъ ея въ то время примѣтна нѣкоторая летучесть; но этой летучести у св. людей не бываетъ: они во снѣ бесѣдуютъ ясно, опредѣленно. Такимъ образомъ, душа человѣческая еще въ сей жизни живеть въ мірѣ общемъ, божественномъ. Второго рода проявленіе будущей жизни бываетъ въ болѣзняхъ. Здѣсь болѣе, нежели во снѣ, проявляется другая жизнь души. Сны важные бываютъ очень рѣдко; а потому необыкновенная дѣятельность души не всегда въ нихъ бываетъ замѣтна. Болѣзни, въ которыхъ проявляется будущая жизнь души, всѣ суть нервныя. Душа человѣческая ограждена нервною сѣтью, и потому, когда сѣть сія ослабѣваетъ, тогда она начинаетъ дѣйствовать свободно. Особенно это замѣтно въ лунатизмѣ. Въ этомъ состояніи, по причинѣ крайнаго ослабленія нервной системы, душа освобождается отъ вліянія виѣшихъ предметовъ и возвышается надъ законами природы. Они въ то время для нея не существуютъ, ибо душа силою своею носить тогда тѣло, не смотря на то, что оно подлежитъ главному закону природы — тяжести. То же бываетъ въ сумасшествіи, которое также происходитъ отъ ослабленія нервовъ. Въ этомъ состояніи душа предугадываетъ будущее, необыкновеннымъ образомъ припоминаетъ прошедшее и проникаетъ въ дѣла другихъ. Таковое же явленіе происходитъ въ состояніи такъ называемыхъ смертныхъ обмороковъ. Здѣсь, также

какъ и во снѣ, остается сознаніе, по пѣть чувства. Посему-то не безъ причины утверждаютъ, что въ это время человѣкъ бываетъ или въ раю, или въ аду; дѣйствительно, душа наша переносится тогда въ какой-то другой міръ. Для сего стоить прочитать статью въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1830 годъ, гдѣ представляется человѣкъ, который въ сильномъ обморокѣ сознавалъ, какъ его погребали, но не могъ двинуть ни однимъ членомъ тѣла *). Вотъ какъ въ болѣзненномъ состояніи проявляется другая жизнь души! Новѣйшіе подвели это подъ искусство и посредствомъ магнетизма заставили, такъ сказать, душу, производить подобныя явленія. Искусство это сдѣлалось предметомъ шарлатанства и потому запрещается; впрочемъ, обѣ немъ много написано въ книгѣ, такъ называемой „Ясновидящей“, и оно служитъ доказательствомъ того, что душа въ этомъ состояніи имѣеть проницательность. Опыты произвели весьма поучительныя дѣйствія. Не зная ихъ, мы не могли бы понять, какъ душа безъ мозга будетъ мыслить и сознавать. Изъ нихъ мы узнали также важнѣйшую истину ту, что въ душѣ есть двѣ стороны и два сознанія: низшее, обыкновенное, логическое и высшее, необыкновенное. Сообразно симъ двумъ сторонамъ души, и цѣ тѣлѣ есть двѣ системы: мозговая и желудочная. Душа можетъ переходить изъ одной системы въ другую. Поелику системы эти различны и не смѣшаны между собою, то душа, переходя изъ одной въ другую, начинаетъ иначе понимать и иначе дѣйствовать. Напр., лунатикъ иначе сознаетъ въ лунатизмѣ своеимъ, и иначе — освободившись отъ него; въ лунатизмѣ забываетъ состояніе естественное, а въ естественномъ — лунатическое. Каждое изъ сихъ двухъ

*) Подобное сему есть въ листкѣ „Живой мертвецъ“, изданіе Павелемонова монастыря.

состояній имѣть свое вчера и завтра, и одно съ другимъ никогда не смѣшивается. Состояніе сie есть предвѣстіе будущей жизни. Это видно преимущественно изъ того, что человѣкъ въ подобномъ состояніи возвышается надъ силами природы. Притомъ такое состояніе души соединяется съ нѣкоторою злостію, показывающею, что душа съ letzterѣніемъ желасть, такъ сказать, вырваться изъ оковъ тѣла и перейти въ міръ свободы.

Эта необыкновенная жизнь души проявляется и естественнымъ образомъ у людей святыхъ. Что въ другихъ производятъ болѣзни, то у аскетовъ происходитъ натуральнымъ образомъ. Рассказы о чудесахъ, произведенныхъ ими, имѣютъ всю истину. И дѣйствительно, достигнуть силы чудотворенія можно посредствомъ богомыслія. Спаситель, обѣщаю даръ чудесъ, не положилъ предѣлъ, но сказалъ: „вѣрующій въ Меня сдѣлаетъ, что Я дѣлаю, и болѣе сего сдѣлаєтъ“. Въ святыхъ людяхъ это не свыше только происходитъ, но (при содѣйствії благодати^{*)}) достигается и посредствомъ полнаго развитія духовной природы человѣческой и ослабленія природы тѣлесной.

Итакъ, никто да не сомнѣвается въ истинѣ бессмертія души. Сознавая же сю истину, и жить нужно такъ, чтобы по смерти неѣмъ не наслѣдовать вѣчное мученіе адское, а наслѣдовать вѣчное блаженство на небеси.

Составитель.

—•••—

^{*)} Вноска составителя.

Безсмертіє души.

(Изъ бесѣдъ Евсевія, архієпископа Могилевскаго).

Слово Божіе раскрываетъ памъ безсмертіє нашей души, какъ истину общепрѣвестную. Оно говоритъ: *Богъ созди чловѣка въ исистѣнії, и во образѣ подобія Своего сотвори го: звѣстію же діаволю смерть више въ мірѣ* (Прем. 2, 23, 24). Человѣкъ быль бы безсмертенъ и по тѣлу, если бы по завѣсти діавола не быль вовлеченъ въ грѣхъ. Богъ заповѣдалъ Адаму: *отъ дрѣса же, сже разумѣти добrog и лукавос, ис синѣте отъ него: и въ оньже ище денъ синѣте отъ него, смертію умрете* (Быт. 2, 17). Отсель явно, что только чрезъ грѣхъ подвергся человѣкъ смерти по тѣлу. Но смерть тѣла не разрушаетъ существа душп, не прекращаетъ бытія души. Премудрый говоритъ: *и возвратитсѧ перстъ въ землю, ико же бы, и духъ возвратитсѧ къ Богу. Иже даде го* (Еккл. 12, 7). То-есть, изъ персти или изъ земли созданное тѣло оять возвратится въ землю, изъ которой оно взято; а душа возвратится къ Богу, Который создалъ ее по Своему образу.

Всѣ ветхозавѣтныe праведники вѣрою въ будущую жизнь усовершались въ благочестії и праведности, и были вѣрны Богу среди тяжкихъ испытаній настоящей жизни, всѣ умерли въ этой вѣрѣ, какъ пишетъ Апостолъ: *но вѣръ умроща сіи вси, не пріимшъ обнѣованій, но издалича видѣвшіе я, и цѣювшіе, и исповѣдавши, яко страшніи и притеснѣнцы суть на землі. Ибо таковая глаголющіи, явлюються, яко отечествія взыскуютъ* (Евр. 11, 13, 14); всѣ они спасались вѣрою въ обѣщанаго Иисуса Покупителя; но Иисуса Покупителя въ настоящей жизни они не дождались, а только издали вѣрою со-

зерцали тѣ благодатные дли, въ которые имѣлъ Онъ совершить спасеніе рода человѣческаго, и радовались, уповая, что и они будутъ участвовать въ спасеніи не въ этой, а въ другой жизни, и потому въ этой жизни почитали себя страпщиками и пришельцами, показывая тѣмъ, что они ищутъ и ожидаютъ отечества небеснаго.

Богъ, промышляя о сохраненіи и воспитаніи вѣры въ бессмертіе, являлъ въ ветхозавѣтной Церкви и чудесныя свидѣтельства о будущей жизни. Такъ праведный Енохъ (Иуд. ст. 14), за свою вѣру и праведную жизнь, Богомъ переселенъ былъ на небо, не видѣвъ смерти (Евр. 11, 5). Пророкъ Илія съ тѣломъ взять былъ на небо (4 Цар. 2, 11). Были примѣры воскресенія мертвыхъ: такъ Пророкъ Илія воскресилъ сына бѣдной вдовы (3 Цар. 17, 21); кости Пророка Елисея возбудили къ жизни прикоснувшагося къ нимъ мертвца (4 Цар. 13, 21).

Священное Писаніе Новаго Завѣта предлагаетъ намъ болѣе ясное ученіе о будущей жизни человѣка. Иисусъ Христосъ, разрушилъ смерть и явившій жизнь и нетленніе чрезъ благовѣстіе, какъ учитъ Апостолъ (2 Тим. 1, 10), Свою проповѣдью всѣхъ призываетъ къ будущей жизни. Царство Мое, учитъ Онъ, иѣсть отъ мира сего (Иоанн. 18, 36). Блажени изгнани правды ради, яко тыхъ есть царствіе небесное. Блажени есте, егда ноносите вѣрѣ, и иждесиутъ и рокутъ всякъ золъ глаголъ на вы. Блажище Мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мѣда ваши многи на небесахъ: тако бо изгнаша пророки, иже быша прежде васъ (Матѳ. 5, 10 — 12). Такъ Самъ Спаситель свидѣтельствуетъ о вѣрѣ ветхозавѣтныхъ праведниковъ въ будущую жизнь, и всѣмъ ученикамъ Своимъ внушаетъ готовиться къ ней, обѣщаю великую награду на небесахъ за всѣ труды, скорби, изгнанія

и страданія, переносимыя ради имени Его, Спасителя и Бога нашего. При другомъ случаѣ Иисусъ Христосъ, приготовляя Своихъ учениковъ къ мужественному перенесенію гоненій и скорбей, на поприщѣ Апостольскаго служенія, говорить: *не убоитесь отъ убивающихъ тѣло, душа же не могутъ убить: убоитесь же начинаящаго и душу и тѣло погубити въ геенѣ* (Мате 10, 28). Гонители, преслѣдуя Апостоловъ и преемниковъ ихъ, могли вредить только тѣло, могли убить тѣло, а душа не могли повредить, когда гонимые, среди гоненій, сохраняли истинную вѣру. Потому Господь учить не бояться гонителей и мучителей; а бойтесь, говорить, *могущаго и душу и тѣло погубити въ геенѣ*, то есть — бойтесь Бога и Спасителя міра. Онъ Владыка жизни и смерти. Ему дана власть на небеси и на земли. Онъ предопредѣленный Судія живыхъ и мертвыхъ. Его должны мы бояться. Какія бы скорби и болѣзни ни надлежало переносить намъ ради Господа, мы должны благодушно и съ радостію переносить всякія скорби и несчастія, только бы не оказаться намъ нарушителями Его святой воли и не подвергнуться гнѣву Его, *могущаго и душу и тѣло погубити въ геенѣ огненной*.

Обличая Саддукесовъ, не вѣровавшихъ въ бессмертіе души, Иисусъ Христосъ говоритъ: *о воскресеніи же мертвыхъ, иѣсте ли или реченнаго вами Богомъ, глаголющими: Азъ есмь Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковъ? Нѣсть Богъ, Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ* (Мате. 22, 31, 32). Такъ Господь изъ свидѣтельства Моисеева закона, котораго Саддукес не отвергали, показывалъ имъ, что патріархи Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ и послѣ тѣлесной смерти остаются предъ Богомъ живы.

Бесѣдуя съ Маріою, сестрою умершаго Лазаря, Иисусъ Христосъ говорилъ ей: *воскреснешь братъ твой*.

Мареа говорить Ему: въмъ, яко воскреснетъ въ воскрешеніе, въ послѣдній днъ. Іисусъ сказаъ ей: Азъ есмъ воскрешеніе и животъ: въруй въ Мя, ище и умретъ, оживѣтъ. И всякъ живый и въруяи въ Мя, не умретъ во вѣки (Іоан. 11, 23—26). Іисусъ Христосъ и Своими дѣлами показаъ, что Онъ есть начальникъ жизни, воскрешая мертвыхъ однимъ словомъ, какъ воскресиа Лазаря четверодневнаго.—И невѣрующіе не умрутъ, а будутъ жить по смерти; ио ихъ вѣчная жизнъ, въ удаленіи отъ лица Божія въ мученіяхъ, есть смерть, а не жизнь, и въ словѣ Божіемъ называется смертію второю (Апок. 21, 8). Это раскрылъ Господь въ притчѣ о богачѣ и нищемъ Лазарѣ (Лук. 16, 19—31). Въ притчѣ этой Іисусъ Христосъ ясно учитъ, что какъ цуша роскошествовавшаго богача, такъ и душа нищаго Лазаря по смерти тѣла осталися живы: душа Лазаря наслѣдовала блаженство съ Авраамомъ, а душа порочнаго богача — осужденіе, въ удаленіи отъ радостей небесныхъ.

Іисусъ Христосъ для того и приходилъ на землю, чтобы вѣрующіе въ Него не погибли, но имѣли жизнь вѣчную, какъ Самъ Господь учитъ: тако возлюби Богъ міръ, яко и Сыни Своего единороднаго даъ есть, да всяко въруяи въ Онь, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный (Іоап. 3, 16).

Апостолъ Павелъ, обличая невѣріе въ будущую жизнь, говоритъ: ище въ животъ сеѧ точю уповающе есмы во Христа, окаяннійшии всѣхъ человѣкъ есмы. Нынъ же Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умеришиъ бысть. Понеже бо человѣкомъ смерть бысть, и человѣкомъ воскресеніе мертвыхъ. Икоже бо о Адамъ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ (1 Кор. 15, 19—22). Апостолъ показываетъ нелѣпость невѣрія въ будущую жизнь такъ: если мы, то-есть Апостолы и

всѣ вѣрующіе во Іисуса Христа, только въ этой жизни надѣемся на Христа; то мы несчастнѣе всѣхъ человѣковъ: потому что мы здѣсь ради Христа терпимъ презрѣніе, гоненія, мученія, каждый день умираемъ, чему невѣрующіе во Христа не подвергаются. Но какъ несомнѣнно, что Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ,—первенецъ изъ умершихъ, такъ несомнѣнна и будущая жизнь. Какъ смерть вошла въ міръ чрезъ человѣка, такъ чрезъ Богочеловѣка совершился и воскресеніе мертвыхъ. Какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ.

Итакъ, наша душа бессмертна; она будетъ вѣчно жить или на небѣ, или во адѣ. Если на землѣ до конца будемъ жить благочестиво и добродѣтельно, то наша душа вѣчно будетъ блаженствовать на небѣ. А если здѣсь будемъ жить безпечно, предаваясь грѣхамъ, и умремъ во грѣхахъ, не принесши искренняго покаянія, то наша душа вѣчно будетъ страдать во адѣ. И самое тѣло нѣкогда воскреснетъ и будетъ участвовать или въ блаженствѣ праведника, или въ мученіяхъ грѣшника.

Поэтому, надобно намъ всегда помнить о бессмертіи своей души, и помня, заботиться о ея спасеніі,—стараться всегда дѣлать добро чтобы наслѣдовать вѣчную блаженную жизнь; надобно удаляться всяаго грѣха, чтобы не подвергнуться вѣчному несчастію; надобно быть готовыми все потерять и всего лишиться въ этомъ мірѣ, только бы не погубить своей души. Христосъ Спаситель учить: *какъ польза человѣку, аще міръ весь пріобрѣщѣтъ, душу же свою отщетитъ* (Мате. 16, 26).

Чтобы не вредить своей душѣ, или не дѣлать того, что удаляетъ душу отъ Бога и лишаетъ спасенія,—надо всегда имѣть Бога въ умѣ и сердцѣ, и чаще размышлять о мірѣ духовномъ, о бессмертіи

души, о ея духовныхъ совершенствахъ и благахъ, о вѣчномъ блаженствѣ праведныхъ и о вѣчныхъ мученияхъ непокаявшихся грѣшниковъ. Кто, забывая о небесныхъ сокровищахъ, заботится только о благахъ этой жизни, тотъ уподобляется такому купцу, который за ничтожныя вещи отдаетъ золото, серебро и драгоценные камни. Всѣ мы таковы, когда скропреходящія, ничтожныя блага этой жизни покупаемъ потерю благъ небесныхъ,— потерю уготованного намъ вѣчного блаженства. Помни, христіанинъ, что ты имѣешь одну душу, и бойся потерять ее на всю вѣчность.

Душевныя способности и дѣйствія въ отношеніи науки.

Душа мыслю своею во мгновеніе ока восходитъ на небо, нисходитъ во адъ, обтекаетъ землю, проходить грады, бываетъ на всякому мѣстѣ, мыслить все, что только можетъ; воспоминаетъ прошедшее, разсуждаетъ о настоящемъ, предусматриваетъ будущее, уравниваетъ, судить, соединяетъ, раздѣляетъ и самая свои воображенія. Она навыкаетъ разныи языкамъ, всякимъ искусствамъ, высочайшимъ знаніямъ. Сколько діалектовъ (нарѣчій, разговоровъ) ни слышите, сколько книгъ ни читаете, сколько художествъ не видите,— все сіе является душевное дѣйствіе. Ея суть изобрѣтенія тѣ художественные орудія, посредствомъ коихъ проходимъ чрезъ обширнѣйшія моря, нисходимъ во глубину морскую и извлекаемъ оттуда драгоценности, входимъ въ недра земныя, и искальваемъ металлы, измѣряемъ величину солнца, луны и прочихъ планетъ; еще же постигаемъ сущее между ними разстоя-

ніє, познаємъ время ихъ течения, восхождения и заходенія, равноденсія, затменія и взаимное ихъ отстояніе—какъ отъ себя самихъ, такъ и отъ земли.— Возжигаемъ и погашаемъ огнь, впускаемъ и испускаемъ воздухъ, измѣняемъ дѣйствіе огня, воды и вѣтровъ, видимъ и то, что, либо по величеству своему, либо по отдаленности, не подлежитъ нашему зрѣнію.

Ея суть изобрѣтенія: микроскопы, телескопы, бинокли, пиromетры, гидрометры, термометры, барометры, анерометры, граммофоны, компасы, телеграфы, кинематографы, фотографические аппараты и проч..., она вымѣшиваетъ рѣшенія на всякия затруднительности, отражаетъ запутанные и неудобопонятные софизмы, и проникаетъ въ сокровенные вещи.

Душа правословствуетъ, естествословствуетъ, землемѣрствословствуетъ, травословствуетъ, матерословствуетъ, врачесловствуетъ, звѣздословствуетъ, существословствуетъ, духословствуетъ, душесловствуетъ, Богословствуетъ.

Посредствомъ же такихъ дѣйствій господствуетъ и обладаетъ всѣми земными вещами и всею землею. Судя о семъ, никто не можетъ не восхититься и не удивиться, видя толикое душевное благородство и преимущество. И кто не возвеличитъ всесильную Премудрость Бога—Создателя души и не воззоветъ съ порфирионскимъ псалмопѣвцемъ: „Дивно для меня вѣдѣніе (Твое) высоко, не могу постигнуть его“ (Псал. 138, 6).

Душевные способности

въ отношении нравственности и Богообщенія.

Въ существѣ души заключено все, что есть на поверхности ея — въ области свободно-сознательной.

Въ душѣ нашей есть какая-то глубина, какъ-бы лено жизни, откуда все исходитъ и куда снова все, что человѣкъ въ теченіе жизни ни мыслить, ни чувствовать, ни желаетъ — возвращается, чтобы составить одно цѣлостное — нравственную природу души, куда же проникаетъ свѣтъ обыкновенного сознанія. Въ душѣ нашей ничто не пропадаетъ, а все слагается въ одно цѣлое — вѣчный характеръ души, такъ что въ своей глубинѣ есть единая рѣка жизни, слагаемая изъ различныхъ потоковъ мыслей, чувствъ, желаній и дѣлъ.

Въ глубинѣ своего существа душа наша соединена съ самыи Божественнымъ Духомъ — все объемлющимъ и все пропищающимъ, Который влечетъ все къ Себѣ Свою Божественною красотою; значитъ, когда душа низойдетъ во внутреннюю глубину существа своего, тогда она чрезъ это вступить во внутренній союзъ съ Богомъ.

Кромѣ того она состоить въ связи съ подобными себѣ существами міра духовнаго, ибо она есть гражданика царства духовнаго; значитъ, по отрѣшеніи отъ тѣла, она естественно должна вступить въ общеніе съ духами.

(Изъ сборника Кіевск. Академ.).

Духовное зрѣніе души.

Каждая душа человѣческая имѣетъ духовныя очи, данные ей для того, чтобы видѣть Бога, — подобно тому, какъ въ каждомъ тѣлѣ есть тѣлесныя глаза, устроенные для того, чтобы видѣть предметы чувственного міра.

Поэтому для того, чтобы видѣть Бога и убѣждаться въ Его бытіи, нужно только смотрѣть на Него духовными очами. Но при этомъ требуется, чтобы эти очи были здоровы и не покрыты тьмою и нечистотою грѣховною, иначе они не увидятъ Бога, хотя Онъ для другихъ будеть видимъ, подобно тому, какъ больные глазами или слѣпые не видятъ солнечнаго свѣта, не смотря на то, что онъ для зрящихъ не престаетъ существовать и свѣтить.

И это око сердечное, или очи душевныя, или просто Божественная въ насть идея не есть мыслительная или разсудочная сила души, а скорѣе есть внутреннее ея чувство, или, точнѣе сказать, внутреннѣйшая и глубочайшая сторона этого чувства, какою оно обращено къ особеннѣйшей области сверхчувственного и Божественного, подобно тому, какъ чувства виѣшнія обращены къ области предметовъ міра чувственного. Оно не гадательно или посредствомъ выводовъ и умозаключеній проникаетъ въ область Божественного, а непосредственно соприкасается къ ней, принимая изъ нея живыя впечатлѣнія; и выносимое имъ отсюда убѣжденіе въ бытіи Божиемъ не есть основанное на какихъ либо посредствующихъ или логическихъ выводахъ, а осязательное, живое, непосредственное убѣжденіе, похожее на то, какое получается нами относи-

тельно бытія виѣшнихъ предметовъ, безъ всякихъ посредствъ разсудочныхъ, на основаніи одного свидѣтельства зрѣнія и другихъ виѣшнихъ чувствъ. Не будь у насъ этого духовнаго чувства, мы не имѣли бы возможности свою вѣру въ бытіе Божіе доводить до степени осязательной и неотразимой несомнѣнности.

Но оно дано каждому, будучи такъ нераздѣльно съ природою души, какъ глаза съ организаціею тѣла, благодаря чему каждый имѣеть полную возможность осязательно убѣждаться въ бытіи Божіемъ, какъ убѣждается въ бытіи солнечнаго свѣта имѣющей глаза. Если же не всѣ пользуются этой возможностію, если нѣкоторые готовы сомнѣваться въ самомъ бытіи Бога, то причина этому не въ чёмъ-либо иномъ, какъ въ испорченности и низвращенности того, что составляетъ глаза души, — въ чёмъ они сами виновны и ихъ порочная жизнь.

Человѣкъ долженъ имѣть душу, какъ блестящее зеркало. Когда на зеркалѣ есть ржавчина, то не можетъ быть видимо въ зеркалѣ лицо человѣческое, такъ и человѣкъ, — когда въ немъ есть грѣхъ, не можетъ созерцать Бога, потому что Онъ бываетъ видимъ для тѣхъ только, у кого открыты очи душевныя и не помрачены грѣхами и злыми дѣлами, какъ Самъ Христосъ сказалъ: „Блажени чистіи сердцемъ, яко тиу Бога узрятъ“.

(Изъ Богословія Еп. Сильвестра).

Способность души человѣческой созерцать сновидѣнія.

Всякій знаетъ, что такое сновидѣніе и всякий имѣть ихъ. Но нельзя думать, что эта способность

души незначительна. Правда, есть сны пустые, являющиеся только повторениемъ или отголоскомъ того, что проходило во время дня. Но есть и *въщія сновидѣнія*. Подъ именемъ въщихъ сповъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, разумѣются сны съ предвѣщаніемъ или предсказаніемъ будущаго, а въ широкомъ смыслѣ:—всѣ необыкновенные правдивые или имѣющіе смыслъ и значеніе сны въ отличіе отъ обыкновенныхъ, какъ пустой игры воображенія.

Еще языческіе мудрецы различно судили о снахъ. Одинъ языческій мудрецъ (Протагоръ) говорилъ: „каждый сонъ имѣеть свое значеніе, свой смыслъ, и для человѣческой жизни полезно обращать на сны вниманіе“. Другой языческій мудрецъ (Ксенофантъ) утверждалъ, что всѣ сны пусты и обманчивы, и что заблуждается тотъ, кто обращаетъ на нихъ вниманіе и устрояетъ по нимъ свои дѣла.—Истины нужно искать въ серединѣ, т. е. во-первыхъ, не на всѣ сны надобно обращать вниманіе и, во-вторыхъ, не всѣ сны надобно презирать, считать ихъ пустыми.

Во-первыхъ,—говоримъ,—не на всѣ сны надобно обращать вниманіе. Самъ Богъ увѣщеваетъ людей чрезъ Моисея „не гадать по снамъ“ (Лев. 19, 26). „Безразсудные люди,—говорить Сирахъ,—обманываютъ самихъ себя пустыми и ложными надеждами; кто вѣритъ снамъ, тотъ подобенъ обнимающему тѣнь или гоняющемуся за вѣтромъ; сновидѣнія совершенно то же, что отображеніе лица въ зеркалѣ“ (34, 1—3). Большая часть сновъ суть только естественное слѣдствіе возбужденного воображенія человѣка. О чёмъ человѣкъ днемъ думаетъ, чѣмъ онъ сильно заинтересованъ, чего онъ страстно желаетъ или не желаетъ—это и снится ему. Св. Григорій разсказываетъ объ одномъ человѣкѣ, который безразсудно вѣрилъ снамъ, и которому во снѣ

объщалась долгая жизнь. Онъ собралъ много денегъ, чтобы имѣть чѣмъ благополучно прожить долгую жизнь свою,— но вдругъ заболѣлъ, и вскорѣ умеръ,— и, такимъ образомъ, не могъ сдѣлать никакого употребленія изъ своего богатства, и въ то же время не могъ взять съ собою въ вѣчность никакихъ добрыхъ дѣлъ.

Слѣдовательно, есть много сновъ пустыхъ и обманчивыхъ, которые или просто ничего не значать, или же бываютъ по дѣйствію бѣсовскому для прельщенія нашего, а посему на таковые сны не надобно обращать вниманія.

Но, во-вторыхъ, есть и такие сны, которые имѣютъ значеніе для насъ, и на которые надобно обращать вниманіе. Укажемъ для примѣра сонъ Іосифа одного изъ двѣадцати сыновей патріарха Іакова. Іосифу снилось, что онъ съ братьями жнетъ въ полѣ пшеницу: спонъ Іосифа стоялъ прямо, а споны братьевъ окружили его и поклонились ему. Этотъ сонъ точно исполнился: по истеченіи пѣкотораго времени, Іосифъ, проданный братьями въ Египетъ, сдѣлался владыкою Египта и пріѣхавшіе въ Египетъ братья его должны были кланяться ему и почитать его. Точно также сбылся и пророческій сонъ фараона, царя Египетскаго. Если-бы фараонъ не обратилъ вниманія на этотъ сонъ и не сдѣлалъ бы большихъ запасовъ хлѣба въ урожайные годы для годовъ неурожайныхъ, то онъ горько раскаивался бы; жители Египта, а также отецъ и братья Іосифовы, умерли бы голодною смертію.

И многіе изъ людей, а, можетъ быть и изъ находящихся среди насъ, имѣютъ причину раскаиваться въ томъ, что не обратили вниманія на нѣкоторые сны свои. Вотъ для прамѣра одинъ разсказъ. Одинъ безпутный юноша, не слушавшій увѣщаній своихъ луч-

шихъ друзей, направлявшихъ его на другую лучшую дорогу, увидѣлъ однажды во снѣ своего отца, который строго повелѣвалъ ему оставить безпутную и беззаботную жизнь и жить лучше; но—согласно изреченію Иисуса Христа, — „если не слушаютъ закона, то не послушаютъ и того, кто-бы воскресъ изъ мертвыхъ,“ — юноша не обратилъ никакого вниманія на свой сонъ. Тогда онъ снова видѣлъ такой же сонъ: ему снова спится отецъ, который заявляетъ сыну, что если онъ не перемѣнить свой жизни, то въ такой-то день постигнетъ его смерть, онъ предстанетъ на судъ Божій. Юноша рассказалъ шуточно о снѣ своемъ подобнымъ же ему товарищамъ, и не только не думалъ объ исправленіи жизни, но даже какъ бы хотѣлъ посмѣяться надъ угрозою, полученною во снѣ. Имено—на тотъ же день, въ который во снѣ отецъ угрожалъ сыну смертю, онъ назначилъ большую пирушку съ товарищами. И что же? Среди винопитія внезапно поражаетъ сына апоплексический ударъ и онъ чрезъ нѣсколько минутъ умираетъ.

Изъ приведенныхъ здѣсь разсказовъ мы видимъ, что не всѣ сны обманчивы и пусты,—есть сны, которые дѣйствительно исполняются въ жизни.

Приведемъ теперь нѣсколько советовъ о томъ, какъ нужно относиться къ сновидѣніямъ.

Если сны побуждаютъ насъ къ добру и удерживаютъ отъ зла, то считайте эти сны перстомъ Божіимъ, указывающимъ вами на небо и отклоняющимъ васъ отъ дороги къ аду. Вотъ какъ объ этомъ говорится въ одной книжѣ свящ. Писанія: „Богъ говоритъ однажды и, если того не замѣтить, въ другой разъ: во снѣ, въ ночномъ видѣніи, когда сонъ находитъ на людей во время дремоты на ложѣ. Тогда Онъ открываетъ у человѣка ухо и запечатлѣваетъ свое наставленіе, чтобы

отвѣсть человѣка отъ какого-либо предпріятія и удалить отъ него гордость, чтобы отвѣсть душу его отъ пропасти и жизнь его отъ пораженія мечомъ (Іов. 33, 14—8).

„Когда увидишь во снѣ образъ креста, — учить преп. Варсонофій, — знай, что этотъ сонъ истиненъ и отъ Бога, но постараися отъ святыхъ (живущихъ богоугодно) получить истолкованіе значенія его, а не вѣрь своему помыслу“.

Если же вы увѣрены, или не имѣете разумной причины думать, что сонъ происходитъ отъ Бога, въ особенности, если сонъ касается неважныхъ, безразличныхъ предметовъ, тогда нѣть надобности обращать вниманіе на сны и устроить по нимъ свои дѣйствія; будьте осторожны, дабы, обращая вниманіе на каждый сонъ, не сдѣлаться суевѣрными и не подпасть опасности согрѣшить.

Если, наконецъ, сонъ соблазняетъ человѣка на грѣхъ, то онъ есть слѣдствіе нашего испорченного, разстроеннаго воображенія, нашей фантазіи, или же онъ происходитъ отъ того, отъ кого да сохранитъ насъ Богъ своею благодатію, т.-е. отъ діавола.

(Изъ книги „Дивныя свойства души человѣка“).

Тричастіе человѣка.

Тѣло, Душа, Духъ.

Тричастіе Души.

Словесное, раздражительное, вожделѣвателное.

Душевныя три силы.

Разумъ, память, воля.

Троичность.

Тѣло,	душа,	духъ.
Плотское.,	душевное,	духовное.
Противуестественное,	естественное,	вышеестественное.
Безнравственное,	благоправ- ственное,	благодатствован- ное.

Домъ души — тѣло, домъ духа — душа.

Если человѣкъ двойственъ, т.-е. изъ тѣла и души, если природа наша состоитъ не изъ трехъ частей, а изъ двухъ, то какъ-же приписывается еще и духъ, который составляетъ какъ-бы нѣчто третіе?

Св. Григорій Нисскій говорить: надобно знать, что въ священномъ Писаніи духъ человѣка обыкновенно употребляется двояко: иногда духъ употребляется вмѣсто души (какъ сказано въ Евангеліи: Отче въ руцѣ Твои предаю Духъ Мой!), а иногда вмѣсто духовнаго дѣйствія (духъ бодр., плоть же немощна).

Священномученикъ Ириней говорить: человѣкъ состоитъ изъ троичности: изъ плоти, души и духа. И какую бы имѣлъ Апостолъ причину молиться о всецѣломъ сохраненіи въ пришествіе Господне сей троичности, т. е. тѣла, души и духа (Фессалон. 5, 23), еслиъ не зналъ о сохраненіи и соединеніи трехъ, и о единомъ и томъ же ихъ спасеніи. Итакъ, тѣ совершенны, которые имѣютъ и *Духа Божія*, пребывающаго въ нихъ, и душу и тѣло сохраняютъ непорочными.

Но выраженіе: „Духа Божія“ не касается троичности человѣка, потому что человѣкъ самъ по себѣ троиченъ. Духъ же Божій пребываетъ только съ достойными, а отъ грѣшниковъ не покаявшихся, удаляется.

Составитель.

Св. Іоаннъ постникъ писалъ: пріимите псаломъ (говорить Давидъ) и дадите тимпанъ, псалтирь съ гусльми: даетъ одно, а трехъ проситъ, потому что изъ

трехъ частей мы составлены (во образъ Святой Троицы).—Псалтирь есть духъ, душа—гусли, а тимпанъ долженъ быть сдѣланъ изъ кожи мертвоя; итакъ, умертви тѣло, чтобы въ тимпанъ и лихъ славить Бога въ Троицѣ славимаго.

Троичность природы человѣческой можетъ быть нѣсколько понятна, если согласиться съ мнѣніемъ преосвящ. Феофана затворника Вышенскаго, который въ одномъ изъ многочисленныхъ своихъ писемъ (томъ 1-й, письмо 106) говоритъ, что человѣкъ вначалѣ, созданъ быль живымъ, какъ и ироція живыя существа, то есть съ тѣломъ и душою, оживляющею тѣло, а потомъ Господь вдунулъ въ лицо его духъ Свой, который соединился съ душою и вмѣстѣ съ нею сдѣлался бессмертнымъ. Но опять и здѣсь нельзя грубо понимать, что будто и въ самомъ дѣлѣ Богъ прежде создалъ человѣка какъ животное съ душою неразумною, а послѣ уже вдунулъ въ него духъ Свой. Это все говорится только для того, чтобы мы могли понять, что, въ отношеніи оживленія, питанія и возрастанія тѣла, человѣкъ имѣть такую же силу или душу, какъ и животныя; а въ отношеніи разума и бессмертія имѣть Богоподобный духъ. Касательно же созданія человѣка, какъ говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, нужно понимать, что тѣло и душа человѣка созданы одновременно, вмѣстѣ,—и въ сіе самое мгновеніе вдунуть (какъ вдувать — это необычно) Богоподобный духъ, такъ что человѣкъ сразу явился во всемъ своемъ величіи — совершеннымъ по душѣ и тѣлу.

Различие души и духа видно еще изъ того, что человѣкъ, живущій по влеченіямъ чувственной плоти и животной своей силы, иногда ничѣмъ не отличается отъ безсловесныхъ животныхъ, но даже дѣлается хуже ихъ, не зная никакихъ границъ и предѣловъ, тогда какъ животныя не проходятъ сихъ границъ, дѣйствуюсь лишь необходимымъ. — Таковые люди обыкновенно называются плотскими, душевными. Живущіе же по влеченіямъ Богоподобнаго духа называются духовными.

Итакъ, правильнѣе всего понимать, что душа и духъ человѣка не двѣ отдельныя сущности, по двѣ стороны одного и того же духа, дѣгдѣ части въ одномъ цѣломъ. Ибо если допустить, что душа и духъ отдельныя сущности, то нужно признать, что, по смерти человѣка, они должны существовать отдельно другъ отъ друга, или же низшей части нужно уничтожиться, какъ это бываетъ съ душою животныхъ; но подобная мысль недопустима, потому что и Свѧтейшес. Писаніе и самъ пр. Отцъ Порфирий единогласно говорятъ о существованіи и всецѣломъ сохраненіи за гробомъ единой души.

Составитель.

Тричастіе души,

Мыслительное, раздражительное, вожделѣвателное.

У святаго Дмитрія Ростовскаго читаемъ: человѣкъ есть Божіе созданіе, въ его же естество три вещества суть насыждены: разумное, похотное и яростное. — Разумомъ доброе и злое разумѣвается; похотію иногда добрыя, иногда злыхъ вещи желаетъ; гнѣвомъ и яростію естественны отмщенія обидѣтелю ищеть. А потому — премѣпивый безсловесіе на познаніе и просвѣщеніе разума, ярость и гнѣвъ претворивый на кротость, сласть и похоть плотскую, безсловесную — на Божественное желаніе и любовь, — тричастное души во глубинѣ безстрастія и просвѣщенія разума видѣвшіе..., воспѣваетъ, духомъ радуяся Господеви..., а дотолѣ не можетъ быти безъ скорби.

И долгъ высокаго христіанскаго подвижничества требуетъ всегда возбуждать „раздражительную силу“ ко вступленію въ брань внутреннюю и къ самоосужденію; „мыслительную силу“ — къ строгому и непрерывному трезвенію и духовному созерцанію; „вожделѣвателную силу“ — въ любовь къ Богу и добродѣтели.

Душа имѣть три природыя свойства: разумъ, чтобы различать; сердце, чтобы отвращаться пороковъ, и волю, чтобы желать добродѣтели.

Врачующіе добродѣтели:

Милостыня исцѣляетъ раздражительность; посты увядаетъ похоть; молитва очищаетъ умъ и направляетъ его къ созерцанію Бога.

„Изъ всего вышесказанного видно, что человѣкъ, созданный по образу и подобію Тріпостаснаго Бога, во всѣхъ своихъ составленіяхъ и способностяхъ носить отпечатокъ сей Троичности, чего не видно ни въ комъ иномъ изъ всѣхъ тварей, а только въ одномъ человѣкѣ.“.

Составитель.

—♦—

Въ чемъ душа подобна Богу *).

1. Богъ тройченъ въ лицахъ, подобно и душа наша есть трояка въ своихъ силахъ: она имѣть разумъ, память, волю, которыя, хотя суть три различныя способности, однако составляютъ одну душу.

2. Богъ Самъ въ себѣ есть безъ всякаго сложенія, вещества и очертанія, подобнымъ образомъ и душа наша есть сама въ себѣ, не будучи изъ какихъ либо частей сложена, ничего вещественнаго и никакого очертанія **) не имѣть, только зависить отъ Бога единственно, яко отъ Него происходящая.

3. Богъ есть бессмертенъ, и душа наша также бессмертна и въ томъ сходствуетъ съ Богомъ, что бессмертно, говорить блаженный Августинъ.

*) Выписанъ съ небольшимъ измѣненіемъ изъ книги „Путь ко спасенію“ сочин. Феодора Эмина 1890 г.

**) Душа, какъ духъ, очертанія не имѣть, но такъ какъ она тѣсно соединена съ тѣломъ, то и по выходѣ изъ тѣла принимаетъ видъ тѣла со всѣми подробностями его очертаніями.

Состав.

4. Господь Богъ невидимъ: Бога никтоже видѣлъ нигдѣже, говорить святый Иоаннъ Богословъ (Иоан. 1, 18); невидимъ потому, что Онъ есть Духъ (Иоан. 4, 24); и душа наша равнымъ образомъ невидима, потому что и она есть духъ, и симъ уподобляется Богу.

5. Богъ есть на каждомъ мѣстѣ, во всемъ мірѣ управляя и приводя въ движение всѣ дѣйствія: подобнымъ образомъ и душа находится во всемъ нашемъ тѣлѣ, которое малымъ міромъ называется, во всѣхъ частяхъ, жилахъ и составахъ онаго она есть, и вездѣ присутствуетъ, управляя имъ и приводя его члены, суставы и кровь въ движение.

6. Богъ знаетъ всѣ вещи и все, что только быть можетъ, или будетъ; наша также имѣетъ способность разсуждать и разумѣть иѣкимъ образомъ искончаемость свою, чѣмъ, по учению св. Иоанна Дамаскина, и уподобляется Богу.

7. Богъ имѣетъ полную во всемъ волю: и душѣ нашей Онъ благоволилъ дать полную же надъ собою волю, такъ что она свободна!

8. Богъ владѣетъ всѣмъ міромъ и всею природою: и человѣку благоволилъ дать полную власть надъ всѣми живущими на землѣ, да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небесными (и звѣрьми), и скотами и и всею землею, и всѣми гады пресмыкающимися по земли (Быт. 1, 26).

9. Богъ всемогущъ; человѣкъ же, хотя не все, однако очень многое можетъ; и представляетъ иѣкимъ образомъ въ себѣ сию Божественную силу, отъ которой онъ могущество свое заимствуетъ, имѣя способность производить такія дѣйствія, которыхъ прочія животныя не только сдѣлать не могутъ, но и попять не въ состояніи.

10. Богъ Самъ въ Себѣ блаженъ есть: и душа наша предназначена Богомъ для вѣчнаго съ Нимъ блаженства, если только она сама сего восхощетъ и не удалится отъ Него грѣховными дѣлами своими.

Всі удаляющіяся отъ Бога погибнутъ (Псал. 72. 27); погибнутъ не въ смыслѣ совершеннаго уничтоженія, но въ смыслѣ лишенія вѣчнаго блаженства и наслѣдованія вѣчной муки.

— * —

Душа и духъ человѣка, и ихъ взаимодѣйствіе.

Душа — существо духовное — не есть проявленіе другой какой силы, какъ радуга, а есть самостоятельная, особая личность, свободо-разумная, нормальное состояніе которой есть жизнь въ общеніи съ Богомъ, почтившимъ ее въ сотвореніи образомъ Своимъ.

Въ человѣкѣ надо различать душу и духъ. Духъ содергитъ чувство Божества — совѣсть и ничѣмъ неудовлетворимость. Онъ есть та сила, которая вдохнута въ лице человѣка при сотвореніи. Душа — низшая сила, или часть той же силы, назначенной на веденіе дѣлъ земной жизни. Она такая сила, какъ душа животныхъ, но возвышенная ради сочетанія съ нею духа. Духъ и изъ Бога, сочетавшись съ душою животныхъ, возвель ее на степень души человѣческой. — И стала человѣкъ двоякъ: одно тянетъ горѣ, другое — долу. Когда человѣкъ въ своемъ чинѣ держится, то онъ живеть духомъ, то-есть страхомъ Божіимъ водится, и совѣсть слушаетъ и горячаго ищетъ. А когда онъ поддается влеченіямъ души дольней, то выходить изъ своего чина, и то, чего хочетъ духъ, думастъ достать среди тварей. Это ему не удается, и онъ томится, и крушится.

Духъ тутъ, какъ плѣнникъ въ узахъ, — находится въ **услуженіи** у варваровъ, страстей похотныхъ. Самъ онъ не удовлетворяется, и страсти дѣлаетъ неудовлетворяемыми, сообщая имъ безграничный разливъ. Отчего животныя потребности у животныхъ всѣ въ своей мѣрѣ, а у человѣка, когда онъ предается чувственности, животныя потребности предѣла и мѣры не имѣютъ? Эту безмѣрность сообщаетъ имъ духъ, попавшійся въ плѣнъ къ пимъ; а духъ сею безмѣрностію чаетъ затушить свою жажду безконечнаго, по образу всего созданъ, и въ коемъ единомъ благо его.

Такъ вотъ видите, что и животныя у насъ отпра-
вленія есть, — и въ самомъ ихъ движеніи проявляется
нѣчто совсѣмъ животнымъ несвойственное. — О чемъ
ни стать разсуждать — всегда придешь къ тому за-
ключенію, что человѣкъ обладаетъ духомъ, котораго истин-
ная жизнь есть жизнь въ Богѣ. Тамъ только онъ на-
ходить покой, тамъ его рай и обѣтованная земля.

Сборникъ писемъ Еп. Феофана, томъ 1-й, письмо 140.

—♦♦♦—

Образъ и подобіе.

*Образъ есть неизреченный Твоей
славы, аще и язвы ношу прегрѣшений.*

Человѣкъ есть малый міръ, состоящій изъ однихъ и тѣхъ же со вселеною стихій. Но что важнаго въ этомъ — почитать человѣка образомъ и подобіемъ міра?.. Въ чемъ же по церковному ученію состоитъ человѣ-
ское величіе? Не въ подобії тварному міру, но въ томъ, чтобы быть по образу естества Сотворшаго... Божіе слово, въ краткомъ изреченіи соединивъ всѣ

блага, обозначило ихъ, сказавъ, что человѣкъ созданъ по образу Божію... Однимъ изъ числа всего необходимо есть сіе — быть свободнымъ, имѣть самовластную рѣшимость, потому что добротель есть иѣчто добровольное. Всѣмъ людямъ дарованъ умъ, всѣ имѣютъ способность размышлять, напередъ обдумывать;— и все прочее, чѣмъ изображается Божественное естество въ сознаніи по образу егс.

Однаково имѣть сіе — и человѣкъ при первомъ устроеніи міра, и тотъ, который будетъ при окончаніи вселеній: они равно носить въ себѣ образъ Божій. Итакъ, образъ Божій и подобіе не въ тѣлѣ человѣческомъ образуется, но въ душѣ. Богъ есть Духъ безплотенъ, и душу человѣческую создалъ безплотну, Себѣ подобну: самовластну, разумну, бессмертиу, вѣчности общницу, и сопряжею плоти.

Однакожъ — образъ и подобіе Создателя Бога — душа человѣческая разумна аще и во всѣхъ человѣцѣхъ, каждо свою душу имущихъ, есь едино... обаче не во всѣхъ одинаково то образа Божія подобіе собою дается. Елицы многими грѣхами себе окаляша, въ тѣхъ образъ Божій помраченъ... и подобіе..., разнствуетъ премного отъ подобія Божія. Елицы же добрыми дѣлами Господу Богу своему благоподобитися и благоугодити тщатся, въ тѣхъ душевный образъ есть свѣтель... и подобенъ Создателю своему. Елико ето множе въ Богоугожденіи трудится, толико свѣтайшій въ томъ образъ Божій и подобнѣйшее Богови подобіе является.

Итакъ: Образъ есмъ неизреченные Твои славы,
Аще и язвы ионшу прегрѣшений.

Если кто желаетъ изучить, какъ человѣкъ по образу Божію сотворенъ (говорить св. Григорій Нисскій), тотъ долженъ разсмотрѣть составъ разумной души своей, долженъ тщательно, порознь и подробнѣ

изслѣдовать всѣ части ея, равно—и части частей, причины, способы, постепенное развитіе, соединенія и разности, ея однообразное состояніе и тричастное раздѣленіе: какимъ образомъ она и одна и усматривается въ троичности по образу Божію,—единство въ троичности и троичность въ единствѣ.

1. Словесноразумная сила, частные способности ея.

Св. Антоній Великій говоритъ, что пять чувствъ приосновены разума; есть пять чувствъ тѣлесныхъ и пять душевныхъ.

Чувства тѣлесныя:

Зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ, осязаніе.

Чувства душевныя:

Умъ, разумъ,	всображеніе, мнѣніе, чувствованіе,
Умъ, разумъ,	мысль ума, разсужденіе, сердечная ніе, бодрость,
Умъ, способность мышленія,	чувственное мнѣніе, ощущеніе,
Умъ, смыслъ,	мечтаніе, маѣніе, чувство,
Умъ, слово (судъ),	чувство ума, мнѣніе, вѣжливость.

Смиренный Никита Стифатъ говоритъ: тотъ, который дѣйствія вышешихъ чувствъ къ внутреннимъ чувствамъ приложилъ, т. е. зрѣніе—къ уму, зрящему свѣтъ живота простый, слухъ—къ разуму души, вкусъ къ разсужденію словесе, обоняніе—къ мысли ума, осязаніе въ сердечной привлекущей бодрости—Ангельскую жизнь на земли совершаеть.

Далѣе—по исчислениіи пяти душевныхъ чувствъ—св. Іоаннъ Дамаскинъ замѣчаетъ: отъ ощущенія проходитъ въ душѣ впечатлѣніе, которое называется представленіемъ; отъ представленія рождается мнѣніе; потомъ сила мышленія, разсудивъ о мнѣніи,—истинно ли оно или ложно,—изрекаетъ свой судъ объ истинномъ. Наконецъ то, что разсуждено и опредѣлено, какъ истинное,—называется умомъ.

По другому разумѣнію первое движеніе ума называется мышленіемъ. Мысленіе объ извѣстномъ предметѣ именуется мыслію. Когда мысль останавливается на одномъ, и оставляетъ въ душѣ отпечатокъ мыслимаго, то сіе дѣйствіе называется вниканіемъ (отъ слова вникнуть, углубиться въ предметъ мыслимаго).

Далѣе, когда вниканіе, остановившись на одномъ и томъ же, испытываетъ и повѣряетъ себя и рассматриваетъ сообразность души съ мыслимымъ предметомъ, оно именуется соображеніемъ. Расширенное соображеніе составляетъ умствованіе, которое называется также внутреннимъ словомъ. А внутреннее слово опредѣляютъ такъ: оно есть полнѣйшее движеніе души, происходящее въ разумной ея способности, безъ всякаго выраженія устнаго. Изъ сего-то внутренняго слова происходитъ слово виѣшнее, изрекаемое посредствомъ языка.

2. Раздражительная сила, виды дѣятельности ея.

Гнѣвъ есть дѣйствованіе способности раздражительной, хотя онъ же есть страдательное состояніе двухъ частей; первая: зависть, ненависть, вражда, зло-

словіе, злоумыпленіе, сварливое и мстительное расположение, и на долгое время простирающееся памято-злобіе; а вторая: доброе дѣйствіе силы раздражительной, ненавидѣніе зла, брань противу страстей, укрѣпленіе души въ мужествѣ, дабы подвизающейся за вѣру и добродѣтель не устрашался кажущагося страшнымъ для многихъ.—Въ такомъ случаѣ душевная сила раздраженія не уклоняется отъ благого употребленія негодованія.

3. Вожделѣвательная сила, способности ея.

Существо самостоятельное, стремясь къ свойственному ему естественному и полному проявленію своей сущности, желаетъ существовать, жить и двигаться согласно съ умомъ и чувствомъ; отсюда въ желательной силѣ души нашей—желанія чувственныя, но естественныя.

Въ неразумныхъ животныхъ вслѣдъ за пожеланіемъ чего нибудь тотчасъ бываетъ и стремленіе къ дѣйствію; потому что пожеланіе въ нихъ неразумно, а они водятся пожеланіемъ естественнымъ. Посему пожеланія безсловесныхъ животныхъ не называются ни волею, ни хотѣніемъ; ибо воля есть естественное желаніе, разумное и свободное. А въ людяхъ, какъ существахъ разумныхъ, естественное желаніе не столько управляетъ, сколько само управляется. Ибо, такъ какъ въ человѣкѣ и познавательныя и относящіяся къ жизни способности состоятъ въ связи, то онъ и приводить себя въ движение свободно, и ищетъ свободно, и исны-

тываетъ и изслѣдываетъ свободно, и совѣтуетъ самъ съ собою свободно, и избираетъ свободно, и стремится къ дѣлу свободно, и дѣлаетъ все, что согласно съ природою,— свободно. Св. Іоаннъ Дамаскинъ.

По свидѣтельству св. Евагрія, разумная душа тогда только дѣйствуетъ согласно съ своею природою, когда желательная ея часть стремится къ добродѣтели, а раздражительная подвигается за нее, то есть помогаетъ ей; разумная же предается созерцанію сотворенаго.

„Такимъ образомъ добродѣтельное направленіе силы вожделѣнія есть устремленіе желанія къ существенно-вожделѣнному“, то есть къ дѣланію добродѣтелей, которые доставляютъ душѣ отраду и утѣшеніе.

„Душа сотворена свободно, посему можетъ какъ преклоняться на доброе, такъ и отвращаться отъ доброго. Наша природа, какъ вѣсы..., нерѣдко склоняется къ лукавому, а нерѣдко и къ доброму; ибо душа то преклоняется въ страсти, то опять увлекается разумомъ къ лучшему“.

Нужно замѣтить, говорить св. Іоаннъ Дамаскинъ, что иное есть воля, иное — хотѣніе, иное — предметъ воли, иное — лицо, могущее хотѣть, и иное — хотящій. Воля есть простая способность хотѣть. Хотѣніе есть воля, устремленная къ извѣстному предмету. Предметъ хотѣнія есть та самая вещь, къ которой устремлена воля, или то, чего мы хотимъ. Такъ, напримѣръ, въ насъ возбуждается желаніе пищи: само по себѣ оно есть просто желаніе; но когда опредѣляется разумомъ, тогда называется волею. Могущимъ хотѣть называется тотъ, кто имѣетъ способность воли, какъ, напримѣръ, человѣкъ; а хотящимъ тотъ, кто волю обнаруживаетъ въ дѣйствительномъ употребленіи.

Должно знать и то, что слово воля иногда означаетъ способность хотѣнія или воли, и тогда подъ

онымъ разумѣется воля прирожденная; а иногда означаетъ предметъ воли, и тогда подъ онимъ разумѣется воля совѣщательная.

О страстяхъ.

Всѣ св. Отцы говорятьъ, что всякая страсть рождается отъ сихъ трехъ причинъ: отъ славолюбія, сребролюбія и сластолюбія. Дѣйствительно, отъ увлечения и грѣховнаго движенія способности вожделѣнія происходить: сребролюбіе, славолюбіе, сластолюбіе и всѣ симъ подобные пороки, которые имѣютъ началомъ сей родъ зла.

По изѣясненію св. Григорія Синаита, страсти имѣютъ различные наименованія. Раздѣляются же онѣ—на тѣлесныя и душевныя.

Страсти тѣлесныя: блудъ, прелюбодѣяніе, нечистота, распутство, обида, пресыщеніе, беспечность, суетность, щегольство, привязанность къ жизни и проч.

Страсти душевныя таکъ же раздѣляются на страсти:—раздражительной, вожделѣвательной и мыслящей способности.

Страсти мыслительной силы: невѣріе, хула, злость, коварство, любопытство, двоедушіе, злословіе, клевета, осужденіе, презрѣніе, насмѣшка, лицемѣріе, ложь, сквернословіе, пустословіе, лесть, притворство, хвастовство, человѣкоугодіе, превозношеніе, клятвопреступленіе, празднословіе и проч.

Страсти раздражительной части:

Гаѣвъ, досада, крикъ, вспышчивость, дерзость, наглость и проч.

Страсти вожделѣвательной части:

Любостяжаніе, необузданность, неумѣренность, жадность, сластолюбіе, сребролюбіе, и жесточайшее изъ всѣхъ — самолюбіе.

Страсти ума:

Надменность, высокомыріе, кичливость, самонадѣянность, тщеславіе, вражда, зависть, самоугодіе, прекословіе, непослушаніе, мечтаніе, вымыслы, чванство, славолюбіе, гордость — первое и послѣднее изъ всѣхъ золъ.

Страсти разсудка: разсвѣніе, легкомысліе, раболѣпство, помраченіе, ослѣпленіе, увлеченіе, внушеніе, уступчивость, преклонность, сговорчивость, опрометчивость и симъ подобная...

Ино суть страсти плотскія, ино же душевныя. Плотскія страсти содержатся въ чувствахъ плотскихъ видимо, якоже — сластолюбіе, похоть, лѣнность и прочая чувствамъ угодная и желательная.

Душевныя же страсти содержатся въ невидимомъ и недовѣдомомъ сердцѣ, якоже — гнѣвъ, ярость, злоба, памятозлобіе, братоненавидѣніе и прочая тѣмъ подобная, въ сердцѣ помыслами содержимая и на явь иногда исходящая.

Сѣмъ перечисленныхъ страстей есть въ каждомъ человѣкѣ; но сѣмъ сіе можетъ и остаться сѣменемъ, никогда не произрастая. Прорачиваніе и воскориленіе ихъ зависитъ отъ воли человѣка. Если онъ начнетъ согрѣвать это сѣмъ своимъ расположениемъ и питать ихъ худыми наклонностями, то сѣмъ сіе можетъ прорости и возрасти въ цѣлый полкъ лютѣйшихъ тирановъ, которыхъ тогда ничѣмъ удовлетворить невозможно, потому что, чѣмъ болѣе будешь ихъ удовлетворять, тѣмъ сильнѣе онѣ возрастутъ и лютѣе начнутъ тиранить своего питателя. Посему то и Спаситель сказалъ, что всякий творящій грѣхъ, рабъ есть грѣха (Иоан. 8, 34).

Вотъ съ сими то домашними нашими врагами предстоить намъ лютѣшша брань въ продолженіе всей жизни. И если побѣда останется на нашей сторонѣ, то благо намъ; если-же въ концѣ концовъ останемся мы побѣдленными, то горе намъ; ибо тогда участь наша будеть самая печальная.

Составитель.

Паденіе и омраченіе души.

Человѣкъ, порабощенный страстями, утрачиваетъ данную ему отъ Бога свободу воли, такъ что онъ ничего уже не можетъ творить съ разсужденіемъ по своему личному убѣженію, но исполняетъ только то, на что влекутъ его страсти и злые грѣховные обычай. Вмѣстѣ съ симъ онъ омрачается въ себѣ образъ Божій, дѣлается врагомъ Божіимъ и другомъ діавола, съ которымъ въ будущемъ вѣкѣ наслѣдуетъ вѣчную пагубу, если не покается и не исправитъ жизни своей еще въ сей жизни.

Составитель.

„Св. Макарій Великій говоритъ, что въ насть дѣйствуетъ зло со всею силою и ощущительностью, внушиая намъ нечистыя пожеланія, однакожъ (оно) срастворено съ нами не такъ, какъ иные говорятъ сіе о смѣшениіи вина съ водою, но какъ на одномъ полѣ растутъ и пшеница сама по себѣ и плевелы сами по себѣ, или какъ въ одномъ домѣ находятся особо разбойникъ и особо владѣтель дома“.

„Когда свѣтить солнце и дуетъ вѣтеръ, то у солнца свое тѣло и своя природа, и у вѣтра своя же природа и свое тѣло. Такъ и грѣхъ примѣщался въ душѣ; но и у грѣха и у души своя особая природа“.

„Въ иное время душа дѣйствуетъ по влеченію страстей и вишенію діавола, въ иное же время само-

стоятельная душа действуетъ сама по себѣ, и раскаивается въ своихъ поступкахъ, плачетъ, молится и приводитъ себѣ на память Бога. А если бы душа всегда погрязала во злѣ, то какъ могла бы дѣлать это? Потому что сатана, будучи жестокосердъ, никакъ не хочетъ, чтобы люди обращались къ покаянію".

Итакъ, человѣкъ всегда имѣеть власть и силу исправить жизнь свою, если только пожелаетъ.

О свободѣ.

Ты созданъ по образу и по подобію Божію, говоритъ св. Макарій Великій: потому что какъ Богъ свободенъ и творитъ, еже хощеть, такъ свободенъ и ты...

Человѣкъ есть образъ Божій по свободѣ и по праву владычества... Человѣкъ, хотя облеченъ плотію и кожею, но воззри на благородство разумной, бессмертной души; смотри на образованіе человѣка и подивись сему животному. Одно только оно изъ всего сотворенаго не подвержено закону необходимости; одного только человѣка сотворилъ Богъ господиномъ своей воли. Или не видишь, что солнце совершає теченіе свое по предписаннымъ законамъ, и что обращеніе его всегда одинаково; а почему? потому что оно не имѣеть своей воли, тогда какъ ты располагаешь собою произвольно, дѣлаешь, что хочешь, не знаешь принужденія, которое насильно влекло бы тебя, — будучи свободнымъ въ душѣ. Солнце повинуется необходимости, а человѣкъ имѣеть свободную волю. Дѣйствуя на свободу нашу, благодать Божія и добро дѣлать не принуждаетъ насъ и зло дѣлать попускаетъ намъ.

Св. Антоній Великий говорить: „Если хочешь, можешь быть рабомъ страстей и, если хочешь, можешь оставаться свободнымъ, не подклоняясь подъ иго страстей: ибо Богъ создалъ тебя самовластнымъ. Побѣждающій страсти плотскія (и душевныя) вѣнчается нетлѣніемъ. Еслибы не было страстей, не было бы и добродѣтелей, ни вѣнцовъ, даруемыхъ отъ Бога людямъ достойнымъ“.

О спасеніи нашемъ.

Вопросъ: Въ чёмъ состоитъ спасеніе наше (св. Димитр. Ростовск.)?

Отвѣтъ: Въ сердцѣ и въ Бозѣ: въ сердцѣ производящемъ, начинающемъ, къ Богу обращающемся, а въ Бозѣ: помошествующемъ, содѣйствующемъ и въ конецъ добрый производящемъ... Спасаетъ человѣка: Благодать Божія, содѣйствующая произволенію человѣческому, и произволеніе человѣческое, содѣйствующее благодати Божіей. Господь готовъ спасти нась, но только ожидаетъ горячаго, по мѣрѣ силъ нашихъ, стремленія къ Нему воли напечь, и Самъ производить въ насъ благую отъ произволенія вѣру и усердіе, и всякое преуспѣяніе.

Благодать — говорить Маркъ подвижникъ: не престаетъ вспомоществовать намъ тайно; но въ нашей власти состоять по силѣ дѣлать добро, или не дѣлать. Хотя волю нашу въ добрую сторону направляетъ и ей вспомоществуетъ благодать Божія, но, чтобы не дать даровъ своихъ беспечнымъ, она выискиваетъ случаи, заставляетъ насъ желать помочи ея, и подаетъ дары свои всегда вслѣдствіе нашихъ усилий. Хотя младенецъ — замѣчаетъ св. Макарій Великій:

ничего не способенъ дѣлать, или не можетъ на своихъ ногахъ идти къ матери своей, однако же, ища матери своей, движется, кричить, плачетъ, — и мать сжаливается надъ нимъ: она рада, что дитя съ усиліемъ и волемъ ищетъ ее; а такъ какъ младенецъ не можетъ прйти къ ней, то сама мать преодолѣвается любовью къ младенцу за долгое исканіе его, подходитъ къ нему и съ великою нѣжностю беретъ, ласкаетъ и кормить его. То же дѣлаетъ и человѣкоболюбивый Господь Богъ съ душою, которая приходитъ и взываетъ Его.

Богъ далъ намъ власть избирать доброе или худое, хочетъ, чтобы мы были свободно добры; посему, если мы не хотимъ, Онъ це приневоливаетъ насъ и не принуждаетъ; ибо быть по принужденію добрымъ, не значитъ быть добрымъ: принужденно никто не можетъ быть добрымъ.

Такимъ образомъ, измѣняемость нашей природы приносить намъ величайшую пользу; ибо отъ нея зависитъ преуспѣяніе въ добродѣтеляхъ, безпрерывное измѣненіе къ лучшему. Она приближаетъ къ Божеству того, въ комъ совершаются сіе счастливое измѣненіе. Измѣняемость нашей природы служитъ намъ какъ бы крыльями въ стремлѣніи къ высшему..., и для насъ было бы несчастіе, если бы мы не были способны къ измѣненію къ лучшему.

Итакъ, человѣкъ, видя въ природѣ своей склонность къ измѣненію, не сѣтуй; но, безпрестанно измѣняясь въ лучшее, и преобразуясь отъ славы въ славу, измѣняйся каждую минуту, становясь лучшимъ чрезъ ежедневное возрастаніе; всегда усовершаясь, и никогда не достигая конца совершенства. Ибо въ томъ и состоитъ истинное совершенство, чтобы, возраста и усовершаясь, никогда не останавливаться въ семъ

возрастаніи и не находить предѣла усовершенствованію, какъ сказаъ Саъмъ Христосъ: „Будьте совершенны, якоже Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть“ (Мате. 5, 48). А сего совершенства достигнуть не легко, и всѣй вѣчности для сего недостаточно; да въ строгомъ смыслѣ слова это и не возможно, потому что ни въ святости, ни въ совершенствѣ никто сравниться съ Богомъ не можетъ. Повелѣно же сіе намъ для того, чтобы мы, помышляя святость и совершенства Божіи, старались всѣмъ усердіемъ и сами совершенствоваться въ добродѣтеляхъ, задная забывая, въ предняя же простираясь, какъ сказаъ Апостоль, и чтобы не подумали, будто можно достигнуть такой степени святости, выше которой нельзѧ уже идти.

Составитель.

Порывы души къ небу.

Было время, когда въ мірѣ духовномъ царствовала одна лишь гармонія святости и красоты, но вслѣдствіи гордости падшаго ангела внесла въ него зло и безобразіе; было время, когда и въ мірѣ вещественномъ были стройность, порядокъ и красота, но человѣкъ, владылецъ земли, потерявъ свою невинность передъ Богомъ, сдѣлался причастнымъ злу и разрушенню и это зло и разрушеніе внесъ и въ вещественный міръ.

Итакъ, причиной зла и разрушенія въ вещественномъ мірѣ былъ человѣкъ. Въ моментъ грѣхопаденія онъ уже проникся грѣхомъ и потому не могъ больше оставаться въ раю — мѣстѣ святости и красоты, изъ котораго и былъ изгнанъ. Но грѣхъ, возобладавъ человѣкомъ, не въ состояніи былъ изгладить въ немъ следовъ прежняго благородства, не могъ заглушить

въ немъ тоски по утерянномъ раѣ, и эти драгоценные слѣды, эта тоска, передаваясь изъ рода въ родъ, служить и до настоящихъ днѣй людямъ путеводными звѣздами къ возвращенному имъ Богочеловѣкомъ бла-женному раю.

Ничто не можетъ изгладить въ человѣкѣ стремленія къ чему-то свѣтлому, превосходному и безконечному. Кто не испыталъ въ своей жизни этого чувства, что, при полномъ, повидимому, земномъ счастіи и благородствіи, ему все-таки чего-то недостаетъ? Безъ сомнѣнія, оно знакомо всѣмъ; оно, обыкновенно, проявляется въ душѣ неясно и выражается въ ней неопредѣленной грустью и тоской.

Что жъ это за чувство такое и о чёмъ оно напоминаетъ человѣку? Это чувство составляется изъ всѣхъ лучшихъ порывовъ его души, которые ему врождены и служить главнымъ его отличиемъ отъ неразумныхъ тварей. Это чувство напоминаетъ человѣку о другой жизни, высшей и совершенѣйшей, которой собственно и жаждеть его душа. Будучи созданной по образу и по подобію Божію, она тяготѣть къ своему Первообразу, какъ дитя къ своей матери, и потому твердо вѣрить въ будущую жизнь: она величественна, какъ частица безконечнаго ея Создателя, и потому ее ничто не удовлетворяетъ виѣ Божественнаго.

По своей неопытности душа иногда желаетъ земныхъ благъ: богатства, славы и проч., надѣясь въ нихъ, а не въ Богѣ, найти полное удовлетвореніе своимъ желаніямъ; но едва достигаетъ ихъ, какъ уже сознаетъ себя опять несчастной и ничѣмъ не удовлетворенной. Такова беспокойная душа человѣка. Но едва ли ее можно упрекать за то, что она слишкомъ разборчива въ вещахъ, не соответствующихъ ея природнымъ требованіямъ; иѣтъ, это доказываетъ только ея величие.

Узнавъ по опыту всю ничтожность земныхъ благъ, она уже не придаетъ имъ большого значенія, ибо, если человѣкъ признаетъ себя выше и совершеннѣй чего-либо, то онъ уже не станетъ преклоняться предъ нимъ и домогаться его.

Душа человѣка стремится къ небу, потому что для нея такое стремленіе естественно; но ея земное тѣло мѣшаетъ ей, удерживая въ своихъ цѣпяхъ и привлекая къ землѣ. Оно служится для души не только тормозомъ въ ея стремленіи, но и ея врагомъ; оно своими страстями искажаетъ прекрасный ликъ души и часто топчетъ въ грязь ея нѣжныя и свѣтлые чувства, которыя ему ненавистны; оно всѣми силами своей падшей природы противится ея духовному трезвленію и увлекаетъ ее въ водоворотъ грѣха.

Но, кромѣ тѣла, у души есть еще и сторонніе враги—нечистые духи. Они воюютъ противъ нея заодно съ ея собственнымъ тѣломъ и нерѣдко побѣждаютъ ее. Побѣженная ими, она уже не можетъ свободно думать о Богѣ, о небѣ, о христіанской жизни, ибо она уже порабощена врагами, которые распоряжаются ею по своему усмотрѣнію. Однако, бываютъ въ жизни человѣка и такие моменты, въ которые его душа ощущаетъ въ себѣ раскаяніе и умиленіе; тогда въ ней возникаютъ вдругъ святые и мощные порывы къ небу и, разрывая вокругъ нея сѣти грѣха, увлекаютъ ее вновь въ ея родную стихію—свѣтлый духовный міръ, научая ее въ то же время презирать свое тѣло и его прихоти. Многихъ грѣшниковъ возвели эти порывы на величайшую высоту духовнаго совершенства и святости; многихъ они произвели въ сверхчеловѣки по величимъ и чуднымъ дарамъ благодати свыше. Раскроемъ Четыри-Минеи, патерики, лѣтописи и мы найдемъ тамъ подтвержденіе всего сказаннаго; прочтемъ жизнеопи-

санія преподобной Маріи Египетской, ходившій по водѣ, какъ по сушѣ, преп. Евдокіи, вознесеной по смерти сонмами ангеловъ къ престолу Божію, и многихъ другихъ, и мы увидимъ всю необыкновенную силу и важность этихъ возвышенныхъ порывовъ.

Одінъ мой товарищъ, который былъ со мною однихъ убѣжденій, при разговорѣ объ этомъ такъ передавалъ мнѣ дѣйствіе святыхъ порывовъ въ человѣкѣ.

„Иногда, говорилъ онъ:—погружаясь внутрь себя, видишь тамъ одну беспросвѣтную тьму, въ которой находится душа. Ни одного луча съ неба! Ни малѣйшаго отблеска съ высоты! Вдругъ появляется откуда-то свѣтлая, блестящая точка, разгоняющая на своемъ пути мракъ и приближающаяся къ тебѣ. Ты очарованъ, ты восхищенъ ея красотой, ты желалъ бы хоть на мгновеніе задержать ея полетъ... Но вотъ она увеличивается предъ тобою и, ставши какъ бы свѣтлымъ облачкомъ, окутываетъ тебя имъ, сгущаясь подъ твоими ногами, и ты уже чувствуешь, какъ съ быстротою мысли возносишься этимъ облачкомъ въ высоту. Чрезъ мигъ твои взоры начинаютъ уже улавливать свѣтъ иного міра, къ которому ты раньше стремился, но тщетно“.

Да, наше стремленіе къ другому лучшему міру бываетъ тщетнымъ, когда мы боимся всепѣло отдаться святымъ порывамъ души. Мы боимся..., потому что намъ тогда пришлось бы отвергнуть себя и жить по Евангелію, по совѣсти. А безъ Евангелія какъ можно и стремиться къ этому міру? Немыслимо... и мы погружаемся въ безрадостную тьму житейскихъ мелочей.

Страшно и грустно! Страшно потому, что мы рискуемъ умереть во мракѣ нашихъ страстей и погибнуть; грустно потому, что мы добровольно ослѣпляемъ себѣ глаза, дабы не видѣть истинъ, которыхъ

насъ могли бы спасти. Насъ губить боязнь самоотвержения во имя Евангелія; безъ лѣпи, холодности и разсѣянности мы не можемъ совершить ни одного доброго дѣла; мы боимся и на шагъ отступить отъ своего самоугожденія. Не потому ли теперь всѣ вольно-мыслящіе и вольноживущіе люди такъ смѣло и беззастѣнчиво поносатъ святыню и глумятся надъ христіанствомъ, что у нихъ предоставѣтъ духа жить по Евангелію? Они сознаютъ, что кощунствуютъ, однако, стараются увѣрить себя, что все это пройдетъ для нихъ безнаказанно. Жалкое самообольщеніе! Конечно, можно закрывать глаза и въ виду бездонной пропасти, если отъ того чувствуется пріятно и спокойно; но какое будетъ разочарованіе въ спокойствіи, когда придется упасть въ эту пропасть!

Нѣть, не предадимъ свою бессмертную душу въ жертву страстному тѣлу, не допустимъ безсилія предъ духовными врагами и не рѣшимся промѣнять, по примѣру евангельского богача, добрую вѣчность на доброе времѧ! Не будемъ пренебрегать душой и ея святыми порывами къ небу, которые въ состояніи возвратить насъ въ нѣкогда утерянный рай! (Рус. Псал.)

А. Бибиковъ.

◆◆◆◆◆

Блаженнаго Августина.

Сила души создаетъ семь степеней могущества ея — въ тѣлѣ, въ ней самой и предъ Богомъ.

1-я степень душевной силы.

Душа, какъ это легко видѣть вся кому, животворить своимъ присутствиемъ это земное и смертное тѣло, собираетъ его въ одно и содергитъ въ единствѣ, не дозволяя ему распадаться и истощаться; распредѣ-

длять питаніе равномѣрно по членамъ, отдавая каждому изъ нихъ свое, сохраняетъ его стройность и соразмѣрность не только въ томъ, что касается красоты, но и въ томъ, что касается роста и рожденія.

2-я степень душевной силы.

Взойди поэтому на другую ступень и посмотри, какою силою располагаетъ душа въ чувствахъ, гдѣ жизнь проявляется очевиднѣе и яснѣе,—душа простирается въ ощущеніе, и въ немъ чувствуетъ и различаетъ теплое и холодное, шереховатое и гладкое, твердое и мягкое, легкое и тяжелое; затѣмъ, вкушая, обоняя, слушая, видя, она различаетъ безчисленныя особенности вкусовъ, запаховъ, звуковъ, формъ. И во всемъ этомъ она принимаетъ и стремится къ тому, что соответствуетъ природѣ ея тѣла. а что противоположно этой природѣ, то отвергаетъ и того убѣгаетъ. Въ извѣстный промежутокъ времени—во время сна—она отвлекается отъ этихъ чувствъ, перебираетъ сама про себя цѣлыми рядами и на различные манеры образы вещей, которые чрезъ нихъ (т. е. чрезъ чувства тѣлесныя) получила; все это и составляетъ собою сонъ и сновидѣнія, исключая изъ сего только нѣкоторыя сновидѣнія, бывающія по Божію промыслу и по дѣйствію бѣсовскому.

Составитель.

Въ бодрствованіи же силою привычки привязывается къ вещамъ, чрезъ среду которыхъ проводить тѣло, и отрывается отъ нихъ будто отъ членовъ съ болѣю; эта сила привычки, не разрываемая самою разлукой съ вещами и промежуткомъ времени, называется памятію.

3-я степень душевной силы.

Итакъ, поднимись на третію ступень, которая составляетъ уже собственность человѣка, и представь

эту память безчисленныхъ вещей, не приросшихъ силою привычки, а взятыхъ на сохраненіе идержаныхъ наблюдательностію; — эти разные роды искусствъ, воздѣлыванія полей, постройки городовъ, многоразличныя чудеса разнообразныхъ сооруженій и великихъ предпріятій; изобрѣтеніе столькихъ знаковъ, въ сло-вахъ, въ тѣлодвиженіяхъ, въ звуки всякаго рода, въ живописи и ваяніи; — столько языковъ у народовъ, столько учрежденій, то новыхъ, то возстановленныхъ; такую массу книгъ и всякаго рода памятниковъ для сохраненія памяти и такую заботливость о потомствѣ; — эти ряды должностей, властей, честей и сановъ, въ быту ли то семейномъ, или въ государственномъ, внутреннемъ и военнослужебномъ, въ свѣтскомъ ли то, или въ священномъ кульѣ; — эту силу соображенія и вымысла, потоки краснорѣчія, разнообразіе поэтическихъ произведеній, тысячи видовъ подражанія, искусство музыкальное, точность измѣреній, науку вычи-сленій, разгадку прошедшаго и будущаго на основаніи настоящаго. — Велико все это и вполнѣ человѣческое. Но все это богатство еще обще съ одной стороны — душамъ ученымъ и пеученымъ, съ другой — добрымъ и злымъ.

4-я степень душевной силы.

Подними поэтому глаза выше и вспрыгни на четвертую ступень, съ которой начинается доброта и все то, что дѣйствительно заслуживаетъ похвалы. Начиная съ этой ступени, душа осмѣливается предпо-читать себя не только своему, хотя и составляющему яѣкоторую часть мірового, но самому міровому тѣлу, и не считать его блага своими благами, а, по сравне-ніи съ собственнымъ могуществомъ и красотою, отдѣ-лять и презирать ихъ; и затѣмъ, чѣмъ болѣе любить

себя, тѣмъ болѣе удаляется отъ нечистотъ, очищаетъ себя отъ всякаго пятна и старается всячески о возможной красотѣ своей и убранствѣ; борется противъ всего, что становится ей на пути, чтобы отклонить ее отъ ея предположеній и намѣреній — высоко цѣнить общество человѣческое и не желаетъ другому ничего такого, чего не хочетъ себѣ; повинуется авторитету и заповѣдамъ мудрыхъ и вѣритъ, что чрезъ нихъ говорить ей Богъ.

Этому свѣтлому стремлению души присущъ еще трудъ и великое и весьма тягостное столкновеніе съ скорбями и прелестями этого міра; ибо съ самымъ дѣломъ очищенія соединяется страхъ смерти, часто не великій, но часто весьма сильный.

Не великъ онъ бываетъ тогда, когда въ простотѣ сердца вѣрится (видѣть же, дѣйствительно ли оно такъ, можно душѣ только вполнѣ очистившейся), что все управляется Божественнымъ провидѣніемъ и правдою такъ, что смерть не можетъ несправедливо прилучиться никому, хотя бы ее нанесъ человѣкъ несправедливый. Но боязнь смерти становится сильною и на этой уже степени, когда дѣло очищенія тѣмъ менѣе представляется прочнымъ, чѣмъ заботливѣе о немъ стараются; и кажется менѣшимъ отъ того самого, что по причинѣ страха уменьшается спокойствіе, крайне необходимое для изслѣдованія вещей таинственнѣйшихъ. Затѣмъ, чѣмъ болѣе душа, въ силу самаго успѣха своего, чувствуетъ, какъ велико различіе между нею чистою и оскверненою (т. е. какова она есть на дѣлѣ, и каковою должна быть въ отношеніи къ сказанному въ Евангеліи: „будьте совершенны, яко же Отецъ Вашъ небесный совершенъ естъ“ ^{*)}), тѣмъ болѣе опасается, — что, когда она сложить это бренное тѣло, Богъ ее осквер-

^{*)} Составитель.

неннюю можетъ потерпѣть еще менѣе, чѣмъ терпить она сама. А нѣть ничего труднѣе, какъ бояться смерти, и въ то же время воздерживаться отъ прелестей этого міра, какъ требуютъ того самыя опасности. Но такова сила души, что она можетъ успѣвать въ этомъ при помоши правды высочайшаго и истиннаго Бога, ко-торою весь міръ поддерживается и управляется, кото-рая дѣлаетъ и то, что не только все существуетъ, ис-и такъ существуетъ, что существовать рѣшительно лучше не можетъ. Этой правдѣ съ великимъ благоче-стіемъ и твердою надеждою она и вѣряетъ себя въ столь трудномъ дѣлѣ своего очищенія, чтобы она по-могла ей и усовершила ее.

5-я степень душевной силы.

Когда это совершится, т. е. когда душа будетъ свободна отъ всякаго тлѣнія и омыта отъ сквернъ, тогда наконецъ она чувствуетъ себя исполненою высочайшей радости, нисколько не боится за себя, не испытываетъ никакой тревоги за свое положеніе. Это составляетъ пятую степень. Ибо иное— добиваться чистоты, а иное— имѣть ее; и иное совершенно дѣло— очищать себя оскверненную, и иное— не дозволять себѣ снова оскверниться. На этой степени душа чув-ствуетъ свою силу во всѣхъ отношеніяхъ; а когда по-чувствуетъ это, тогда съ нѣкоторою великою невѣро-ятною самоувѣренностью устремляется къ Богу, т. е. къ самому созерцанію истины, и это составляетъ вы-сочайшую и таинственнѣшую награду, ради которой столько понесено труда.

6-я степень душевной силы.

Но это дѣйствіе, т. е. стремленіе души къ уразу-мѣнію того, что существуетъ истиннымъ и высочай-

шимъ образомъ, представляетъ собою высшее соверша-
тельное душевное состояніе. Совершеніе, лучше и
нормальнѣе его нѣть для души. Эта степень состоянія
будетъ поэтому шестою. Ибо иное дѣло очищать самыи
глазъ души, чтобы онъ не смотрѣлъ напрасно и без-
цѣльно, и не видѣлъ превратно; иное—обращать ясный
и прямой взоръ на то, что подлежитъ разсмотрѣнію.
Тѣ, которые хотятъ дѣлать послѣднее прежде, чѣмъ
будетъ очищеніе, и получать исцѣленіе, до такой сте-
пени болѣзненно поражаются этимъ свѣтомъ Истины,
что не только не находить въ немъ ничего добра, но
даже, напротивъ, находить въ немъ весьма много
дурного, отказываютъ ему въ названіи истины, и съ
нѣкоторымъ сладострастіемъ и жалкимъ наслажденіемъ,
проеклиная врачевство, погружаются въ свой мракъ,
который болѣзнъ ихъ можетъ выносить. Потому-то, по
Божественному вдохновенію и вполнѣ правильно, го-
воритъ пророкъ: *«сердце чисто созижди во мнѣ Боже,
и духъ правъ обнови во утробѣ моей»*. Духъ правый, по
моему мнѣнію, дѣлаетъ то, что душа въ изысканіи
истинѣ не можетъ уклоняться отъ прямого пути и
заблуждаться. А такой духъ не обновится въ ней
прежде, чѣмъ сердце не будетъ чистымъ, т. е. прежде
чѣмъ самое помышленіе не устранится отъ всякаго
пожеланія и всякой нечистоты вещей смертныхъ.

7-я степень душевной силы.

А что скажу я тебѣ объ этихъ радостяхъ, объ
этомъ наслажденіи высочайшимъ истиннымъ благомъ,
о тихомъ мерцаніи свѣта и вѣчности, присущихъ
этому видѣнію и созерцанію истины, которое состав-
ляетъ седьмую и послѣднюю степень души, да даже
и не степень, а нѣкоторое постоянное пребываніе, въ
которое восходятъ тѣми степенями?.. Объ этомъ сказали,

насколько сочли нужнымъ сказать, нѣкоторыя несравненные души, о которыхъ мы думаемъ, что они видѣли и видятъ это. Я же съ своей стороны съ полной увѣренностию скажу тебѣ одно: если мы будемъ съ полнымъ постоянствомъ держаться того направлениа, которое предписываетъ намъ Богъ, и котораго мы рѣшились держаться, то мы достигнемъ при помощи силы и мудрости Божественой той Высочайшей причины, или Высочайшаго виновника бытія, или Высочайшаго начала всѣхъ вещей, постигнувъ которую (хотя Божества въ сущности никто постичь не можетъ), мы дѣйствительно увидимъ, что все подъ солнцемъ—суета существующихъ. Суета есть ложь, а подъ существующими разумѣются или обманутые, или обманывающіе, или тѣ и другіе вмѣстѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы будемъ въ состояніи распознать, какое различіе между этими (то есть видимыми, тлѣнными благами) и тѣмъ, что существуетъ истинно (т. е. благами невидимыми, вѣчными, нетлѣнными).

Тогда познаемъ, какъ истинно то, чему повелѣно памъ вѣровать; какъ прекрасно и въ высшей степени спасительно мы были воспитываемы Матерью Церковью: какъ велика была польза того млека, о которомъ Апостолъ Павелъ сказалъ, что онъ далъ его въ питье младенцамъ.—Принимать эту пищу, когда кто кормится матерью, въ высшей степени полезно, но принимать, когда кто выросъ уже, стыдно; отвергать же ее, когда она нужна,—достойно сожалѣнія; порицать же ее когда бы то ни было, или ненавидѣть—злодѣйство и нечестіе. А приготовлять и надлежащимъ образомъ раздавать ее—дѣло въ высшей степени похвальное и полное любви.

И въ этой тѣлесной природѣ, какъ скоро она повинуется законамъ Божественнымъ, увидимъ такія

смѣны и чередованія, что самое воскресеніе плоти (которому частію вѣрять съ большимъ трудомъ, частію же совсѣмъ не вѣрять) признаемъ за несомнѣнное до такой степени, что для насъ не будетъ вѣрнѣе восходъ солнца послѣ запада.

При этомъ въ созерцаніи истины, насколько каждый въ состояніи созерцать,—такое наслажденіе, такая чистота, такая неподдѣльность, такая несомнѣнная достовѣрность, что каждый полагаетъ, что кромѣ этого онъ никогда ничего не зналъ, хотя и казался самому себѣ знающимъ; и такъ какъ душа не встрѣчаетъ препятствій къ тому, чтобы отдаваться истинѣ всецѣло, то смерть, которой она прежде боялась, обратится въ предметъ желанія какъ высочайшій даръ по слову Апостола: „желаніе имью разрѣшилъ и со Христомъ быти“.

Свѣтлое, первобытное и возсозданное Христомъ состояніе души человѣческой, въ которой Самъ Богъ почиваетъ и она въ Бозѣ.

Св. Макарія Великаго.

Нѣть иной такой близости и взаимности, какая есть у души съ Богомъ и у Бога съ душою. Богъ сотворилъ разныя твари; сотворилъ небо и землю, солнце, луну, воды, древа плодоносныя, всякия роды животныхъ. Но ни въ одной изъ сихъ тварей не почиваетъ Господь. Всякая тварь во власти Его; однако же не утвердилъ Оль въ нихъ престола, не установилъ съ ними общенія; благоволилъ же о единомъ человѣкѣ, съ нимъ вступилъ въ общеніе и въ немъ почи-

ваетъ. Видишиъ ли въ этомъ сродство Бога съ человѣкомъ и человѣка съ Богомъ.

Какъ небо и землю сотворилъ Богъ для обитанія человѣку, такъ тѣло и душу человѣка создалъ Онъ въ жилище Себѣ, чтобы вселяться и упокоиваться въ тѣлѣ его, какъ въ домѣ Своемъ, пимъя прекрасною невѣстою возлюбленную душу, сотворенную по образу Его. Почему Апостолъ говоритъ: „*Его же домъ мы есмы*“ (Евр. 3, 6).

Посему душа смысленная и благоразумная, оби-
шедши всѣ созданія, нигдѣ не находить себѣ упоко-
енія, какъ только въ Единомъ Господѣ. И Господь ни-
къ кому не благоволитъ, какъ только къ единому че-
ловѣку. О семъ такъ говоритъ псалмопѣвецъ: „*возжада душа
моя къ Богу крѣпкому, живому, когда прииду и явлюся
лицу Божію*“ (Псал. 41, 8). Таковою жаждою Богообщенія должна быть обята всякая душа, истинно любящая Господа; а кто сей жажды не ощущаетъ въ себѣ, тотъ не сподобится того Божественного насыщенія, о чемъ Самъ Христосъ сказалъ: „*Бла-
жени илчущіи и жаждущіи привѣды, яко тѣи насытятся*“ (Матв. 5, 6). —

Составитель.

Душа — дѣло великое и чудное. При созданіи ея, такою сотворилъ ее Богъ, что въ естество ея не было вложено порока, напротивъ того, сотворилъ ее по образу добродѣтели духа, вложилъ въ нее законы добродѣтелей, разсудительность, вѣдѣніе, благоразуміе, вѣру, любовь и прочія добродѣтели, по образу духа.

Онъ вложилъ въ нее разумѣніе, волю, владычествен-
ный умъ, воцарилъ въ ней и ицу великую утон-
ченность, сдѣлалъ ее удободвижною, легкокрылою, не-
утомимою, даровалъ ей приходить и уходить въ одно
мгновеніе и мыслю служить Ему, когда хочеть духъ.
Однимъ словомъ, создалъ ее такою, чтобы содѣлаться
ей невѣстою и сообщницею Его, чтобы и Ему быть

въ единеніи съ нею, и ей быть съ Нимъ въ единый духъ, какъ сказано: „прилѣпляйся Господеви единъ духъ есть съ Господемъ“ (1 Корин., 6, 17).

Какъ мужъ тщательно собираетъ въ домъ свой всякия блага, такъ и Господь въ домѣ Своемъ—душѣ и тѣлѣ—собираетъ и полагаетъ небесное, духовное богатство.

Состояніе души облагодатствованной.

Когда душа прилѣпляется ко Господу, и Господь, милуя и любя ее, приходитъ и прилѣпляется къ ней, и разумѣніе ея непрестанно уже пребываетъ въ благодати Господней, тогда душа и Господь дѣлаются единый духъ, единое сраствореніе, единый умъ. Тѣло души остается поверженнымъ на землѣ, а умъ ея всецѣло жительствуетъ въ небесномъ Іерусалимѣ, восходя до третьяго неба, прилѣпляясь ко Господу и тамъ служа ему.

И Самъ Сѣдащій въ небесномъ градѣ, на престолѣ величествія на высокихъ, весь пребываетъ съ душою въ тѣлѣ ея, потому что образъ ея положилъ Онъ горѣ въ небесномъ градѣ святыхъ—Іерусалимѣ, а собственій образъ неизреченаго свѣта Божества Своего положилъ въ тѣлѣ ея; Онъ служить ей въ градѣ тѣла, и она служить Ему во градѣ небесномъ. Душа содѣлалась наслѣдницею Его въ небесахъ, а Онъ пріялъ ее въ наслѣдіе на землѣ. Ибо Господь дѣлается наслѣдіемъ души, и душа наслѣдіемъ Господа.

Какъ солнце вездѣ себѣ подобно: нѣтъ у него ни одной послѣдней или недостающей части, но, состоя изъ частей одинаковыхъ, все оно всецѣло блестаетъ свѣтомъ, и все есть свѣтъ, или какъ огнь, т. е. самый

свѣтъ огня, весь самъ себѣ подобенъ и не имѣсть въ себѣ перваго, или послѣдняго, или большаго, или меньшаго: такъ и душа, совершенно осиянная неизреченною красотою славы свѣта отъ лица Христова и совершенно вступившая въ общеніе съ Духомъ Святымъ и сподобившаяся стать жилищемъ и Престоломъ Божіимъ, дѣлается вся окомъ, вся свѣтомъ, вся лицомъ, вся славою, вся духомъ, какъ уготовалъ, благоустроилъ и украсилъ ее духовною лѣпнотою Христосъ, Который и носить, и водить, и подъемлетъ ее.

Но приди въ такую мѣру возможно душѣ не вдругъ и не безъ испытаній. Напротивъ того, многими трудами и подвигами, съ продолженіемъ времени, при рачительности, послѣ испытаній и различныхъ искушеній, пріемлетъ она духовное возрастаніе и преспѣяніе даже до совершенной мѣры безстрастія; и тогда уже, съ готовностю и мужественно выдержавъ всякое искушеніе отъ грѣха, сподобится великихъ почестей, духовныхъ дарованій, небеснаго богатства, и такимъ образомъ содѣлается наслѣдницею небеснаго царствія о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава во вѣки! Аминь.

(Св. Макарія Великаго).

◆◆◆◆◆

Загробная жизнь души.

(Изъ твореній св. Макарія Великаго).

Когда душа человѣческая выйдетъ изъ тѣла, тогда совершится при семъ великое нѣкое таинство. Ибо если повинна она во грѣхахъ, то приходятъ толпы демоновъ, и недобрые ангелы и темные силы поемлютъ душу ту и берутъ въ собственную свою область. И никто че долженъ удивляться сему, потому что если душа въ сей жизни, находясь въ вѣкѣ семъ, имъ под-

чинялась и повиновалась и была ихъ рабою, то твъи
даче удерживается ими и въ ихъ остается власти,
когда отходитъ изъ міра. А что касается до части
благой, то долженъ ты представлять себѣ, что дѣло
бываетъ такъ. При святыхъ рабахъ Божіихъ еще нынѣ

Созерцаніе рая душою и поклоненіе ея Богу.

пребываютъ Ангелы, и святые духи ихъ окружаютъ
и охраняютъ. И когда отходятъ отъ тѣла, тогда лики
Ангеловъ пріемлютъ души ихъ въ собственную свою
область, въ чистый вѣкъ, и такимъ образомъ приво-
дятъ ихъ ко Господу.

Если человѣкъ, находясь еще во браніи, когда въ душѣ его дѣйственны и грѣхъ и благодать, преставится изъ міра сего, то куда поступаетъ сей одержимый тѣмъ и другимъ? — Поступаетъ туда, гдѣ умъ имѣеть свою цѣль и любимое мѣсто. Тебѣ, если постигаютъ тебя скорбь, или брань, должно только воспротивиться и возненавидѣть. Ибо, чтобы не наступила брань, не гвое это дѣло; а возненавидѣть — твое дѣло. И тогда Господь, видя умъ твой, потому что подвигаешься и любишь Господа отъ всей души, въ единый часъ удаляется смерть отъ души твоей (это не трудно Ему), и приемлетъ тебя въ лоно Свое и во свѣтъ; въ едино мгновеніе времени исхищаетъ тебя изъ челюстей тьмы, и немедленно преставляетъ въ царство Свое. Богу легко все совершить въ одно мгновеніе, только ты имѣлъ бы любовь къ Нему. Богъ требуетъ отъ человѣка его дѣланія, потому что душа удостоена быть въ общеніи съ Божествомъ.

Какъ сборщики податей, сидя въ тѣсныхъ проходахъ, останавливаютъ и истязаютъ проходящихъ, такъ и демоны наблюдаютъ и задерживаютъ души; и если души не совершенно очистились, то, при исшествіи своемъ изъ тѣла, не получаютъ дозвolenія войти въ небесныя обители и предстать Владыцѣ своему, но уносятся внизъ воздушными демонами.

(Доселѣ Макарія Великаго).

Св. Іоаннъ Столпникъ отъ бывшаго ему откровенія говоритъ: „Когда душа разлучается съ тѣломъ и отъ земли восходитъ къ небу, встречаются ее на пути полчища демоновъ, каждый въ своемъ чинѣ,— демоны гордости, которые обследуютъ— обыскиваютъ ее,— не имѣла ли она отъ дѣлъ ихъ, полчища духовъ оклеветанія, которые ищутъ, не поносила ли кого и не загладила грѣхъ покаяніемъ,— встречаются дальше и

выше сихъ духи блудодѣянія, ищащіе, не познаютъ ли въ ней начинаній своихъ. Итакъ, когда несчастная душа, восходя отъ земли въ небу истязаема будетъ, Ангелы Божіи станутъ въ сторонѣ отъ нея и ничто не поможетъ ей, какъ только дѣла благія“.

Въ житіи св. Василія Новаго еще яснѣ и обстоятельнѣе описывается истязаніе на воздушныхъ мытарствахъ душъ человѣческихъ, но приводить все сіе полностью не входитъ въ планъ настоящаго изложенія. А посему, все сіе минуя, скажемъ только объ участіи за гробомъ душъ праведныхъ и грѣшныхъ.

Составитель.

Блаженство праведныхъ.

Первую истину о блаженствѣ святыхъ и праведныхъ душъ тотчасъ же по смерти на небѣ въ раю высказалъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ въ притчѣ о богачѣ и Лазарѣ, — что Лазарь тотчасъ по смерти былъ отнесенъ Ангелами на лоно Авраамово. И распятому съ Нимъ благоразумному разбойнику сказалъ: „днесъ со Мною будеши въ раю“.

Передъ самыи крестнымъ страданіемъ Іисусъ Христосъ въ Своей первосвященнической молитвѣ къ Богу Отцу о Себѣ, о святыхъ ученикахъ и вообще о всѣхъ истинно вѣрующихъ въ Него, просилъ: „Отиче! ихъ же далъ еси Мнѹ, хошу, да, идеже есмь Азъ, и ти будутъ со Мною, да видятъ славу Мою, юже далъ еси Мнѹ“ (Іоанн. 17, 24). Это желаніе, воля, какъ бы завѣщаніе, молитва Господа Іисуса Христа, совершенно согласная съ волею Отца Небеснаго, есть явное доказательство для всей церкви Христовой, т. е. для всѣхъ истинныхъ, живыхъ Ея членовъ, что они тотчасъ по смерти, по переходѣ въ загробный міръ, будутъ съ

Господомъ на небѣ, въ раю и будуть участниками Его славы. Достойные царствія небеснаго, по переходѣ въ загробный міръ, тотчасъ же будуть тамъ, гдѣ и Господь пребываетъ, какъ Богочеловѣкъ съ прославленнымъ Своимъ тѣломъ.

Итакъ, души совершенныхъ праведниковъ не задерживаются на воздушныхъ мытарствахъ, а прямо переносятся Ангелами въ царствіе небесное.

Предъ вратами небесными.

Не проходить воздушныхъ мытарствъ и души невѣрующихъ во Христа, но прямо поемлются бѣсами и сводятся во адъ, что подтверждаетъ Самъ Христосъ сими словами: „а невѣруяй уже осужденъ есть“ (Иоан. 3, 18).

Блага райской жизни, составляющія загробное состояніе праведниковъ въ раю или просто ихъ bla-

женство, имѣть главнымъ основаніемъ—Бога, источника всего истиннаго, доброго и прекраснаго, съ Которымъ, по ученію св. Апостола Павла, праведники будуть жить вѣчно и зрѣть Его лицемъ къ лицу. Лице земніе же Бога есть такое состояніе человѣка, при которомъ всѣ наши желанія дѣлаются удовлетворенными, такъ что человѣку не остается ничего болѣе желать, какъ чувства совершенно удовлетворены. Объ этомъ состояніи райской жизни писалъ и пророкъ Давидъ: „Насыщуся, всегда явитимися сливъ Твои“ (Псал. 16, 15).

Въ содержаніе блаженства, не допускающаго и малѣйшей тѣни печали, входитъ и радость отъ сопрѣбыванія и общенія со своими, и въ особенности съ близкими и дорогими нашему сердцу. Такъ, святитель Димитрій Ростовскій о семъ предметѣ пишетъ: „Праведники, видя себя прославленными въ царствіи Отца ихъ небеснаго, не только себя, но и своихъ близкихъ прославленными, сердца ихъ исполняются вѣчной, необъяснимой словами, радости. Возрадуется отецъ о спасеніи сына, сынъ—о спасеніи отца, мать—о дочери и дочерь—о матери, мужъ—о спасеніи любимой жены и жена—о мужѣ, возрадуются братья и сестры о спасеніи своихъ-братьевъ и сестеръ; родственники возрадуются о родственникахъ, близкіе—о близкихъ и знаемые—о знаемыхъ и о спасеніи незнаемыхъ, ибо во всѣхъ будетъ единодушная, единосердечная любовь какъ къ Богу, такъ и другъ къ другу, неразоримая и никогда не отпадающая любовь“.

Всѣ возрадуются взаимною радостью отъ взаимнаго сочувствія другъ къ другу. Иначе и быть не можетъ; исполненіе естественнаго психическаго закона сочувствій—радоваться съ радующимися и плакать съ плачущими.

(Сокращено изъ книги: „Какъ живутъ наши умершіе“).

Тамъ на блаженной землѣ броткихъ, говорить Святой Ефремъ Сиринъ: все тихо и безмятежно, все

свѣтло и богоугодно, — нѣтъ тамъ ни труда, ни слезъ, нѣтъ ни вражды, ни ревности, но въ высшей степени есть радость, миръ, веселіе, — тамъ всегдашнее радованіе, вѣчное веселіе, невечерній свѣтъ, незаходящее

Ликъ святыхъ въ царствѣ Божіемъ.

солнце, тамъ градъ цара, о которомъ преславная глаголашася, тамъ гласъ празднующихъ, тамъ ужасныя *) сокровища премудрости и разума.

*) Изумительныя, вызывающія удивленіе.

Степени блаженства праведныхъ душъ.

Хотя всѣ праведники вообще будутъ наслаждаться полнымъ блаженствомъ и до насыщенія пить изъ премиальныхъ источниковъ онаго, всѣ будутъ вкушать радость неизглаголанную (Петр. 1, 8), однако несомнѣнно и то, что у каждого будетъ своя мѣра, зависящая отъ степени нравственного совершенства каждого праведника и отъ мѣры заслугъ его, и всѣ они будутъ разниться степенью блаженства. Сего требуетъ совершенійшее правосудіе Божіе, и Апостолъ Павелъ ясно учитъ, что *каждый* получить мзду по своему труду (1, Корине. 3, 8), кто скудно свѣтъ въ сей жизни, тотъ скуднѣ и пожнетъ (2 Кор. 9, 6); и что между праведниками такая же будетъ разность, какая между свѣтилами: *и на слава солнцу, и на слава лунѣ, и на слава звѣздамъ; звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ, такожде и воскресеніе мертвыхъ* (1, Корине. 15, 41—42).

Только при семъ *каждый* будетъ совершенно доволенъ своимъ жребіемъ, поелику и самая низшая степень блаженства будетъ такъ высока, что будетъ превосходить всякое понятіе и выраженіе, и зависящаго желанія и стремленія къ большему, снѣдающихъ человѣка нынѣ, тамъ вовсе не будетъ. А такое довольство собою и будетъ составлять для каждого высшую степень блаженства.

(Изъ книги „Вѣчныя загробныя тайны“).

Состояніе душъ грѣшниковъ.

Въ противоположность блаженному состоянію праведниковъ, души великихъ грѣшниковъ и вообще нечестивыхъ людей послѣ частнаго суда Божія низвергаются во адъ, и тамъ претерпѣваютъ различныя мученія какъ отъ угрызеній совѣсти, такъ и отъ злыхъ духовъ, во власти которыхъ они находятся.

Жизнь душъ грѣшниковъ

до всеобщаго суда.

Жизнь душъ грѣшныхъ до всеобщаго суда, по учению православной церкви, состоить: во-первыхъ, — въ ясномъ и подробномъ сознаніи своихъ грѣховъ, которыми они оскорбляли въ сей жизни Бога, и угрызенія совѣсти, которая тамъ пробудится со всею силою. Во-вторыхъ, въ мучительномъ томленіи и тоскѣ отъ того, что ихъ привязанность къ плотскому и земному теперь не можетъ уже находить удовлетворенія, а къ небесному и духовному желанію и вкусы у нихъ не раскрыты и не могутъ уже они раскрыть ихъ.

Въ-третьихъ, въ удаленіи отъ Бога и Святыхъ Его, а вмѣсто того въ сообществѣ съ другими, также несчастными душами и особенно съ злыми духами, и въ другихъ дѣйствительныхъ мукахъ ада, что будетъ впрочемъ только началомъ и предвкушеніемъ будущихъ вѣчныхъ мукъ.

(Догматическ. Богослов. Антологія издан. 1852 г., стр. 259).

Состояніе душъ грѣшныхъ

до всеобщаго суда и мученія ихъ.

Относительно состоянія душъ грѣшныхъ сказано, что они будутъ находиться въ аду.

Адъ—это мрачная, подземная темница, безотрадное мѣсто плача, или ужаснѣйшая пещь огня неугасимаго, гдѣ мучатся души грѣшныхъ людей. Здѣсь ихъ правосудіе Божіе будетъ уязвлять тремя страшными стрѣлами своего гнѣва:—раскаяніемъ безъ пользы, безмѣрною мукой безъ малѣйшей отрады и крайнимъ желаніемъ безъ надежды, желаніемъ Бога, безъ надежды на Бога.

Первая стрѣла гнѣва Божія—это живое воспоминаніе о протекшой въ грѣхахъ жизни;—воспоминаніе горькое, которое производить еще болѣе горькое, но безполезное раскаяніе. О если бы эта земная жизнь наша, какъ скоро проходить, также скоро и забывалась! если бы, лишаясь земныхъ наслажденій, мы лишились бы вмѣстѣ и памяти! Но нѣтъ! Что было, того нельзя передѣлать, чтобы не было, и нераскаянныи грѣшникъ никогда не забудеть грѣховъ своихъ. И вѣчно они будутъ мучить совѣсть его, вѣчно онъ будетъ раскаиваться, но безъ пользы, вѣчно онъ будетъ лить слезы, но онъ уже не смоютъ грѣховъ его: нѣтъ! еще болѣе будутъ разжигать пламень мученія... Во адѣ нѣтъ покаянія: заключилися уже двери царства небеснаго и будутъ заперты во вѣки вѣковъ.

Бѣдная душа грѣшная! Что ты такое содѣлала, что мучишься такъ страшно? Въ чёмъ ты согрѣшила, что мучишься тутъ вѣчно? Я вкусила каплю меда, и вотъ за это мучусь вѣчно! говорить грѣшникъ. И что такое было плотское наслажденіе, ради котораго

я отдалъ и имъніе и душу и сердце непотребной женщінѣ, что это было, какъ не капля меда? А эта сатанинская радость, когда я видѣлъ ближняго въ несчастії, когда я мстилъ ему, поносиль его изъ зависти и по злобѣ—что это было, какъ не капля меда? А эти пиры и ликованія, игры и потѣхи—что это было, какъ не капля меда? И всѣ эти богатства, ради которыхъ я обременялъ сердце мою безчисленными обидами, дѣлами беззаконными—вѣдь все это было только капля меда! И слава, и знатность, и честь, и покой,—все, чѣмъ наслаждался я безъ страха Божія, все, все было капля меда, да и то смѣшанного съ отравой, съ суетами и болѣзнями! Да, если бы и вся жизнь моя протекла лишь въ счастіи земномъ,—что все это въ сравненіи съ вѣчнымъ мученіемъ? Одна капля меда ни что иное, яко день вчерашній, иже мимо иде!..

Кто далъ бы мнѣ теперь хоть одинъ изъ тѣхъ часовъ, которые казались мнѣ такими долгими, кто далъ бы мнѣ одну минуту для покаянія! Но нѣть уже времени: оно окончилось; теперь настала вѣчность, и вѣчно я буду плакать безъ пользы. Такъ будетъ онъ проклинать чрево, его носившее, грудь матери, его кормившую, будетъ проклинать родителей, друзей и всѣхъ знаемыхъ, а болѣе всего—тотъ медъ грѣховный, ради которого онъ терпѣть будетъ горечь вѣчнаго мученія адскаго. Но это только первая стрѣла гнѣва Божія, его поражающая.

Вторая стрѣла—это самая мука геенская. Соберу на нихъ злая (Второз. 32, 20), угрожаетъ Господь грѣшникамъ. Итакъ, собраніе всевозможныхъ и невыразимыхъ мученій ожидаетъ грѣшниковъ во адѣ. Всѣ яды скорбей собраны въ одну чашу, всѣ пламени огня соединены въ одинъ пламень, всѣ муки вѣчныя въ одной минутѣ! Мученіе вѣчное безъ ослабы, безъ конца!..

Третья стрѣла Божія, уязвляющая сердце че-
ловѣка-грѣшника, это — желаніе безъ надежды, желаніе
Бога, безъ надежды на Бога. Какъ бурныя волны
грознаго океана устремляются на скалистый берегъ,
какъ будто желая затопить весь міръ, но потомъ, уда-
рившись о скалы, разбиваются на тысячу брызгъ и
съ пѣнною возвращаются назадъ, такъ и сердце грѣш-
никовъ будетъ стремиться къ Богу, но, встрѣтивъ Его
неизмѣнное правосудіе, твердое, подобное граниту, бу-
детъ разбиваться объ него, что причинить ему невы-
разимую скорбь и болѣзнь. Желать Бога всегда и не
надѣяться увидѣть Его никогда — да это такое мученіе,
которое и объяснить нельзя! И это будетъ продол-
жаться вѣчно! Мы, грѣшные, вѣдь знаемъ, что будетъ
мука вѣчна, и все-таки грѣшимъ, и грѣшимъ всякий
день, всякий часъ, прилагая зло ко злу, покуда не
исполнится чаша гнѣва Божія. Ясно, что мы или не
вѣримъ, что есть мука вѣчна, или же мы просто
обезумѣли и потому достойны этой муки вѣчной, если
не за другое что, такъ за невѣріе, или безуміе наше!
Какъ же быть? Да надобно всегда помнить муку вѣч-
ную, по примеру одного святаго подвижника, который,
борясь съ блудною страстью, ожегъ на огнѣ свои пальцы
ручные. Когда же боль стала невыносима, то онъ от-
дернулъ руки отъ свѣчи и сказалъ себѣ: если я не
могу терпѣть одной минуты, чтобы мои пальцы горѣли
на огнѣ, то какъ же вытерплю я муку вѣчную, когда
буду горѣть весь въ пламени геенны? И такимъ обра-
зомъ онъ побѣдилъ страсть, избѣжалъ грѣха и спасъ
свою душу.

(Изъ „Урок. Христ. нравст.“ о. Г. Дьяченко).

О состояніи душъ, которыхъ участъ окончательно не рѣшена.

Въ аду временно пребываютъ и тѣ души христіанъ, впадшихъ въ смертные грѣхи, которые принесли покаяніе, не отчаялись въ своемъ спасеніи, но не успѣли принести плодовъ покаянія.

Отличительный характеръ нерѣшенаго состоянія душъ подобенъ тому болѣзенному состоянію душъ на землѣ, въ которыхъ жизнь беретъ верхъ надъ разрушениемъ.

Такъ точно и души нерѣшенаго состоянія, не смотря на свое грѣховное тяготѣніе, полны вѣры и надежды на Бога — Искупителя, взявшаго ихъ грѣхи на свои рамена, и въ такомъ настроеніи духа вмѣстѣ съ небожителями преклоняютъ колѣна предъ Господомъ Иисусомъ Христомъ и Его Пречистой Матерью, воспѣвая торжественную пѣснь: Аллилуіа.

Эти души не безнадежны и, хотя не могутъ выйти изъ своего состоянія сами, но жаждутъ и ожидаютъ для сего посторонней помощи, и способны воспользоваться ею. Такъ исповѣдуетъ наша православная Церковь: „души людей, впадшихъ въ смертные грѣхи, и при смерти не отчавшихся, но еще до разлученія съ настоящею жизнью покаявшихся, только не успѣвшихъ принести никакихъ плодовъ покаянія, каковы: молитва, слезы, колѣнопреклоненія, сокрушеніе, утѣшеніе бѣдныхъ и выраженіе въ поступкахъ любви къ Богу и ближнимъ — что каеолическая Церковь съ самого начала признаетъ богоугоднымъ и благопотребнымъ, — нисходять во адъ и терпятъ за учиненные ими грѣхи наказанія, не лишаясь впрочемъ надежды облегченія отъ нихъ“.

(Изъ книги „Какъ живутъ наши умершіе“).

Такимъ душамъ веръшенаго состоянія помогаютъ молитвы Церкви и приносимая за нихъ Безкровная жертва, а также и подаваемая за нихъ милостыня; а таковыми жертвами Господь умилостивляется и переселяеть ихъ изъ мрака адскаго въ свѣтлъя обители райскія; но когда это совершится и надъ всѣми ли душами? — Это одному Богу извѣстно. Извѣстно только, что до самаго страшнаго суда, до окончательнаго надъ всѣми приговора, таковое перемѣщеніе душъ не противно правосудію и милосердію Божію. А по окончаніи страшнаго суда, такого нерѣщенаго состоянія уже не будетъ, тогда праведники пойдутъ въ вѣчное блаженство, а грѣшники въ вѣчное мученіе.

Составитель.

Благодареніе Господу Богу.

Исповѣдуясь Тебѣ, Господи Боже мой, что Ты сотворилъ меня разумнымъ, сотворилъ не какъ равнаго съ ангелами; такъ какъ я чрезъ Слово Твое могу достигнуть и равенства съ ними, и стать сыномъ чрезъ Единородное Слово Твое, чрезъ возлюбленнаго Сына Твоего, о Которомъ Ты благоволилъ, и Который есть Иисуспитель нашъ и Ходатай предъ Тобою, — Который возлюбилъ нась болѣе Себя, чрезъ Котораго имѣемъ упование и твердую надежду и доступъ къ Тебѣ, такъ какъ Онъ далъ властъ вѣрующимъ во Имя Его быть сынами Божіими.

Воздамъ хвалу имени Твоему, Господи, за то, что Ты сотворилъ меня по образу и по подобію Твоему, сдѣлалъ причастникомъ такой славы, что я могу быть сыномъ Божіимъ, чѣмъ не могутъ быть деревья или камни и вообще все движущееся и растущее въ воздухѣ, или въ морѣ, или на землѣ, такъ какъ не даль имъ власти чрезъ Слово Твое быть сынами Божіими,

потому что они не имѣютъ разума. А дадъ эту власть людямъ, которыхъ сотворилъ разумными по образу и по подобію Своему. И я благодатію Твою — человѣкъ, и сыномъ Твоимъ быть могу, а все упомянутое быть имъ не можетъ.

Господи! Ты все сотворилъ по единой благости Твоей. Всѣ твари были равны заслугами, потому что всѣ не имѣли никакихъ заслугъ. Такъ откуда же благость Твоя болѣе всей твари явилась въ человѣкѣ? Почему я не такой, какъ всѣ прочія твари, или всѣ они не таковы, каковъ я? Какія мои заслуги, какія мои добрыя дѣла, что Ты меня сотворилъ способнымъ быть сыномъ Божіимъ, а имъ всѣмъ въ томъ отказалъ? Да не помыслю, Господи, о своихъ заслугахъ. Твоя только благодать, только Твоя благодать сдѣлала то, чтобы я былъ участникомъ сего блаженства.

(Изъ твор. блаженн. Августина).

Пріими же, Господи за все сіе благодареніе наше и не лиши насъ обѣщанного намъ Небеснаго Твоего Царствія.

**Основы христіанской нравственности,
или правила духовного возрождения грѣшной души, по учѣ-
нію епископа Феофана *).**

Жить намъ надобно такъ, какъ Богъ создалъ насъ. Многіе же потому и не живутъ, какъ должно, что думаютъ, будто правила о достодолжной жизни навязываются совнѣ, а не исходять изъ самаго естества человѣка и не имъ требуются. Посему разсмотримъ, что вложено въ нашу природу Самимъ Творцемъ, и что привнесено грѣхомъ, такъ сказать, нажито нашей грѣховной жизнью. Начиная съ физической стороны, съ тѣлесной жизни, перейдемъ постепенно къ устройству и проявленію высшей духовной жизни.

Тѣло наше состоить изъ различныхъ органовъ, изъ коихъ каждый совершаеть свое отправленіе, существенно необходимое для жизни тѣлесной. Главныхъ органовъ три: 1) желудокъ съ легкими, сердцемъ, артеріями и венами, лимфатическими сосудами и множествомъ другихъ сосудовъ, сосудцевъ и железъ, служащихъ для разныхъ отдѣленій изъ крови и соковъ тѣла; отправление всѣхъ ихъ — питаніе тѣла или плодотвореніе; 2) система мускуловъ и костей, отправление коихъ есть движеніе внутри и во внѣ и 3) система нервовъ, центръ коихъ — голова, спинной мозгъ и система ганглій, гдѣ-то подъ брюшною и грудною преградою, а развѣтвленія проникаютъ все тѣло; отправление ея — чувствительность. Когда ходъ этихъ отправле-

*) Взято съ небольшимъ сокращеніемъ изъ книги: „Преосвящ. Феофанъ, затворн. Вышенскій“.

ній и взаимное ихъ отношение въ порядкѣ, тѣло здѣшне и жизнь—внѣ опасности; а когда этотъ порядокъ нарушается, тѣло заболѣваетъ и жизнь въ опасности. Каждое отправление имѣеть свою потребность, которую даетъ живо чувствовать живущему, требуя удовлетворенія. Потребности желудочной или питательной и плодотворной части суть—пища, воздухъ, сонъ; потребность мускульно-костяной части есть потребность напрягать мускулы, которую всякій чувствуетъ, долго засидѣвшись, и прямо потребность движения, заставляющая ходить, гулять, работать что-нибудь; потребность нервной части—приятное раздраженіе нервовъ всего тѣла, какъ мѣрность тепла, холода и подоб., и особенно приятное раздраженіе пяти нашихъ чувствъ, въ которыхъ первая система вышла наружу для общенія со внѣшнимъ міромъ.

Все это, какъ видите, тѣлесно; душа какое бы до всего этого дѣло. Но какъ она, по тѣснѣйшему сочетанію съ тѣломъ, приняла его въ свою личность, то своими считаетъ и все потребности тѣлесныя. Отъ того говоримъ: я хочу есть, пить, спать,—хочу ходить, гулять, работать, хочу видѣть разноцвѣты, слышать разноголосіе, обонять разноуханія и проч. Усвоивъ себѣ все потребности тѣлесныя, душа заботится и о удовлетвореніи ихъ, чтобы тѣло было покойно и не тревожило ее своими докучливыми требованіями.

Совокупность всего этого и есть тѣлесная сторона человѣческой жизни. Но не все здѣсь одинаково тѣлесно, или плотяно и чувствено. Крѣпко плотяна только питательная часть, но и она облагораживается приспособленіемъ ея удовлетворенія къ потребностямъ и цѣлямъ собственно душевнымъ. Органы же движенія и чувства служатъ болѣе нуждамъ души, чѣмъ тѣла. А одинъ органъ, стоящій будто въ системѣ прочихъ

органовъ, именно органъ слова—исключительно есть органъ души, назначенный для служенія ей одной. »

Тѣлесная, плотская, чувственная,—неодобрительная въ нравственномъ отношеніи жизнь есть та, когда человѣкъ, увлекаясь крайне животолюбіемъ и тѣлолюбіемъ, поставляетъ главною для себя цѣлію и заботою покой тѣла, или всестороннее удовлетвореніе потребностей лишь тѣлесныхъ съ забвеніемъ о душѣ и тѣлѣ, паче о духѣ.

При этомъ каждая тѣлесная потребность естественно-простая распложается во множество прививныхъ потребностей чрезъ привычку и пристрастіе къ разнымъ способамъ ея удовлетворенія. Возьмемъ пищу, или питіе, или одежду. Что, кажется, проще всего сюда относящагося? А между тѣмъ сколько потребностей распложается у нихъ по этой части, потребностей неотлучныхъ и неотложныхъ: хоть умри, да подай!—Отъ того видимъ, что иные минуты не имѣютъ свободной, бѣгая за нужнымъ для удовлетворенія ихъ. У такихъ неизбѣжно должны голодать душа и духъ, если они еще не совсѣмъ заглушены, забыты и погружены въ чувственность.

Разсмотрѣвъ низшую, плотскую сторону человѣческой природы, перейдемъ къ явленіямъ высшаго порядка, къ душевной жизни человѣка. Но если мы станемъ смотрѣть въ душу сообща, то ничего не разберемъ; посему нужно дѣйствія ея распределить по родамъ и каждый потомъ разматривать особо. Да—ужъ давно присмотрѣлись и распредѣлили всѣ дѣйствія души на три разряда—мыслей, желаній и чувствъ, назвавъ каждый особою стороною души—мыслительною, желательною и чувствующею.

Сторона мыслительная.

Если внутри насъ видится смятеніе, то оно наиболѣшій просторъ имѣть въ мысляхъ; желанія же и чувства мятутся уже подъ дѣйствіемъ мыслей. Но въ разрядѣ мыслей не все есть безпорядочное движение; есть въ средѣ ихъ рядъ серьезныхъ занятій. Опѣ-то собственно и составляютъ настоящее дѣло жизни душевной со стороны мыслей. Вотъ эти занятія.

1) Какъ только замѣтили вы что-либо во внѣ посредствомъ своихъ чувствъ, или выслушали разсказъ другихъ о томъ, что они замѣтили своими чувствами, тотчасъ все то *воображеніе* воображаетъ и память запоминаетъ; и въ душу ничто не можетъ войти помимо воображенія и памяти. Затѣмъ и послѣдующая дѣятельность мыслительная опирается на воображеніе и память. Чего не сохранила память, того не вообразишь, о томъ и думать не станешь. Бываетъ, что мысли прямо рождаются изъ души; но и онѣ тотчасъ облекаются въ образъ. Такъ что мысленная сторона души вся есть *образная*.

2) Но воображеніе и память добываютъ и хранятъ только материалъ для мыслей. Само движение мыслей исходить изъ души, и ведется по законамъ ея. Воображеніе и память не мыслятъ. Оно — чернорабочія силы, подъzemныя. Способность души, изъ которой исходить такие вопросы и которою доискиваются и порождаются мысли въ отвѣтъ на нихъ, называется *разсудкомъ*, которого дѣло разсуждать, обдумывать и находить требуемыя рѣшенія. Понаблюдайте за собою и найдете, что ничего у васъ не дѣлается безъ обдуманія, соображенія. Всякую малость приходится обсуждать.

3) Когда вы обдумываете, то тутъ нѣть еще опредѣленной мысли. Мысль опредѣленная устанавливается,

когда найдете рѣшеніе какого либъ вопросовъ. Разсудокъ вашъ все роется, ища - что такое есть какая-либо вещь, откуда она и для чего она и проч. Когда же найдете сами такое рѣшеніе, или, выслушавъ его отъ другихъ, согласитесь съ нимъ. — обыкновенно говорите: теперь понимаю, толковать больше нечего, дѣло рѣшенное. Это рѣшеніе даетъ покой нашей мыслительности относительно занимавшаго васъ предмета. Тогда разсудокъ вашъ обращается къ другимъ предметамъ, а сложившаяся мысль сдается въ архивъ душевный — память, откуда, по требованію нужды, берется какъ пособіе къ рѣшенію другихъ вопросовъ, какъ средство къ слаганію другихъ мыслей. Совокупность всѣхъ сложившихся такимъ образомъ понятій составляетъ образъ вашихъ мыслей, который вы и обнаруживаете при всякомъ случаѣ въ рѣчахъ своихъ. Это есть область вашего *знанія*, добытаго вами трудомъ мысленнымъ. Чѣмъ больше у васъ рѣшено вопросовъ, тѣмъ больше опредѣленныхъ мыслей или понятій о вещахъ, чѣмъ больше такихъ понятій, тѣмъ шире кругъ вашего *знанія*. Такимъ образомъ, какъ видите, выше памяти и воображенія у васъ стоитъ разсудокъ, который своимъ мыслительнымъ трудомъ добываетъ для васъ опредѣленныя о вещахъ понятія и познанія.

Не на всякий вопросъ удается намъ добыть опредѣленный отвѣтъ. Большая часть ихъ остается нерѣшенными. Думаютъ-думаютъ, и ничего опредѣленного не придумаютъ. Почему говорить: можетъ быть такъ, а можетъ быть *этакъ*. Это даетъ *мнѣнія и предположенія*, которыхъ въ общей сложности у насъ не больше ли, чѣмъ сколько есть опредѣлившихся познаній.

Когда кто, обсуждая извѣстный классъ предметовъ, добудетъ самъ и отъ другихъ позаимствуетъ *такъ*

много определенныхъ о нихъ мыслей и понятій, а не решенное въ нихъ успѣть дополнить такими удачными мыслями и предположеніями, что можетъ счастье этотъ кругъ предметовъ достаточно познаннымъ и уясненнымъ, тогда приводить все добытое въ порядокъ, излагаетъ въ связи и послѣдовательности и даетъ намъ *науку* о тѣхъ предметахъ. Наука—вѣнецъ мыслительной работы разсудка.

Все это сказано для того, чтобы ясно было, въ чемъ должна бы состоять естественная законная дѣятельность нашей мыслительной силы. Ей следовало бы трудолюбно обсуждать незнаное еще, чтобы познать то. Научниками быть дано очень немногимъ, не всѣмъ можно и проходить науки; но обсуждать окружающія насъ вещи, чтобы добыть определенія о нихъ понятія, всѣмъ можно и должно. Вотъ этимъ и следовало быть у всѣхъ занятую мыслительной силѣ. Между тѣмъ, что видимъ въ нашей мысленной области? Непрерывное движение образовъ и представлений безъ всякой определенной цѣли и порядка. Помышленіе за помышленіемъ возстаютъ, и то идутъ въ рядъ, то возвращаются назадъ, то отбѣгаютъ въ стороны, ни на чемъ не останавливааясь. Это не разсужденіе, а блужданіе и разсѣяніе мыслей; следовательно, состояніе, совсѣмъ противоположное тому, чѣмъ бы следовало являться нашей мыслительной силѣ,—бога兹ъ ея столь внѣдренная въ нее и общая всѣмъ, что вы ни одного не найдете человека, который бы могъ постоянно вести серьезный трудъ мышленія, не подвергаясь разсѣянію и блужданію мыслей, отрывающихъ его отъ дѣла и увлекающихъ въ разныя стороны. Часто мы задумываемся. Что это за состояніе?—Вотъ что: мысль сходитъ въ архивъ памяти и помощью воображенія перебираетъ тамъ весь собравшійся хламъ, переходя

оть исторіи къ исторіи, по известнымъ законамъ сцѣпленія представлений, приплетая къ бывалому не-бывалое, а нерѣдко даже невозможное, пока не придется въ себя и не возвратится къ дѣйствительности окружающей. Говорятъ: углубился. Углубился, но въ пустоту, а не въ серьезное обсужденіе дѣла. Это есть то же, что сонное мечтаніе, — праздномысліе и пустомысліе. Понаблюдите за собою и увидите, что большая часть времени проходитъ у настъ именно въ такомъ пустомысліи и блужданіи мыслей. Иной день (и не больше ли такихъ) — ни одной серьезной мысли не вспадетъ на умъ. Прошу обратить вниманіе, и заняться разшеніемъ вопроса: прилично ли такъ дѣйствовать разумной твари?

Желательная сторона.

Дѣйствующая здѣсь сила есть воля, которая „волить“, желаетъ пріобрѣсть, употребить или сдѣлать, что находитъ полезнымъ для себя, или нужнымъ, или пріятнымъ, и не волить, — не желаетъ противнаго тому. Воленія воли требуютъ соотвѣтственаго дѣла, потому воля прямѣе есть дѣятельная сила, которой существенная потребность — жить и дѣйствовать. Она держитъ въ своемъ завѣдываніи всѣ силы души и тѣла и всѣ подручные способы, которые всѣ и пускаетъ въ ходъ, когда нужно. Въ основѣ ея лежитъ ревность или ретивость — жажда дѣла, а возбудителями стоять при ней — пріятное, полезное и нужное, которыхъ когда нѣть, ревность спить и дѣятельныя силы теряютъ напряженіе, опускаются. Они поддерживаютъ желаніе; а желаніе разжигаетъ ревность.

Ходъ раскрытия сей стороны душевной таковъ. Въ душѣ и тѣлѣ есть потребности, къ которымъ при-

вийлись и потребности житейскія — семейная и общественная. Эти потребности сами по себѣ не даютъ опредѣленного желанія, а только нудить искать имъ удовлетворенія. Когда удовлетвореніе потребности тѣмъ или другимъ способомъ дано однажды, то послѣ того, вмѣстѣ съ пробужденіемъ потребности, рождается и желаніе того, чѣмъ удовлетворена уже была потребность. Желаніе всегда имѣетъ определенный предметъ, удовлетворяющій потребность. Иная потребность разнообразно была удовлетворена; потому съ пробужденіемъ ея рождаются и разныя желанія,—то того, то другаго, то третьаго предмета, могущаго удовлетворить потребность. Въ раскрывшейся жизни человѣка потребностей за желаніями и не видно. Роятся въ душѣ только сіи послѣднія и требуютъ удовлетворенія будто сами для себя.

Что дѣлать человѣку съ сими желаніями? Ей предложить *выборъ*, какому предмету изъ возжеланныхъ дать предпочтеніе. По выборѣ происходитъ рѣшеніе,— сдѣлать, или достать, или употребить избранное. По рѣшеніи дѣлается подборъ *средствъ* и опредѣляется способъ и порядокъ исполненія. За этимъ слѣдуетъ наконецъ дѣло въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Всякое, даже самое маленькое дѣльце, идетъ симъ порядкомъ. Это можете вы проверить на какомъ-либо своемъ дѣлѣ. По навыку иногда все эти дѣйствія совершаются мгновенно, и за желаніемъ тотчасъ слѣдуетъ дѣло. Выборъ, рѣшеніе и средства берутся тогда изъ прежнихъ дѣлъ и особаго производства не требуютъ.

Въ пожившемъ человѣкѣ все почти дѣлается по навыку. Рѣдко случается какое-либо предпріятіе или начинаніе, выходящее изъ обычнаго порядка дѣлъ и занятій. Такъ ужъ бываетъ, что сложившаяся жизнь требуетъ соотвѣтственныхъ себѣ дѣлъ. Какъ они по-

вторяются часто, то естественно обращаются въ навыкъ, правъ, правило жизни и характеръ. Изъ совокупности всѣхъ такого рода навыковъ, правилъ и порядковъ устанавливается образъ жизни известного лица, какъ изъ совокупности установившихся понятій составляется образъ мыслей и возврѣцій. Зная чей-либо образъ жизни, можно угадывать, что думаетъ онъ въ то или другое время и какъ поступить онъ въ известныхъ обстоятельствахъ.

Заправителемъ дѣятельной жизни поставлено *благоразуміе*, которое есть тотъ же разсудокъ, только состоящій на службѣ у воли. Въ мыслительной области разсудокъ решаетъ — какъ что есть изъ существующаго, а въ желательной и дѣятельной опредѣляетъ — какъ что дѣлать должно, чтобы вѣрно было достигаемо то, что законно вожделѣно. Когда навыкнетъ онъ опредѣлять это какъ слѣдуетъ, такъ что человѣкъ дѣла свои ведетъ всегда или большую частью съ успѣхомъ, тогда ему справедливо приписывается благоразуміе — умѣніе съ успѣхомъ вести дѣла, вѣрно соображая средства съ дѣлами и дѣла съ вѣшними обстоятельствами.

Изъ сказанного не трудно вывести заключеніе о естественно-законной дѣятельности воли, которая есть госпожа всѣхъ нашихъ силъ и всей жизни. Ея дѣло опредѣлять образъ, способъ и мѣру удовлетворенія желаній, порождаемыхъ потребностями, или ихъ замѣнившихъ, чтобы жизнь текла достодолжно, доставляя покой и радость живущему. Есть у нась, какъ поминалось, потребности и желанія — душевныя, тѣлесныя, житейскія и общественные. Не у всѣхъ онъ одинаково проявляются, потому что не у всѣхъ одинаково слагается жизнь, а у одного такъ, у другого иначе. Дѣло человѣка опредѣлить, какъ въ своемъ положеніи можетъ и долженъ онъ удовлетворять свои потребности

и желанія, приладить подходящіе къ тому способы и вести по тому свою жизнь. Вести здраво-мысленно по установившейся нормѣ свою жизнь со всѣми дѣлами ея и начинаніями — се есть задача желательной или дѣятельной стороны нашей жизни. Такъ-бы слѣдовало. Но вникните и разсмотрите, что бываетъ?

Въ мысленной сторонѣ у нась бываетъ смятеніе, разсѣяніе и блужданіе мыслей, а въ желательной — непостоянство, беспорядочность и своенравіе желаній, а за ними и дѣлъ. Сколько времени проходитъ у нась въ бездѣліи и пустодѣліи: шатаемся туда и сюда, сами не зная, для чего дѣлаемъ и передѣлываемъ, не умѣя дать здраваго въ томъ отчета; идуть у нась начинанія за начинаніемъ и дѣло за дѣломъ, но изъ всего выходить только толкотня — суета. Зарождаются желанія, — и ничего съ ними не подѣлаешь: давай и давай. И добро бы это однажды такъ, а то почти — что ни часъ. Отъ чего это? — Разслылась госпожа наша — воля. Посмотрите еще, сколько у нась есть пришлыхъ возбудителей желаній, — гнѣвъ, ненависть, зависть, склонность, тщеславіе, гордость и подобныя? Источникомъ желаній должны быть естественные потребности сложившейся жизни семейной и общественной; а въ этихъ всѣхъ что есть естественного? Они только разстраиваютъ естество и всѣ порядки жизни. Откуда же это варварское нашествіе?

Сторона чувства — сердце.

Кто не знаетъ, сколь великое имѣеть значеніе въ жизни наше сердце? Въ сердцѣ осаждается все, что входитъ въ душу со внѣ и что вырабатывается ея мыслительной и дѣятельной стороной; чрезъ сердце же проходитъ и то все, что обнаруживается душою во внѣ. Потому оно и называется центромъ жизни.

Дѣло сердца—чувствовать все, касающееся нашего лица. И оно чувствуетъ постоянно и неотступно *состояніе души и тѣла*, а при этомъ и *разнообразныя впечатлѣнія* отъ частныхъ дѣйствій душевныхъ и тѣлесныхъ, отъ окружающихъ и встрѣчаемыхъ предметовъ, отъ виѣшнаго положенія и вообще отъ теченія жизни, понуждая и нудя человѣка доставлять ему во всемъ этомъ пріятное и отвращать непріятное. Здоровье и незддоровье тѣла, живость его и вялость, утомленіе и крѣпость, бодрость и дремота, затѣмъ — что увидѣно, услышано, осозано, обоняно, вкушено, что вспомянуто и воображено, что обдумано и обдумывается, что сдѣлано, дѣлается и предлежитъ сдѣлать, что добыто и добывается, что можетъ и не можетъ быть добыто, что благопріятствуетъ намъ или не благопріятствуетъ — лица ли то или стеченіе обстоятельствъ, — все это отражается въ сердцѣ, и раздражаетъ его пріятно или непріятно. Судя по сему, ему и минуты нельзя бы быть въ покоѣ, а быть въ непрерывномъ волненіи и тревогѣ, подобно барометру предъ бурею. Но оно причувствовалось и многое проходить у него безъ слѣда, какъ можете провѣрить тѣми слу-чаями, что когда въ первый разъ случится намъ быть гдѣ, то все нась тамъ занимаетъ, а послѣ втораго и третьаго раза— развѣ что! Всякое воздействиѣ на сердце производить въ немъ особое чувство, но для различенія ихъ въ нашемъ языкѣ нѣтъ словъ. Мы выражаемъ свои чувства общими терминами— пріятно—непріятно, нравится—не нравится, весело—скучно, радость—горе, скорбь—удовольствіе, покой—безпокойство, досада—довольство, страхъ—надежда, антипатія—симпатія. Понаблюдите за собою и найдете, что на сердцѣ бываетъ то одно, то другое.

Но значение сердца въ экономії нашей жизни не то только, чтобы страдательно состоять подъ впечатлѣніями и свидѣтельствовать объ удовлетворительномъ или неудовлетворительномъ состояніи нашемъ; но и то, чтобы поддерживать энергию всѣхъ силъ души и тѣла. Смотрите, какъ спѣшно дѣлается дѣло, которое нравится, къ которому лежитъ сердце! А предъ тѣмъ, къ которому не лежитъ сердце, руки опускаются и ноги не двигаются. Отъ того умѣющіе собою править, встрѣчая нужное дѣло, которое однажды не нравится сердцу, спѣшать найти въ немъ пріятную сторону и тѣмъ, помиравъ съ нимъ сердце, поддерживаютъ въ себѣ потребную для дѣла энергию. Ревность,— движущая сила воли,— изъ сердца исходитъ. То же и въ умственной работе: предметъ, павшій на сердце спѣшнѣе и всестороннѣе обсуждается. Мысли при этомъ роятся сами собою, и трудъ, какъ бы онъ ни былъ долгъ, бываетъ не въ трудъ.

Не все всѣмъ нравится, и не у всѣхъ ко всему одинаково лежитъ сердце; но у однихъ больше къ одному, а у другихъ больше къ другому. Это выражается такъ: у всякаго свой вкусъ. Зависитъ это частію отъ естественнаго предрасположенія, частію,— и не больше ли?— отъ первыхъ впечатлѣній, отъ впечатлѣній воспитанія и случайностей жизни. Но какъ бы ни образовались вкусы, они заставляютъ человѣка такъ устроить свою жизнь, такими окружить себя предметами и соотношеніями, какіе указываютъ его вкусъ и съ какими миренъ онъ бываетъ, удовлетворяясь ими. Удовлетвореніе вкусовъ сердечныхъ даетъ ему покой сладкій, который и составляетъ свою для всякаго мѣру счастія. Ничто не тревожить: вотъ и счастіе.

Еслибъ человѣкъ всегда въ мысленной части держался здравомыслія, а въ дѣятельности—благоразумія,

то встрѣчалъ бы въ жизни наименьшую долю случайностей, непріятныхъ его сердцу, и слѣдовательно, имѣлъ бы наибольшую долю счастья. Но, какъ указывалось, мысленная часть рѣдко держитъ себя досто-должно, предаваясь мечтамъ и разсѣянности, и дѣятель-ная уклоняется отъ своего нормального направлениа, увлекаясь непостоянными желаніями, возбуждаемыми не потребностью естества, а пришлыми страстями. Отъ того и сердце покоя не имѣеть, и, пока тѣ стороны находятся въ такомъ состояніи, имѣть его не можетъ. Больше всего тиранятъ сердце страсти. Не будь стра-стей,—встрѣчались бы конечно непріятности,—но онъ никогда не мучили бы такъ сердце, какъ мучать страсти. Какъ жить сердце гнѣвъ? Какъ терзаетъ его ненависть? Какъ точить злая зависть? Сколько тревогъ и муки причиняетъ неудовлетворенное или посрамлен-ное тщеславіе? Какъ давить скорбь, когда гордость, самолюбіе и самоуваженіе страдаетъ?

Да если постро же разсмотрѣть, то найдемъ, что и всѣ наши тревоги и боли сердца—отъ страстей. Эти злые страсти, когда удовлетворяены бываютъ,—даютъ радость, но кратковременную, а когда не бываютъ удовлетворяены, а напротивъ встрѣчаютъ противное, то причиняютъ скорбь продолжительную и несносную.

Такимъ образомъ видно, что сердце наше точно есть корень и центръ жизни. Оно, давая знать о хо-рошемъ или худомъ состояніи человѣка, возбуждаетъ къ дѣятельности прочія силы, и послѣ дѣятельности ихъ опять принимаетъ въ себя, на усиленіе или ослабленіе того чувства, коимъ опредѣляется состояніе че-ловѣка. Казалось бы, что ему слѣдовало бы отдать полную власть и надъ управлѣніемъ жизнью, какъ это и бываетъ у многихъ—многихъ вполнѣ, а у всѣхъ прочихъ понемногу. Казалось бы такъ,—и, можетъ

быть, по естеству оно имѣло именно такое назначеніе, но привзошли страсти и все помутили. При нихъ и состояніе наше указывается сердцемъ невѣрно и впечатлѣнія бываютъ не таковы, какимъ слѣдовало бы быть, и вкусы извращаются, и возбужденія другихъ силъ направляются не въ должную сторону. Потому теперь законъ—держать сердце въ рукахъ и строгой подвергать критикѣ его чувства, вкусы и влеченія. Когда очистится кто отъ страстей, пусть даетъ волю сердцу; но пока страсти въ силѣ давать волю сердцу—значитъ явно обречь себя на всякие невѣрные шаги. Хуже всего поступаютъ тѣ, которые и цѣлію жизни поставляютъ сласти сердца и наслажденія, какъ говорить жизнію. Такъ какъ сласти и наслажденія, плотскія и чувственныя даютъ себя сильнѣе чувствовать, то такія лица всегда ниспадаютъ въ грубую чувственность и становится ниже той черты, которая отдѣляетъ человѣка отъ прочихъ живыхъ тварей.

Такъ вотъ вами душа и душевная жизнь со всѣхъ сторонъ! Я указывалъ нарочно, чѣму естественно слѣдуетъ быть на каждой сторонѣ и чѣму не слѣдуетъ.

Душа вся обращена исключительно на устроеніе нашего временнаго быта—земнаго. И познанія ея всѣ строятся только на основаніи того, что даетъ опытъ,—и дѣятельность ея обращена на удовлетвореніе потребностей временнай жизни, и чувства ея порождаются и держатся только изъ ея состояній и положеній видимыхъ. Что выше сего, то не ея дѣло. Хоть и бываетъ въ ней нѣчто выше сказанного, но то гости суть, заходящія къ ней изъ другой высшей области, именно *области духа*. Что же это за *духъ*?—Это та сила, которую вдохнулъ Богъ въ лицѣ человѣка, завершая сотвореніе его. Всѣ роды существъ земныхъ изводила, по повелѣнію Божію, земля. Душа человѣческая,

хотя и сходна съ душою животныхъ въ низшей своей части, но въ высшей она несравненно превосходнѣе ея. Что она является такою въ человѣкѣ, — это зависить отъ сочетанія ея съ духомъ. Духъ, вдохнутый Богомъ, сочетавшись съ нею, столько возвысилъ ее надъ всякою не-человѣческою душою. Вотъ почему внутри себя мы замѣчаемъ, кромѣ того, что видится у животныхъ, — и то, что свойственно душѣ человѣка одухотворенной, а выше еще то, что свойственно собственно духу.

Духъ, какъ сила, отъ Бога исшедшая, вѣдаетъ Бога, ищетъ Бога и въ немъ одномъ находитъ покой. Нѣкимъ духовнымъ сокровеннымъ чутьемъ удостовѣряясь въ своемъ исхожденіи отъ Бога, онъ чувствуетъ свою полную отъ Него зависимость и сознаетъ себя обязаннымъ всячески угодждать Ему и жить только для Него, Имъ и съ Нимъ.

Болѣе осознательныя проявленія сихъ движений жизни духа суть: 1) Страхъ Божій. Всѣ люди, на какихъ бы они степеняхъ развитія ни стояли, знаютъ, что есть Верховное Существо, Богъ, Который все сотворилъ, все содержитъ и всѣмъ управляетъ, что и они во всемъ отъ Него зависятъ, и Ему угодждать должны, что Онъ есть Судія и Мздовоздаятель всякому по дѣламъ его. Таковъ естественный символъ вѣры, въ духѣ написанный. Исповѣдуя его, духъ благоговѣнствуетъ предъ Богомъ и исполненъ страха Божія. 2) Совѣсть. Сознавая себя обязаннымъ угодждать Богу, духъ не зналъ бы, какъ удовлетворить сей обязанности, еслибы не руководила его въ семъ совѣсть. Сообщивъ духу частичку своего всевѣдѣнія въ указанномъ естественномъ символѣ вѣры, Богъ начерталъ въ немъ и требованія Своей святости, правды и благости, поручивъ ему же самому наблюдать за исполненіемъ ихъ и судить себя въ исправности или неисправности. Сія сторона духа и есть совѣсть, которая указываетъ,

что право, и что неправо, что угодно Богу, и что неугодно, что должно, и что не должно дѣлать,—указавъ, властно понуждаетъ исполнить то, а потомъ за исполненіе награждаетъ утѣшениемъ, а за неисполненіе наказываетъ угрозеніемъ. Совѣсть есть законодатель, блюститель закона, судія и воздатель. Она есть—естественные скрижали завѣта Божія, простирающагося на всѣхъ людей. И видимъ у всѣхъ людей вмѣстѣ съ страхомъ Божіимъ и дѣйствія совѣсти. 3) Жажда Бога. Она выражается во всеобщемъ стремлениіи ко всесовершенному благу, и яснѣе видна тоже во всеобщемъ неудовольствіи ничѣмъ тварнымъ. Что означаетъ это недовольство?—То, что ничто тварное удовлетворить духа нашего не можетъ. Отъ Бога исшедшіи, Бога онъ ищетъ. Его вкусить желаетъ и въ живомъ съ Нимъ пребывая союзъ и сочетаніи, въ Немъ упокоивается. Когда достигаетъ сего, покойнѣй бываетъ, а пока не достигнетъ, покоя имѣть не можетъ. Сколько бы ни имѣлъ кто тварныхъ вещей и благъ, все ему мало. И всѣ, какъ и вы уже замѣчали, ищутъ и ищутъ. Ищутъ и находять; но, нашедши, бросаютъ, и снова начинаютъ искать, чтобы и то, нашедши, такъ же бросить. Такъ безъ конца. Это значитъ, что не того и не тамъ ищутъ, что и гдѣ искать слѣдуетъ. Не осязательно ли это показываетъ, что въ нась есть сила, отъ земли и земнаго влекущая нась горѣ—къ небесному!

Душа человѣческая дѣлаетъ нась малымъ чѣмъ выше животныхъ, а духъ являетъ нась малымъ чѣмъ умаленными отъ Ангеловъ. Духъ человѣка присущъ въ немъ, какъ живая сила, живыми и ощущаемыми движеніями свидѣтельствующая о своемъ присутствіи. Въ комъ нѣтъ движеній и дѣйствій духа, тотъ не стоитъ въ уровнѣ съ человѣческимъ достоинствомъ. Духъ, какъ существенная сила, самъ Бога созерцая

яко Творца и Промыслителя, и душу манить въ ту невидимую и безпредѣльную область. Духъ, Бѣга въ-дущій, естественно постигаетъ красоту Божію, и ею единую ищетъ наслаждаться. Хотя не можетъ онъ опредѣленно указать, что есть сія красота, но, пред-начертаніе ея нося сокровенно въ себѣ, опредѣленно указываетъ то, что она не есть, выражая сіе показаніе тѣмъ, что не довольствуется ничѣмъ тварнымъ. Красоту Божію созерцать, вкушать и ею наслаждаться есть потребность духа, есть его жизнь и жизнь райская.

Духовныя потребности выше всѣхъ, и когда онъ удовлетворяются, то, другія хоть и не будутъ удовле-творяемы, покой бываетъ, а когда онъ не удовлетво-ряются, то, будь всѣ другія удовлетворяемы богато, покоя не бываетъ. Почему удовлетвореніе ихъ и на-зывается *единимъ на потребу*.

Когда удовлетворяются духовныя потребности, то онъ научаются человѣка поставлять въ согласіе съ ними удовлетвореніе и прочихъ потребностей, такъ что ни то, чѣмъ удовлетворяется душа, ни то, чѣмъ удовлетворяется тѣло, не противорѣчить духовной жизни, а ей воспособствуетъ, — и въ человѣкѣ возво-ряется полная гармонія всѣхъ движеній и обнаруже-ній его жизни, — гармонія мыслей, чувствъ, желаній, предпріятій, отношеній, наслажденій. И се — рай! На-противъ, когда духъ не удовлетворяется и сіе единое на потребу забыто, тогда всѣ другія потребности раз-бѣгаются въ разныя стороны и каждая требуетъ своего и какъ ихъ куча, то голоса ихъ, какъ шумъ на базарѣ, оглушаютъ бѣднаго человѣка, и онъ мечется то туда, то сюда, какъ угорѣлый, за удовлетвореніями ихъ. Но покоя никогда не имѣть, потому что когда одна удов-летворяется, другія не довольствуются тѣмъ, и, не считая себя чѣмъ-либо ниже той, которая удовлетворена,

настойчиво требуютъ своего, какъ у матери, когда она накормить одного ребенка, другое пять кричать. Оттого внутри у такого шумъ, гамъ, разволока во всѣ стороны и во всемъ беспорядочность. Такой ничѣмъ недоволенъ, всегда въ тугъ, то, утомившись, стоить выпуча глаза и недоумѣвая, что бы начать, то кружится и кружится. И се есть суета и крушение духа!

Вотъ откуда и рождается вопросъ: то какъ же быть-то? Какъ сдѣлать, чтобы духовная сторона была въ нась преобладающею и, заправляя всѣмъ, вносила строй въ жизнь нашу?

Вопросу сему не было бы мѣста, еслибы жизнь, свойственная намъ, развивалась, какъ слѣдуетъ. Ибо и тѣлесныя съ душевными потребностями такъ же естественны намъ, какъ и духовныя, и удовлетвореніе имъ само по себѣ не можетъ вносить беспорядка и смятенія въ жизнь, какъ и удовлетвореніе духовнымъ. Развивайся они всѣ въ строй и естественномъ взаимоподчиненіи,—и жизнь человѣческая текла бы прелестъ какъ хорошо. Посадите сѣмячко, поливайте, держите въ должной теплотѣ, оно дастъ ростокъ, стволъ, листъ и наконецъ цвѣтъ — прелестный. Такъ было бы и съ человѣкомъ. Раскрывайся онъ въ естественномъ чинѣ,—будетъ всегда выходить прекрасный человѣкъ. Огчего же это мы ни себя, ни другихъ не видимъ прекрасными? Огчего жизнь наша покривляется?

Богъ создалъ человѣка для блаженства и именно въ Немъ, чрезъ живое съ Нимъ общеніе. Таково и было первоначальное состояніе человѣка. Богъ являлся прародителямъ и научалъ ихъ Его Единаго знать, Ему Единому служить, въ волѣ Его Единаго ходить. Чтобы они не запутались въ соображеніяхъ, какъ все это выполнить, Онъ далъ имъ небольшую заповѣдь — не вкушать плодовъ отъ одного дерева, названаго Имъ

древомъ познанія добра и зла. Такъ и начали жить наши прародители и блаженствовали въ раю.

Такому ихъ блаженству позавидѣлъ падшій прежде по гордости духъ и сбиль ихъ съ пути, соблазнивъ ихъ преступить данную имъ небольшую заповѣдь тѣмъ, что обольстительно представилъ, будто со вкушениемъ отъ запрещенного плода они вкусять такого блага, котораго безъ того и вообразить не могутъ,—станутъ какъ Боги. Они повѣрили и—вкусили. Дѣло вкушения, можетъ быть, и не велико, но худо, что повѣрили, не зная кому. Можетъ быть, и это не такъ было бы важно, еслибы не тѣ страшно-преступныя мысли и чувства къ Богу, какія, какъ ядъ, влиль въ нихъ злой духъ. Онъ наговорилъ имъ, что Богъ запретилъ имъ вкушать отъ дерева затѣмъ, чтобы и они не сдѣлались богами, и они этому повѣрили. Но повѣривъ такъ, они не могли не принять хульныхъ о Богѣ помышленій, будто Онъ завидуетъ имъ и неблагожелательно къ нимъ относится, а принявъ такія помышленія, не могли миновать и нѣкоторыхъ недобрыхъ къ Нему чувствъ и своевольныхъ рѣшеній: такъ мы же сами возьмемъ то, до чего Ты не хочешь допустить нась. Такъ вотъ Онъ какой,—засѣло у нихъ въ сердцѣ о Богѣ, а мы думали, что Онъ такой благой. Ну,—такъ мы сами себя устроимъ наперекоръ Ему.—Вотъ эти-то мысли и чувства были страшно преступны! Они — и означаютъ явное отступленіе отъ Бога и враждебное возстаніе противъ Него. У нихъ внутри то же произошло, что приписывается злому духу: выше облакъ поставилъ престолъ мой и буду подобенъ Вышнему,—и это не какъ летучая мысль, а какъ враждебное рѣшеніе.

Такъ сознаніе зазналось и свобода въ своеевольничала, принявъ на себя устроеніе своей участіи. Отпа-

деніе отъ Бога совершилось полное съ отвращеніемъ нѣкіимъ и враждебнымъ возстаніемъ противъ. За это и Богъ отступилъ отъ такихъ преступниковъ,—и живой союзъ прерванъ. Богъ вездѣ и все содергть, но внутрь свободныхъ тварей входитъ, когда они Ему себя предаютъ. Когда же въ себѣ самихъ заключаются, тогда Онъ не нарушаетъ ихъ самовластія, но, храня ихъ и содергъ, внутрь не входитъ. Такъ и прароди-тели наши оставлены одни. Еслибы покаялись поскорѣе, можетъ быть, Богъ возвратился бы къ нимъ, но они упорствовали и при явныхъ обличеніяхъ ни Адамъ, ни Ева не сознались, что виноваты. Послѣдовалъ судъ и наказаніе изгнаніемъ изъ рая. Тутъ опомнились, но уже было поздно. Надо было нести наложенное наказаніе, а за ними и всему роду нашему. Благодареніе всемилостивому Богу, что Онъ хоть отступилъ отъ насъ, но не бросилъ, устроивъ предивный способъ къ воссоединенію насъ съ Собою.

Духъ былъ властенъ надъ душою и тѣломъ, но-тому что состоялъ въ живомъ общеніи съ Богомъ и отъ Него получалъ Божескую силу. Когда пресеклось живое общеніе съ Богомъ, то пресекся притокъ и божеской силы. Духъ, себѣ оставленный, не могъ уже быть властителемъ души и тѣла, но былъ увлеченъ и самъ завладѣнъ ими. Надъ человѣкомъ возобладала душев-ность, а черезъ душевность—тѣлесность, и сталъ онъ душевенъ и плотянъ. Духъ хоть тутъ же, но безъ власти. Онъ заявляетъ свое существованіе то страхомъ Божіимъ, то тревогами совѣсти, то недовольствомъ ничѣмъ тварнымъ; но его предъявленій не берутъ во вниманіе, а принимаютъ только къ свѣдѣнію, всю заботу обращая на устроеніе своего быта здѣшняго, къ чemu и назначена душа,—и быта, болѣе веществен-

наго, потому что здѣшняя жизнь посредствуется тѣломъ и что все тѣлесное осязательнѣе и кажется нужнѣе.

Когда произошло такое низвращеніе порядка въ соотношеніяхъ частей естества нашего, человѣкъ не могъ уже видѣть вещи въ настоящемъ видѣ, не могъ держать въ должномъ порядкѣ свои потребности, желанія и чувства. Они пришли въ смятеніе, и беспорядочность стала характеристическою ихъ чертою.

Но это недобroe состояніе было бы еще сносно, еслибы не страсти, а то страсти превзошли и тиранить человѣка. Смотрите, какъ разсерчавшаго бѣть гнѣвъ, какъ лихорадка? Какъ завистлиаго источила зависть, что посинѣлъ бѣдный? Какъ опечаленаго изсушила скорбь, что онъ—кости и кожа.—Таковы и все страсти! Вошли же онѣ виѣстѣ съ самостію. Какъ только произнеслось внутри праотца: *такъ—я самъ...*, такъ самость внѣдрилась въ него—сей ядъ и сіе сѣма сатанинское. Изъ нея потомъ развилось все полчище страстей: гордость, зависть, ненависть, скорбь, уныніе, любоиманіе и чувственность,—со всѣми ихъ многочисленными и многообразными порожденіями. Расцѣпившись внутри, они еще болѣе возмушаютъ и безъ нихъ уже смятенное тамъ состояніе.

Такъ вотъ въ чемъ болѣнь. Духъ зазнался и засвоевольничалъ. За это потерялъ власть и подпалъ подъ владычество души и тѣла и всего вѣнчанаго. Отсюда смятеніе душевно-тѣлесныхъ потребностей и желаній,—и особенно ихъ безмѣрность. Эту безмѣрность сообщаетъ имъ отъ себя духъ, ими порабощенный. Сами по себѣ эти потребности мѣрны и небурливы. То, что онѣ мѣры не имѣютъ и бурлять, это отъ того, что духъ бушуетъ въ нихъ: ибо у него по природѣ энергія безгранична. Отсюда обжорство, пьян-

ство, копленіе денегъ... и прочее многое, чemu мѣры не думаетъ давать человѣкъ...

Происходя отъ общихъ прародителей, мы всѣ рождаемся съ зачатками зла, которые, раскрываясь вмѣстѣ съ раскрытиемъ нашихъ силъ и потребностей, вносятъ въ нихъ смятеніе и полное разстройство.

Но осталась надежда на возстановленіе. Разстройство прирождено намъ, но не природно. Придя въ разстройство, наша природа въ существѣ своеемъ не измѣнилась послѣ грѣхопаденія: она только болѣеть и страдаетъ отъ разрушенной грѣхомъ гармоніи силъ и способностей человѣка.

Естество наше въ чистомъ видѣ достолюбезно. Сами Ангелы взираютъ на него съ любовію и удивленіемъ, когда оно является таковыимъ. Намъ ли не жалѣть увидѣть его таковыимъ и при томъ не вѣй—въ другихъ, а въ себѣ самихъ? Да вѣдь и все наше счастіе и благобытіе въ томъ состоітъ, чтобы избавиться отъ сей болѣзни. Ибо, когда ея не будетъ, что помѣшаетъ намъ быть въ блаженномъ состояніи и чувствовать себя таковыми? Напротивъ, если эта болѣзнь природна, то ее ужъ не уврачуешь. Такъ и останется она навсегда, сколько ни трудись надъ изгнаніемъ ея. Посему еще повторяю: держите убѣждѣніе, что неприродна намъ беспорядочность наша, и не слушайте тѣхъ, которые говорятъ: что тутъ толковать, такъ ужъ мы сотворены, ничего съ собою не подѣлаешь. Не такъ мы сотворены и если возьмемся за себя, какъ слѣдуетъ, то что-нибудь и сдѣлаемъ съ собою.

Такъ что же нужно для того, чтобы все въ насть поставить въ прежній—первоначальный чинъ?

Какъ скатились мы подъ гору, обратно тому надо и восходить опять на гору. Какъ замила болѣзнь, противо-

положно тому дѣйствуя, можно изгнать ее. Отпали отъ Бога, надо воссоединиться съ Нимъ. Отпали, усомнившись въ словѣ Бога, надо возставить полную вѣру сему слову. Потерявъ вѣру Богу и въ Бога, приняли мы пагубное рѣшеніе: *такъ я самъ*, надо уничтожить это—*я самъ*. Когда образовалось это пагубное—*я самъ*, духъ нашъ потерялъ свойственную ему силу властвовать надъ душою и тѣломъ, и напротивъ самъ подпалъ подъ иго рабства имъ; надо возстановить сію власть духа. Когда власть духа пресеклась, потребности души и тѣла разбрелись въ разныя стороны и въ желаніяхъ нашихъ произошло смятеніе; надо всѣ эти потребности опять привести къ единству и установить въ ихъ чинѣ взаимоподчиненіе. Вмѣстѣ съ пагубнымъ *я самъ* втѣснилась въ кругъ жизни нашей стая страстей, подобно дикимъ звѣрамъ, терзающихъ насъ; надо изгнать сіи страсти.

Видите, сколько надо. Посему нельзя надѣяться самимъ уладить это главнѣйшее наше дѣло, потому что первый пунктъ въ немъ, не установивъ котораго за другіе и браться нечего, именно—воссоединеніе съ Богомъ—никакъ не можетъ состоять въ нашей власти. Мы можемъ желать его и искать; но устроить его—дѣло не нашихъ рукъ. Кто можетъ втѣсниться въ область Божію, или самъ проложить дорогу къ нему? Кто силенъ взять у Бога, что желаетъ, тѣмъ паче понудить Бога быть въ насъ, чтобы и мы были въ Немъ, и особенно послѣ того, какъ все это было уже дано намъ, но презрѣно, и лицо Божіе умалено недовѣріемъ и власть Его попрана самоволіемъ? Говоришь: покаяюсь, и каюсь. Но не твое дѣло поставлять условія. Можетъ и покаяніе идти въ дѣло; но когда Самъ Богъ его постановитъ и согласится принимать. А само по себѣ что оно?! Ушибся и больно: что тутъ?!

Такъ возсоединеніе не въ нашей власти. Между тѣмъ вотъ какъ оно важно,—что, совершивъ возсоединеніе, все прочее пойдетъ уже само собою. Тотчасъ возметъ силу духъ, подчинить себѣ душу и тѣло, упорядочить потребности и желанія и выгонить страсти. Но ему-то самому какъ состояться? Рѣчь эту я веду къ тому, чтобы дать вамъ разумѣть, что нечего намъ ложать своей головы надъ тѣмъ, какъ возсоединиться съ Богомъ. Сколько ни ломай, ничего не придумаешь; а скорѣе, если Богу угодно было установить законъ и порядокъ сего возсоединенія, поспѣши пріять его полною вѣрою и воспользоваться имъ съ теплою благодарностію. И благодареніе человѣколюбивому Богу! Все уже для того совершено, установлено и растолковано. Принимай и пользуйся.

Не буду излагать вамъ, какъ все сіе совершено; скажу главное. Для возстановленія духа нашего и возсоединенія его съ Богомъ необходимо, чтобы духъ Божій нисходилъ въ него и оживлялъ его. Чтобы открыть путь нисхожденію Духа Божія, Сынъ Божій воплотился, пострадалъ на плотію, умеръ на крестѣ, воскресъ, вознесся на небеса и послалъ отъ Отца Духа Святаго, Который, пріемлемъ бывая вѣрующими въ Сына, исполняетъ въ нихъ то, о чёмъ молился сей Сынъ: *якоже Ты, Отче, во Мне и Азъ въ Тебѣ, да и ти въ Нисъ едино будутъ* (Иоанн. 17, 21).

Какъ же Онъ совершаетъ сіе? Сочетавшись съ духомъ тѣхъ, кои вѣруютъ въ Сына Божія, и, оживляя его, возсоединяетъ его съ Богомъ. Сіе именуется новымъ рожденіемъ отъ Бога, которое вѣрующихъ дѣлаетъ чадами Божіими по благодати, какъ говоритъ св. Иоаннъ Евангелистъ: *едицы пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти вѣрующимъ во Имя Его: иже не отъ крови,... но отъ Бога родишася* (Иоан. 1, 13).

И стало закономъ духовной жизни о Христѣ Іисусѣ: *аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ винти въ царствіе Божіе, ибо только рожденное отъ Духа духъ есть* (Іоан. 3, 5, 6).

Производство Богообщенія совершается благодатію Святаго Духа. Онъ изготавляетъ въ насть обитель, и вмѣстѣ съ Богомъ-Одцемъ и Богомъ-Сыномъ вселяется въ насть. Какъ же изготавляется сія обитель?

Духъ Божій сокровенно дѣйствуетъ на духъ нашъ и приводить его въ движение, отчего является въ насть чувство зависимости нашей отъ Бога и сознаніе нашей предъ Нимъ грѣховности, что и поставляетъ человѣка въ безвыходное положеніе: камо пойду? камо бѣгу? Но бѣжать некуда: пойманъ и въ рукахъ Бога—Судіи и Воздаятеля. *Чувствуется же Божій съ небесе на всякую неправду* (Римл. 1, 18).

Безъ Евангелія такое пробужденіе духа нашего было бы пагубно, ибо неизбѣжно ввергало бы въ отчаяніе. Но благодать Божія такъ устронетъ, что истинное пробужденіе духа и совершается и сопутствуется Евангеліемъ. Тому, у кого внутри образовалось, вслѣдствіе пробужденія духа,—камо пойду, камо бѣгу,—Евангеліе возвѣщаетъ: куда и зачѣмъ бѣжать? Иди подъ сѣнь креста и спасенія. Сынъ Божій, воплотившись, умеръ на крестѣ въ очищеніе грѣховъ нашихъ. Вѣруй въ сіе и получишь отпущеніе грѣховъ, и милость Божію срѣтишь. Апостолы всегда такъ и дѣлали, проповѣдуя Евангеліе. Растревожатъ, а потомъ говорять: вѣруй въ распятаго Господа и спасенія будешь.

Не все совершаеть одинъ Духъ Божій. Требуется нѣчто и отъ насть, и это нѣчто—немало важно. Духъ Божій возбуждаетъ благовѣстіе, указываетъ, за что взяться. Сие отъ Бога. Но сдѣлавъ сіе, Богъ останавливается, и ждетъ нашего произволенія. Первыми дѣй-

ствіями своими Богъ какъ бы спрашиваетъ: хочешь выйти изъ бѣды? Вотъ что сдѣлай. Моментъ сей самый важный. Склонился его на указаніе, — открываетъ входъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ благодати, которая и вводить его потомъ въ область спасенныхъ. Не склонился, — просыкаетъ дальнѣйшія дѣйствія благодати, и остается въ средѣ погибающихъ. Богъ никого не неволить спастися, а предлагаетъ на выборъ, и только того, кто изберетъ спасеніе, спасаетъ. Еслибъ не требовалось наше произволеніе, Богъ всѣхъ въ одно мгновеніе сдѣлалъ бы спасенными: ибо всѣмъ хощетъ спастися. Но тогда и совсѣмъ не было бы погибающихъ. А произволеніе наше не всегда разумно бываетъ, упорничаетъ и Самому Богу не внимаєтъ. Вотъ и гибнетъ.

Богъ далъ человѣку свободу, и не хощетъ противъ воли входить въ него и дѣйствовать въ немъ. Захочетъ человѣкъ самъ себя предать дѣйствію Божію — само-охотно, тогда и Богъ благодатію Свою начинаетъ дѣйствовать въ немъ. Таковъ уже законъ, что человѣку надо самому восхотѣть и взыскать, — и тогда благодать ужъ не бросить его, лишь бы только самъ онъ пребылъ вѣренъ ей.

Припомните притчу Спасителя о сокровищѣ, скрытомъ на полѣ, и о человѣкѣ, ищущемъ драгоцѣнныхъ бисеровъ (Мате. 13, 44 — 46). Одинъ увидѣлъ въ полѣ десятину, на коей зарыто сокровище; пошелъ, все свое продалъ и купилъ десятину ту. Конечно, онъ вырылъ потомъ сокровище и разбогатѣлъ, хоть обѣ этомъ не помянуто. Это поле или десятина есть душа наша; сокровище, скрытое въ ней, есть благодать, чрезъ святое крещеніе въ нее вложенная. Что увидѣлъ сокровище человѣкъ притчи, этимъ означается моментъ, когда сознаетъ христіанинъ, что въ немъ скрыта такая драгоцѣнность, на съ чѣмъ несравнимая — bla-

годать св. Духа. Продалъ все,—это значить, всѣмъ пожертвовалъ, что имѣлъ, что дорого было для него, чтобы только достать то сокровище—возбудить и привести въ явь скрытую въ немъ благодать.

Другой купецъ былъ, торговавшій драгоцѣнными камнями. Узналъ онъ, что гдѣ-то есть алмазъ, которому равнаго ничего нѣтъ, но которому цѣны въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился, не знали (это я отъ себя дополняю). Желая его пріобрѣсть, и этотъ тоже все свое продалъ и купилъ его. И, конечно, разбогатѣлъ.—И этотъ драгоцѣнныи бисеръ есть образъ благодати Божіей, въ насть скрытой и невѣдомой насть, пока не сознаемъ того. Кто сознаетъ, тотъ вмѣстѣ убѣждается, что ничего нѣтъ драгоцѣннѣе ея. Потому съ полнымъ самоотверженіемъ все бросаетъ и устремляется на возгрѣніе и воспламененіе въ себѣ благодати.

Изъ этихъ притчей вы видите, что именно ожидается отъ насть. Ожидается, чтобы мы 1) *сознали присутствие въ себѣ дара благодати*; 2) *уразумѣли драгоценность ея* для насть столь великую, что она дороже жизни, такъ что безъ нея и жизнь не жизнь; 3) *возжелали всѣмъ желаніемъ усвоить себѣ сію благодать*, а себя присвоить ей, или —что то же—проникнуться ею во всемъ своемъ естествѣ, просвѣтиться и освятиться; 4) *ршились самыми дѣломъ достигнуть сего*; и затѣмъ 5) *привели сію рѣшимость въ исполненіе*, оставя все, или отрѣшивъ сердце свое отъ всего и предавъ его все вседѣйствію Божіей благодати. Когда совершается въ насть сіи пять актовъ, тогда полагается начало внутреннему перерожденію нашему, послѣ котораго, если неослабно будемъ продолжать дѣйствовать въ томъ же духѣ, внутреннее перерожденіе и озареніе будетъ возрастать,—быстро или медленно, судя по нашему труду, а главное, по самозабвнію и самоотверженію.

Въ изложенныхъ основахъ христіанской нравственности—ключъ къ разрѣшенію всѣхъ загадокъ и противорѣчій нашей жизни, онъ даютъ стройное и всеобъемлющее міросозерцаніе. Онъ должны лѣчъ въ основу всѣхъ убѣжденій и взглядовъ православнаго христіанина, а это дѣло неизмѣримой важности.

Богъ въ душѣ человѣка.

Какъ отпечатлѣлся образъ Божій въ умѣ человѣка?

Господь Богъ есть высочайшій Умъ. И человѣку Онъ далъ такой умъ, который имѣеть способность необычайно быстро развиваться и наполняться познаніями; мы видимъ, что отроки и юноши въ продолженіе семи или восьми лѣтъ усвоиваютъ себѣ въ главныхъ чертахъ познанія о всемъ существующемъ въ мірѣ, познанія, которые пріобрѣтались многими поколѣніями въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій, но умъ человѣка, развиваясь и усовершаясь, чѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ познаній, тѣмъ болѣе видить, что эти познанія еще несовершены и неполны, и, идя впередъ и впередъ, не видить предѣла въ достижениіи полноты вѣдѣнія. Человѣкъ стремится познать все, ибо познанія суть пища для его ума; онъ не довольствуется познаніями о земныхъ предметахъ, потребныхъ для тѣлесной жизни его, онъ придумываетъ и устраиваетъ разныя многосложныя орудія, чтобы проникнуть въ тайны отдаленнаго звѣзднаго міра; видя зависимость предметовъ однихъ отъ другихъ, восходя отъ причинъ къ причинамъ ихъ, онъ стремится познать первого Виновника всего сущаго, и это стремленіе вложено въ самое существо его духа.

Душа человѣческая не только мыслить, желаетъ и чувствуетъ, но и еще, какъ въ зеркалѣ, видитъ свои мысли, желанія и чувствованія. Это есть само-сознаніе человѣка. Хотя человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, и хотя весьма многообразны и разнородны дѣйствія тѣла и души, но всѣ они отражаются въ единомъ сознаніи его, и всѣ эти дѣйствія человѣкъ относитъ къ себѣ одному. Потому онъ, сознавая единое начало въ себѣ, а также видя въ мірѣ гармонію, порядокъ и общія силы и законы, признаетъ единаго Виновника и Управителя вселенной.

Человѣкъ видить, что владычествующее въ немъ есть умъ. Чрезъ умъ онъ не только познаетъ себя и окружающей его міръ, но и управляетъ собою и своимъ тѣломъ, которое есть только орудіе души, чрезъ умъ управляетъ и предметами видимаго міра и царствуетъ надъ одушевленными тварями, онъ не ступитъ шагу безъ цѣли, безъ ума, потому и Бога представляетъ не иначе, какъ высочайшимъ Умомъ, все создавшимъ съ мудрыми цѣлями, и въ самомъ дѣлѣ постигаетъ многія цѣли и намѣренія Творца въ Его созданіяхъ.

Господь сдѣлалъ все, чтобы человѣкъ призналъ Его бытіе и позналъ Его; Онъ даровалъ человѣку высокій умъ, но въ то же время, призвавши его изъ небытія къ бытію, заключилъ духъ его въ маломъ тѣлѣ, зависящемъ отъ окружающаго міра, поставилъ его среди громадной вселенной, поражающей его величиемъ и мудростію своего устройства. Впрочемъ, для того, чтобы имѣть увѣренность въ бытіи высочайшаго существа — премудраго Творца міра, не требуется очень многаго знанія. Богъ устроилъ такъ, что хотя бы люди имѣли далеко не полныя познанія, доступныя и необразованнымъ людямъ, могутъ преобудить положенную Самимъ Творцемъ въ глубинѣ души ихъ

мысль о Немъ, какъ всесовершенномъ, высочайшемъ Существѣ; человѣкъ изначала издали видѣть то высочайшее Существо, къ Которому онъ долженъ стремиться и приближаться и умомъ, и волею, и сердцемъ.

Какъ открывается образъ Божій въ волѣ человѣка?

Богъ есть Существо всесвободное, но любящее и творящее одно добро. Онъ есть существо всесвятое. И человѣку дана такая свобода, что онъ до нѣкоторой степени можетъ противиться даже волѣ Божіей. Но такъ какъ блаженство человѣка зависитъ отъ свободнаго уподобленія Господу Богу въ добрыхъ дѣлахъ, то Богъ далъ человѣку внутренняго законодателя; этотъ законодатель есть нравственное чувство, или совѣсть. Совѣсть дѣлаетъ три дѣла: во-первыхъ, законодательствуетъ или показываетъ, что человѣку должно дѣлать и чего не дѣлать; какъ умъ показываетъ ему, что истинно и что ложно, такъ совѣсть показываетъ ему, что доброе и что злое. Совѣсть въ отношеніи къ Богу заповѣдуетъ любовь и благоговѣйное почитаніе; въ отношеніи къ ближнему заповѣдуетъ не дѣлать имъ того, чего себѣ не желаешь; во-вторыхъ, совѣсть судить дѣла человѣка, который онъ сотворилъ, и въ-третьихъ, награждаетъ его одобреніемъ и спокойствіемъ за добрыя дѣла и наказываетъ угрызеніемъ и мученіемъ за худыя дѣла. Очевидно, что все это свойственно главнымъ образомъ и прежде всего Господу Богу.

Какъ умъ человѣка представляетъ Бога высочайшимъ Умомъ, такъ совѣсть, это дивное отображеніе Божества въ человѣкѣ, говоритъ о Богѣ, какъ о всесвятымъ и правосудномъ Существѣ. Въ видимомъ мірѣ Богъ является только мудрымъ Законодателемъ, а не Судію и Мздовоздаятелемъ, ибо законы Его исполня-

ются неодушевленною природою и животными не свободно, но неуклонно и неизменно, а въ свободномъ человѣкѣ Богъ въ первый разъ на землѣ, именно въ совѣсти его, является Существомъ всесвятымъ, Судію правосуднымъ и Мздовоздаятелемъ. Судъ совѣсти въ человѣкѣ пельзя ничѣмъ объяснить, какъ только тѣмъ, что дѣйствительно есть Богъ, Судія и Мздовоздаятель, глубоко вложившій въ душу человѣка чувство совѣсти для постояннаго напоминанія ему о имѣющемъ быть дѣйствительномъ судѣ Божиемъ надъ людьми. Какъ велико и неотразимо дѣйствіе совѣсти, это видно изъ того, что самые ожесточенные преступники нерѣдко при малыхъ уликахъ и даже добровольно, по одному побужденію совѣсти, открываютъ людямъ свои тяжкія преступленія. Сила совѣсти видится и въ томъ, что у всѣхъ народовъ есть понятіе о добрѣ и злѣ, и эти понятія сравнительно болѣе чисты и согласны между собою, нежели умственныя представлѣнія о самомъ Божествѣ, которыя у многихъ весьма искажены. На исполненіи законовъ нравственныхъ, которые основываются на истинѣ бытія правосудного Бога, утверждается спокойствіе добродѣтельныхъ, благосостояніе семействъ и обществъ человѣческихъ, и не можетъ быть, чтобы благо народовъ основано было на лжи, какъ думаютъ невѣрующіе въ Бога.

Исполненіе закона требуетъ великой внутренней борьбы, часто бываетъ сопряжено съ внѣшними скорбями. И кто могъ бы наложить на народы иго нравственныхъ обязанностей, если бы опѣ не положены были Богомъ въ самомъ существѣ души, и если бы въ ней не была укоренена мысль о Богѣ, Судіи и Мздовоздаятеле? Чтобы побѣдить стремленія своей низшей, влекущей ко грѣху, природы, человѣкъ употребляетъ великия усилія. Въ немъ происходитъ подоб-

ное тому, что бываетъ въ растеніи. Сѣмя, зарытое въ землю, облегается ею, кромѣ того оно влечется внизъ силою земного притяженія, но оно внутреннею своею силою старается пробиться наружу, вверхъ, обходить поэтому разныя препятствія на пути и, если выбирается на свѣтъ, тогда начинается для него истинная жизнь, въ противномъ случаѣ угрожаетъ ему смерть. Такъ и человѣкъ вложеню въ него духовною внутреннею силою старается побѣдить въ себѣ стремленіе низшей природы, влекущей его къ землѣ, и устремляется къ небу, ибо тамъ для него истинная жизнь.

Теперь обратимся къ третьей главной силѣ души, къ сердцу. Сердцемъ любимъ или не любимъ, ощущаемъ прекрасное, пріятное и непріятное. Богъ есть Любовь, есть высшая духовная красота. Богъ есть существо вседовольное и всеблаженное. Любовь Божія есть причина созданія разумныхъ существъ для вѣчнаго блаженства, и это блаженство можетъ быть достигнуто тварями не иначе, какъ чрезъ любовь къ Богу. Любовь человѣка къ Богу есть главное всеоживляющее начало во всѣхъ отправленіяхъ духовной жизни, по великому вліянію сердца на умъ и на волю человѣка. Любовь въ сердцѣ человѣка начинается отъ познаній ума о Богѣ, но, когда сердце полюбитъ Бога и будетъ стремиться къ нему, тогда въ человѣкѣ болѣе и болѣе умножается и утверждается вѣданіе о Богѣ. Кто кого любить, тотъ о томъ постоянно и помышляетъ. Любовь къ Богу и Богомыслѣ нераздѣльны между собою. Только истинная любовь къ Богу чистаго сердца способна постигнуть глубины Божіи (Кор. 2, 10), насколько это возможно созданному существу. Самъ Спаситель сказалъ: *блажени чистіи сердцемъ, яко ти Бога узряти* (Мате. 5, 8). И св. апост. Павель напи-

саль: кто думаетъ, что онъ знаетъ что-нибудь, тотъ ничего еще не знаетъ, какъ должно знать. Но кто любить Бога, тому дано знать отъ Него (Кор. 8, 2 - 3).

Сердце, любящее Бога, укрепляетъ и волю человѣка и утѣшаетъ его на тяжкомъ пути исполненія нравственного долга, побуждаетъ его оказывать добро и ближнимъ и самимъ врагамъ; только любовь способна на удивительные подвиги самоотверженія.

Но человѣкъ поврежденъ грѣхомъ, и первый грѣхъ главнымъ образомъ произошелъ отъ сердца, прельстившаго красивыми плодами райскаго древа и вожелавшаго восхитить Божескія совершенства. И теперь главный корень грѣха въ сердцѣ. Спаситель сказалъ: отъ сердца исходятъ помысленія злая, убийства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татъбы, лжесвидѣтельства, хулы (Мате. 15, 19). Оно ищетъ только удовольствій, не различая удовольствій дозволенныхъ отъ недозволенныхъ, не различая и средствъ къ удовлетворенію жажды наслажденія. Оно главнымъ образомъ есть источникъ и тягчайшаго изъ грѣховъ—безбожія. Тяжела и горька сердцу, оскверненному грѣхами, мысль о Богѣ, Судіи и Мздовоиздаятелѣ; ему хотѣлось бы осуждать другихъ. Поврежденное сердце не пойдетъ туда, где говорять о Богѣ. Оно не любить Бога, а боится Его, Оно старается помрачить и затмить очи ума, ясно видящаго Бога, усиливается заглушить голосъ совѣсти, громко говорящей о Богѣ, и нерѣдко въ томъ успѣваетъ и доводить человѣка до безумія, какъ сказалъ еще святой царь Давидъ: *рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: ильсть Бога* (Псал. 13, 1). Господь долго терпитъ, ибо настоящая жизнь есть время воспитанія и испытанія. Онъ даже желаетъ обратить къ себѣ невѣрующее сердце благодѣяніями, но оно еще болѣе за-

бывается. Наконецъ, Господь начинаетъ лѣчить жадное до удовольствій сердце горькими лѣкарствами; ударить Онъ по сердцу нечестиваго не разъ и не два скорбями и бѣдами, и отчасти справедливо говорится: одна бѣда не ходитъ; это значитъ, что отъ одного удара ожестѣвшее сердце не смягчается. Пораженное сердце начинаетъ озираться: въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ-ли надъ нимъ высшаго Существа; обращается къ уму, а умъ уже давно готовъ говорить о Богѣ; въ умѣ часто бывають мысли и познанія противоположныя, то-есть и за извѣстный предметъ и противъ него, такъ бываетъ и въ отношеніи къ Бытію Божію; но мысли, говорящія противъ бытія Божія, сами по себѣ слабыя, прежде нравились сердцу, и оно ихъ одобряло, охотно слагало вмѣстѣ, склоняло умъ ставить ихъ на первомъ планѣ и дѣйствовало такъ незамѣтно и хитро, что уму казалось, будто онъ самъ дошелъ до убѣждѣнія въ небытіи Божіемъ. Такъ бываетъ нерѣдко между людьми: человѣкъ полагаетъ, что онъ дѣйствуетъ по своему уму, по своему убѣжденію, а между тѣмъ, умъ его въ извѣстномъ дѣлѣ направленъ былъ коварно и хитро издали другими. Итакъ, когда поражаемое бѣдами сердце захочетъ узнать отъ ума самую истину о бытіи Божіемъ, тогда въ умѣ выступать тѣ мысли и познанія, которые говорять о Богѣ и которые до селѣ были въ тѣни, и такъ какъ опѣ несравненно сильнѣе, то умъ и сердце узрять Бога, да и совѣсть заговоритъ сердцу: всѣ эти бѣды тебѣ за то, что ты забыло Бога, и грѣшило противъ Него, и вотъ невѣровавшій человѣкъ, не пріобрѣтая новыхъ познаній въ наукахъ, не переучиваясь, дѣлается инымъ, вѣрющимъ въ Бога.

Конечно, не всякое сердце вразумляется и бѣдствіями, но на многихъ онѣ дѣйствуютъ благотворно, объ этомъ говорять опыты не только со многими лицами, но и цѣлыми племенами и народами. Итакъ, по слову премудрого Соломона, который ни въ чемъ не отказывалъ своему сердцу и чрезъ то причинилъ много бѣдъ своему царству, *будемъ больше всего хранимаго хранить наше сердце, ибо изъ него источники жизни* (Притч. 4, 23). Да не потекутъ изъ него для насъ источники смерти. Если мы будемъ подчинять его желанія голосу ума и совѣсти и возгрѣвать въ немъ пламень любви къ Богу, то Богъ будетъ съ нами и въ насъ.

Чрезъ разсмотрѣніе и изслѣдованіе предметовъ видимой природы и силь духа человѣческаго мы не только убѣждаемся въ бытіи Божіемъ, но и познаемъ свойства Божественнаго естества. Общіе законы тяготѣнія, свѣта и теплоты, дѣйствующіе во всемъ мірѣ, гармонія и порядокъ во вселенной говорятъ о единствѣ Творца и Промыслителя вселенной. Неисчислимое множество свѣтиль небесныхъ, громадностю и отдаленностью отъ насъ поражающихъ умы естествоиспытателей, свидѣтельствуютъ о всемогуществѣ Создателя міровъ. Мудрое устройство предметовъ видимаго міра, наконецъ, высокій разумъ, данный человѣку, громко говорять о высочайшемъ, премудромъ и всевѣдущемъ умѣ Виновника существъ. Всюду распространенная жизнь на землѣ и въ землѣ, и въ воздухѣ, и въ водахъ, и въ малыхъ капляхъ воды ясно свидѣтельствуютъ о благости Творца. Свобода и совѣсть человѣка увѣряютъ въ томъ, что Господь Богъ есть Существо всесвободное, всесвятое и правосудное. Сердце говорить о Немъ, какъ о всесовершенной любви, какъ о Существѣ всеблаженномъ и вседовольномъ.

Возблагодаримъ Господа за то, что Онъ сотворилъ насть по образу Своему, даровалъ намъ силы къ по-знанію Его, содѣлалъ царями и іоуреями природы, чтобы мы отъ себя и отъ всѣхъ тварей неразумныхъ возносили Ему молитвы, хвалы и славословія, и, уподобляясь Ему добрыми дѣлами, достигали вѣчной славы на небесахъ (См. „Бесѣды объ основн. истин. св. прав. вѣры“, Сергія архіеп. владим.).

О безсмертіи души и о томъ, что мы грѣши- шимъ не по нуждѣ, а по произволенію.

Св. Кирилла, архіеп. Іерусалимскаго.

Пріобрѣти вѣдѣніе о святой вѣрѣ въ Единаго Бога, познай, человѣче, и себя самаго, кто ты, а именно познай, что человѣкъ двойственъ, состоитъ изъ души и тѣла, и что Самъ Богъ есть Творецъ души и тѣла. Знай также, что душа твоя свободна, и есть превосходное Божіе дѣло, созданное по образу Сотворшаго, что она безсмертна по милости Бога, дающаго ей безсмертіе, и есть существо живое, разумное, нетлѣнное, по милости Даровавшаго ей это; имѣеть власть дѣлать, что хочетъ. Ибо грѣшишь ты не потому, что такъ рожденъ, и не по случаю впадаешь въ блудъ, и не стечениемъ звѣздъ, какъ пустословятъ иные, бываешь вынужденъ предаваться непотребству. Почему, изѣгая сознанія въ худыхъ своихъ дѣлахъ, причину ихъ приписываешь невиновнымъ звѣздамъ? Не слушай звѣздочетовъ. Ибо о нихъ говорить Божественное писаніе: да станутъ нынѣ и спасутъ тя звѣздочеты небесе, и далъ: се вѣс яко хвастіе огнемъ погорятъ, и не изъимутъ души своея изъ пламене (Исаіи 47, 13, 14).

Душа безсмертная, и всѣ души у мужей и женъ подобны, различны же только тѣлесные члены. Нѣть особенного чина душъ, по природѣ согрѣшающихъ, и чина душъ, по природѣ творящихъ правду: но то и другое зависитъ отъ произволенія, потому что души всѣхъ въ существѣ своемъ однородны и подобны.

Душа свободна; и діаволь, хотя можетъ подушать, но не имѣть власти принуждать противъ произволенія. Представляетъ тебѣ блудный помыслъ: если хочешь, примешь онъ, а если не хочешь, не примешь. Если бы по необходимости жилъ ты блудно, то для чего было уготовлять Богу геенну? Если бы по естеству, а не произволенію, творилъ ты правду, то для чего уговаривалъ бы Богъ несказанные вѣнцы? Въ овцѣ есть кротость, но гдѣогда не увѣнчается она за кротость, потому что кротка не по произволенію, а по природѣ.

◆◆◆

Безъ помощи благодати Божіей человѣкъ не можетъ сдѣлать ничего доброго.

Душа моя яко земля безводная
(Псал. 142 -- 6).

Земля хотя бы имѣла весьма хорошую почву, хотя бы съ прилежаніемъ была воздѣлана земледѣльцемъ и засѣяна добрыми сѣменами,— не можетъ принести плода, если ко всему этому не пріиметъ въ себѣ достаточно влаги водныхъ,— и весь трудъ земледѣльца всеуе погибаетъ; потому что отъ трудовъ своихъ не можетъ онъ собрать никакихъ плодовъ,— и во время зимы принужденъ бываетъ истаявать гладомъ.

Подобное сему точь-въ-точъ бываетъ и съ душою нашою. Она по природѣ своей надѣлена Творцемъ всѣми дарами, способствующими ей возвращивать въ себѣ, яко на доброй землѣ, всѣ добродѣтели. Но всѣ эти природные дары могутъ остататься совершенно безплодными, если человѣкъ не будетъ напоенъ благодатию Святаго Духа. Благодать же св. Духа подается

только тѣмъ, кои **ждутъ** сей благодати, сознаютъ свою немощь и, подобно пророку, взываютъ: „*вожда душа моя къ Богу крѣпкому живому*“ (Псал. 41, 3); подается благодать тѣмъ, кои къ дѣйствію благодати не лѣнятся приложить свой личный трудъ и все усердіе. Безъ труда же съ нашей стороны—и труда усиленнаго благодать Божія *содѣствующая никому не подается*; потому что хотя Господь всѣмъ хощетъ спасти, но спасти желаеть не туне—не даромъ,—а требуетъ усилия съ нашей стороны: „*Царство Небесное силою берется, и употребляющіе усилие восхищаютъ его*“ (Мате. 11, 12).

Ради сего царствія св. мученики предавали свою плоть на раздробленіе и раны, а преподобные самовольно терпѣли всякия лишенія и распинали плоть свою воздержаніемъ и трудами; да и вообще—всѣ святые всѣхъ временъ получили благодать Духа Святаго, а съ нею и Царствіе небесное, усиленнымъ трудомъ и теплою къ Богу молитвою.

Посему весьма ошибаются тѣ, кои очень высоко цѣнятъ сами себя, свою собственную природу, и не стараются быть въ общеніи съ Богомъ—Источникомъ истинной жизни и бессмертія, отвергаютъ Богоустановленныя Православной Церкви таинства, чрезъ которыхъ подаются намъ дары Духа Святаго, безъ чего мы, какъ земля изсохшая, не можемъ принести ни единаго доброго плода, развѣ только терпіе грѣха и волчцы богоненавистной гордости, которая и самаго свѣтлого ангела свергла съ неба и вринула его въ глубину адскаго мрака.

Равно ошибаются и тѣ, которые вовсе не сознаютъ достоинства бессмертной своей души, не вѣрють, что она создана по образу и подобію Божію, и предназначена для вѣчнаго блаженства въ царствіи небесномъ

вийство съ святыми Ангелами; но живутъ одною плотскою жизнью, по подобію скотовъ несмысленныхъ,— пьютъ, ёдятъ, веселятся, собираютъ богатства, ищутъ земной славы, не милуютъ нища и убога, о Бозѣ и вѣчной жизни совсѣмъ не помышляютъ и не желаютъ сего. Таковы хотія мнятся быти мудры, но на самомъ дѣлѣ глупы суть и безумны, потому что многіе изъ нихъ изучаютъ все окружающее насть, распознаютъ сокровенные законы природы, а сами себя познать не могутъ; не познавая же себя, не могутъ познать и Творца своего,—Всеблагаго, Премудраго, Всемогущаго, Милосерднаго и Правосуднаго, воздающаго каждому по дѣломъ его. Будучи же помрачены тьмою заблужденія, и самое бытіе міра приписываютъ какому-то безличному атомическому *) началу, какъ будто міръ самъ собою создался.

Таковыи духомъ невѣрія заражены нынѣ многіе изъ высшаго и средняго класса, и душепагубный ядъ сей начинаетъ по-малу переходить и въ низшіе слои общества и отравлять души неискусныхъ и легкомысленныхъ рабовъ Христовыхъ. О, горе такимъ вѣрующимъ, или, лучше сказать, ни во что невѣрующимъ!.., а особенно горе тако учащимъ, мнящимся быти вождями праваго пути, свѣтилами, наставляющими ко свѣту, а на самомъ дѣлѣ они—вожди слѣпые, которые и сами впадутъ въ адскую яму и увлекутъ за собою всѣхъ своихъ послѣдователей!.. Всѣ они грозно истязаны будуть на страшномъ судѣ Христовомъ (которому они тоже не вѣрять): участъ ихъ бу-

*) Атомы—недѣлимые малѣйшия частицы, изъ которыхъ, по учению естествоиспытателей, состоять всѣ тѣла. Но вѣдь и самые сіи атомы не могли создаться сами собой, а созданы Богомъ изъ-ничего. И какъ бы невѣрный человѣкъ ни мудрствовалъ,—все же въ концѣ-концовъ выходитъ, что Богъ создалъ вселенную, какъ говорить Пророкъ: „Той рече,—и быша, Той послалъ,—и создашася“ (Псалм. 148, 5).

деть горѣе всѣхъ язычниковъ—древнихъ и современныхъ, потому что тѣ, не познавши истины, заблуждаются, а сіи, зная все, не хотять вѣрить, не хотять кичливаго разума своего покорить истины Богооткровенного ученія и правиламъ святой православной Церкви, въ которой, какъ въ богатѣйшей нѣкоей сокровищницѣ, хранится все богатство чистѣйшей истины и все нужное ко спасенію нашему.

Посему, братіе, православные христіане, молю васъ, берегитесь душепагубнаго сего ученія, берегитесь разныхъ лжеучителей, которые хотять отвести васъ отъ покорности и общенія Православной Церкви, потому что, отводя отъ Церкви, они отводятъ васъ и отъ Христа Сына Божія, безъ Котораго никто спастись не можетъ, ибо Отецъ небесный далъ Ему всякую власть на небеси и на земли (Мате. 28, 18), такъ что Самъ Отецъ не судить никого, а весь судъ отдалъ Ему—Сыну Своему; а посему, минуя Сына, никто не можетъ прійти къ Отцу, а слѣдовательно, безъ посредства Сына и въ Царствіе Небесное никто войти не можетъ.

Еще-же вѣруйте несомнѣнно, что весь міръ—видимый и невидимый—сталъ быть не самъ собою, но созданъ изъ-ничего Всемогущимъ Словомъ Божіимъ; вѣруйте, что все содержится и управляется Премудрымъ Промысломъ Того-же Всемогущаго Бога-Творца, и—ничто въ мірѣ случайно не бываетъ, но все творится по манію всеблагой воли Божіей, подобно какъ въ домѣ доброго хозяина, или въ государствѣ, управляемомъ благоразумнымъ государемъ, только въ высшей степени пресовершенно, потому что и въ распоряженіи доброго хозяина и въ управлении благоразумнаго государя, при всей ихъ благонамѣренности, иногда бываютъ ошибки; но у Бога Всевѣдущаго ни-

какихъ ошибокъ никогда не бываетъ,— что предназначено въ Совѣтѣ Его, то непремѣнно и совершится, какъ сказаъ Самъ Христосъ: „небо и земля мимо идутъ, слова же Мои не мимо идутъ“ (Марк. 14, 31), и еще: „скорѣе небо и земля прейдутъ, нежели юта или черта едини отъ закона, дондеже вся будетъ“ (Мате. 5, 18).

Вѣруйте, что безъ помощи Божіей ничего доброго и полезнаго сдѣлать мы не можемъ; безъ помощи Божіей мы способны творить только грѣхи и преступленіе закона Божія, но и то, если Господь, но долготерпѣнію Своему, попустить сіе, т. е. если попустить исполнить дѣломъ то, что произволеніемъ напимъ совершили уже въ сердцѣ, за что предъ лицемъ Правосудія Его являемся виновными и подлежащими наказанію, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ за исполненіе задуманнаго грѣха самимъ дѣломъ. Попускаетъ же Онъ согрѣшать потому, что не желаетъ стѣснять свободнаго нашего произволенія. А если иногда и удерживаетъ грѣшника отъ злого дѣла, то творить сіе единственно по любви къ нему и ради какой-либо прежней его добродѣтели. Иногда же, милуя кого-либо невиннаго, не попускаетъ злому человѣку обидѣть или умертвить его; и такъ избавляетъ одного отъ исполненія задуманнаго имъ преступленія, а другого отъ обиды и смерти.

За таковое всеблагое о насть промышленіе и попеченіе буди Богу нашему слава во вѣки вѣковъ.

Монахъ Пахомій.

Ничто не можетъ удовлетворить душу, кромъ Высочайшаго Блага.

Человѣческое сердце, нетвердое въ желаніи вѣчности, никогда не можетъ быть постояннымъ, но скоротечнѣе всего скоротечнаго, отъ одного переходить къ другому, ища себѣ тамъ покоя, гдѣ его нѣтъ. А въ этихъ увѣдающихъ и преходящихъ вещахъ, въ которыхъ его страсти бывають плѣнными, не можетъ найти истиннаго покоя; такъ какъ оно такого достоинства, что его не можетъ удовлетворить никакое добро, кромъ высочайшаго. Оно настолько свободно, что ни къ какому пороку не можетъ быть иринуждено. Поэтому для всякаго собственная воля бываетъ причиной своего осужденія, или спасенія; и поэтому ничего дороже доброй воли Богу не приносится. Благая воля Бога къ намъ низводить и насъ къ Нему направляетъ, благою волею Бога любимъ, Бога предпочитаемъ, къ Богу стремимся, къ Богу приходимъ и Имъ обладаемъ.

О, благая воля, по которой мы преобразуемся въ подобіе Божіе, и дѣлаемся подобными Ему! Такъ пріятна Богу благая воля, что Онъ не благоволитъ обитать въ томъ сердцѣ, въ которомъ ея нѣтъ. Благая воля приклоняетъ къ себѣ Троицу этого высочайшаго величія: ибо премудрость просвѣщаетъ ее къ познанію истины и любовь воспламеняетъ къ желанію благости.

Блаженн. Августинъ.

О томъ, сколько мы заботимся о тѣлѣ, и сколько о душѣ.

(Иеросхимонаха о. Аввросія Оптинскаго).

Въ Евангеліи сказано: „*кака польза человѣку, аще пріобрѣщетъ міръ весь, и отщетитъ душу свою*“ (Марк. 8, 36). Вотъ какъ драгоцѣнна душа человѣческая! Она дороже всего міра, со всѣми его сокровищами и благами. Но страшно подумать, какъ мало понимаемъ мы достоинство бессмертной души своей. На тѣло, это жилище червей, этотъ поваленный гробъ, обращаются всѣ наши мысли отъ утра до вечера, а на бессмертную душу, на драгоцѣннѣйшее и любимѣйшее твореніе Божіе, на образъ Его славы и величія едва обращается одна мысль во всю недѣлю. Служенію тѣла посвящаются самые цвѣтущіе годы нашей жизни, а вѣчному спасенію души только послѣднія минуты дряхлой старости. Тѣло ежедневно упивается, какъ на пиру богача, полными чашами и роскошными блюдами, а душа едва собираетъ крохи божественнаго слова на прагѣ дома Божія. Ничтожное тѣло обмываютъ, одѣваютъ, чистятъ, украшаютъ всѣми сокровищами природы и искусства; а дорогая душа, невѣста Иисуса Христа, наслѣдница неба, бродить шагомъ изнуреннымъ, облеченнная въ одежду убогаго странника, не имѣя милостыни.

Тѣло не терпитъ ни одного пятна на лицѣ, никакой нечистоты на рукахъ, никакой заплаты на одѣждѣ; а душа отъ главы до ногъ покрыта сквернами, только и дѣла, что переходитъ изъ одной грѣховной тины въ другую, и своею ежегодною, но часто

лицемѣрною исповѣдью, только умножаеть заплаты на одѣждѣ своей, а не обновляеть ее.

Для благосостоянія тѣла требуются разнаго рода забавы и удовольствія; оно истощаетъ нерѣдко цѣлыхъ семейства, для него люди готовы иногда на труды всякаго рода; а бѣдная душа едва имѣеть одинъ часъ въ воскресные дни для слушанія божественной літургіи, едва нѣсколько минутъ для утренней и вечерней молитвы, насилиу собираетъ одну горсть мѣдныхъ монетъ для поданія милостыни, и довольна бываетъ, когда выразить холоднымъ вздохомъ памятованіе о смерти.

Для здравія и сохраненія тѣла перемѣняютъ воздухъ и жилище, призываютъ искуснѣйшихъ и отдаленнѣйшихъ врачей, воздерживаются отъ пищи и питья, принимаютъ самыя горькія лѣкарства, позволяютъ себя и жечь и рѣзать; а для здравія души, для избѣжанія соблазновъ, для удаленія отъ грѣховной заразы не дѣлаютъ ни одного шага, но остаются въ томъ же самомъ воздухѣ, въ томъ же самомъ недобромъ обществѣ, въ томъ же самомъ порочномъ домѣ, и не ищутъ никакого врача душъ, или избираютъ врача незнакомаго и неопытнаго, и скрываютъ предъ нимъ то, что уже извѣстно и небу и аду, и чѣмъ они сами хвастаютъ въ обществахъ.

Когда умираетъ тѣло, тогда слышится скорбь и отчаяніе; а когда умираетъ душа отъ смертнаго грѣха, тогда часто и не думаютъ объ этомъ.

Такъ мы не знаемъ достоинства души своей, и, подобно Адаму и Евѣ, отаемъ свою душу за красный но виду плодъ. Почему же мы, по крайней мѣрѣ, не плачимъ подобно Адаму и Евѣ? Плачъ потерявшихъ душу долженъ быть горестнѣе плача Іереміи, который,

оплакивая бѣдствія отечества, взывалъ: *кто дастъ главу моей воду и очесемъ моимъ источникъ слезъ* (Іер. 9, 1).

У насъ же большою частью забота о стяжаніи благъ, только, къ сожалѣнію, часто земныхъ и временныхъ, а не небесныхъ.

Забываемъ мы, что земные блага скоропреходящи и неудержимы, тогда какъ блага небесныя вѣчны, бесконечны и неотъемлемы.

Всеблагій Господи! помози намъ презирать все скоропреходящее, и пещися о единомъ на потребу спасенію душъ нашихъ.

Душа—наше сокровище.

(Изъ поучительн. словъ святит. Илія Миняція).

У людей какъ будто весь умъ въ глазахъ: что видять, тѣмъ и дорожатъ, а чего не видять, то ни во что ставятъ. Они видять міръ, и дорожатъ имъ, не видять души — и не умѣютъ ее цѣнить по достоинству. Вѣрно сказалъ царь Давидъ: *лживи сынове человѣчества въ мѣрилъхъ!* (Псал. 61, 10). Міръ и душа — это двѣ такія вещи, о которыхъ не умѣютъ, какъ должно, судить живые, а только умершіе. Итакъ, вы, умершіе владыки земли, богатые сего міра, утѣшавшіе себя мірскою славою, красотою, сокровищами, — что взяли вы съ собою въ могилу? — Конечно, ничего; вы умерли, съ вами умеръ для васъ и міръ. А что вы при этомъ потеряли? Конечно, все: и небо, и рай, и вѣчную жизнь, и Бога Самого! Какая же польза человѣку, аще пріобрѣтетъ міръ весь, и отщетить душу свою? Конечно — никакой, а потеря великая. О, еслибы живые хотя отъ умершихъ научились, что такое міръ,

и что такое душа! Мы знаемъ, что такое міръ: видимъ, какъ всѣ его прелести непостоянны и обманчивы. Не текутъ такъ быстро воды рѣчныя, не вянуть такъ скоро цветы полевые, не исчезаютъ такъ внезапно молніи небесныя, какъ быстро, легко и внезапно исчезаютъ и радость, и наслажденіе, и слава, и всѣ прелести міра. Да, мы знаемъ, что такое міръ, но не знаемъ, что такое наша душа. А вѣдь душа у насъ только одна; вѣдь если мы ее потеряемъ, то все потеряемъ; вѣдь она бессмертна, и если мы ее потеряемъ однажды, то потеряемъ навсегда!

Для испытанія великаго терпѣнія Іова Богъ позволилъ діаволу коснуться всего его достоянія, его дѣтей, его здоровья, но съ условіемъ: *тожмо душу его соблоди* (Іов. 2, 7).

И обнищалъ въ единый часъ богатый праведникъ: его стада расхищены, сожжены молніей, его высокія палаты разрушены бурею, всѣ его дѣти въ одинъ часъ были погребены подъ развалинами, и вотъ онъ — нищій, лишенный крова, осиротѣлый, лежитъ за городомъ на гноищѣ, весь покрытый ужасными язвами съ головы до ногъ, днемъ печеть его солнце южное, ночью онъ трясетъся отъ стужи и сырости... Онъ потерялъ все, но души не потерялъ, и слышите, что говорить? Потерялъ-ли я богатства мои? что до того? Нагъ изыдохъ отъ чрева матери моей, нагъ и отъиду! Лишился-ли я дѣтей моихъ? — Богъ ихъ мнѣ далъ, Богъ и взялъ: Господь даде, Господь отъять!.. Потерялъ-ли я свое здоровье? Стало быть, такъ угодно Богу: якоже Господеви изволися, тако и бысть! Я потерялъ все; но вѣдь все это Богъ у меня взялъ; Онъ можетъ и снова отдать. А если и навсегда я все это потерялъ — и за то славлю, благодарю, благословляю Имя Его святое, что во всемъ попустилъ Онъ мнѣ

искушенну быть, но сохранилъ душу мою: буди имя Господне благословенно во веки (Іов. 1, 21). Таковъ законъ промысленія у человѣколябца Господа, что когда Онъ попускаетъ діаволу искусить насъ, повредить намъ въ чемъ-либо изъ вещей, которыми мы такъ дорожимъ на семъ свѣтѣ, то Онъ повелѣваетъ ему: душу его соблюди, не сиѣй коснуться сей дщери Моеї, наслѣдницы царства небеснаго! И поручаетъ Онъ сю душу покровительству Ангела хранителя, чтобы онъ соблюдалъ ее отъ страха иощнаго, отъ сряща (несчастнаго случая) и бѣса полуденнаго (Псал. 90, 5, 6). А почему все это такъ? Да потому, что другихъ вещей у насъ много, а душа одна; потому, что если мы потеряемъ что-нибудь изъ вещей сегодня, то найдемъ завтра, какъ ихъ нашелъ вдвоемъ и втрое праведный Іовъ; а если мы потеряемъ душу, то никогда ее не найдемъ, и съ нею все потеряемъ. Никакая потеря не повредитъ намъ, если мы сохранимъ душу, и никакія приобрѣтенія не принесутъ намъ пользы, если мы потеряемъ душу. Ради души мы на семъ свѣтѣ живемъ, ради ея уповаляемъ и на блаженство будущее.—Но странное дѣло! Если мы имѣемъ единственное дитя, горячо нами любимое, — сколько заботъ у насъ о томъ, какъ бы оно не загорѣло на солнцѣ, какъ бы не простудилось на сквозномъ вѣтру, какъ бы это не обидѣлъ его, и однакоже это дитя не можетъ спасти насъ самихъ. Или — если мы владѣемъ какимъ-либо дорогимъ камнемъ самоцвѣтнымъ, мы такъ бережемъ его, что, если бы можно было, мы спрятали бы его въ своемъ собственномъ сердцѣ; и однакоже этимъ камнемъ мы не можемъ купить себѣ рай. Какъ же мы ни во что ставимъ душу свою, отъ спасенія которой зависитъ все наше счастіе здѣсь на землѣ и вѣчное блаженство въ будущей жизни?.. Нѣть,

пусть, если нужно, погибнуть и деньги, и пожитки, и все, что я имѣю на свѣтѣ,—но что касается моей души, которая у меня только одна,—то пусть не прогнѣваются на меня ни отечество мое, ни родители, ни братья, ни дѣти, ни начальники мои, ни пріятели!—душу мою я никому не довѣраю! И если будетъ нужда, я не прочь умереть, ибо все равно сегодня или завтра умереть надо-же, но чтобы потерять душу, погубить ее, бессмертную,—нѣтъ! Я никогда и никакъ на то не соглашусь. Моя душа бессмертна—въ этомъ ея великое достоинство. Весь этотъ суетный и тлѣнныи свѣтъ, со всѣмъ, что въ немъ намъ нравится, чѣмъ мы дорожимъ, имѣть конецъ. *Преходитъ бо образъ мира сего* (Кор. 7, 31). Скоро или не скоро—всему будетъ конецъ. всяка плоть—съно, и всяка слава человѣка яко цвѣтъ травный: *изше трава — и цвѣтъ ея отпаде* (Ис. 40, 6, 7). Одна душа бессмертна; она одна всегда живеть, никогда не умираетъ. Какая же польза человѣку, какая выгода, аще пріобрѣшетъ міръ весь и отщетитъ душу свою? О, еслибы эта святая истина всегда пребывала въ нашемъ умѣ и въ нашемъ сердцѣ! Если бы мы всегда помнили, что, погубивъ душу, мы погубимъ ее навсегда-навсегда! Заключить ее Судія праведный во адъ и не отопреть сей темницы никогда-никогда!

О, душа моя, душа моя! Пусть лучше скроется хоть сейчасъ же весь грѣшный міръ со всѣми его красотами, со всѣми прелестями, отъ очей моихъ,—лишь бы ты осталась у меня цѣла! И что такое этотъ міръ, эта жизнь земная? Ночное привидѣніе — не больше. А ты вѣдь прекраснѣйшее Божіе созданіе, потому что ты у меня одна, ты бессмертна, и если я потеряю тебя, то потеряю навсегда. Но зачѣмъ мнѣ терять тебя? Вѣдь ты моя, ты мнѣ принадлежишь, а

кто не цѣнить своей души въ тысячу разъ дороже всего этого суетнаго и тлѣннаго міра, тотъ или не имѣеть ее, или не достоинъ ее имѣть!..

Распятый мой Іисусе, Сыне Бога живаго! Дохнуль Ты дыханіемъ Своимъ для созданія души моей; пролилъ кровь Свою для искупленія ея, установилъ купель божественнаго крещенія для ея обновленія, опредѣлилъ другое крещеніе—покаяніе для ея очищенія, приготовилъ трапезу пречистыхъ тайнъ Твоихъ для ея питанія, создалъ здѣсь Церковь для ея освѣщенія, а тамъ—рай для ея блаженства,—сдѣлалъ все, что только могла сдѣлать крайняя благость Твоя ко спасенію этой души, а мы—не дѣлаемъ ли все, что только можетъ сдѣлать крайняя злоба наша на погибель ея?!. Не допускай же насть до этой погибели, вѣчный Женише душъ нашихъ, не допускай! Пусть лучше мы все потеряемъ, да только душу сбережемъ, и если мы сбережемъ ее разъ, то уже сберегли навсегда. Ибо какъ польза человѣку, аще міръ весь пріобрѣтетъ, и отщетитъ душу свою?.. Да соблюдемъ же ее благодатію Твою для Царства Твоего. Аминь.

Притча о тѣлѣ и душѣ человѣческой и о воскресеніи мертвыхъ.

(Изъ Пролога. Мѣсяцъ Сентябрь, 28 число).

Человѣкъ иѣкій доброго рода насадилъ виноградъ и оградилъ его стѣною, устроилъ и ворота, но не затворилъ входа. Отходя же въ домъ отца своего, сказалъ самъ себѣ: кого поставлю стражемъ сему моему стяжанію? Если оставлю здѣсь кого-либо изъ приставниковъ

моихъ, то они изгубять трудъ мой, расточать мое добро. Лучше сдѣлаю такъ: посажу у воротъ слѣпца съ хромцемъ; потому что если кто изъ враговъ моихъ захочетъ окрасть виноградъ мой, то слѣпецъ услышитъ, а хромецъ увидитъ. Если же кто изъ нихъ пожелаетъ окрасти виноградъ, то хромецъ не имѣть ногъ, чтобы дойти туда, слѣпецъ же, если пойдетъ, то упадетъ въ пропасть и убится: и посадивъ ихъ у врать, далъ имъ власть надъ всѣмъ, что въ вортограда. и пишу и одѣяніе приготовилъ неоскудно, только сказалъ: того, что внутри вортограда, не касайтесь безъ моего повелѣнія. И послѣ того ушелъ, сказавъ, что возвратится со временемъ. И такъ долго они сидѣли и стерегли виноградъ. Чрезъ нѣсколько времени слѣпецъ говорить хромцу: что это за благоуханіе повѣваетъ изъ внутри сихъ врать? Много добрыхъ плодовъ господина нашего внутри за вратами сими, и вкусъ сихъ плодовъ неизреченный,— отвѣтилъ хромецъ:— но такъ какъ господинъ нашъ перехитрилъ насъ, посадилъ тебе слѣпого, а мене хромого, то и не можемъ никакъ дойти къ тѣмъ и настытиться ими.

— Почему же ты прежде не сказалъ мнѣ сего— возразилъ слѣпецъ — и мы бы не терпѣли столько времени! Ибо я, хотя и слѣпъ, но имѣю здоровыя ноги и могу носить тебя: возьми ты кошницу и сядь на мои плечи, и я понесу тебя, ты же указывай мнѣ дорогу, и мы вся благая господина нашего объемлемъ. А когда приидетъ господинъ нашъ, укрытесь отъ него наше дѣло; если мене спросить, я отвѣчу: ты знаешь, господине, что я слѣпъ; если тебе спросить, скажи: я хромъ,— и такъ перехитримъ нашего господина.

Всѣдѣ же хромецъ на слѣпца, и, дошедшъ, окраодша овощъ господина своего.

По времени же пришель господинъ винограда того и, увидѣвъ его окрадена, повелѣлъ привести слѣпца, и говорить ему:—не доброго ли тебя стражи поставилъ я винограду моему, для чего же ты обокралиъ его.

— Господине, ты знаешь, что я слѣпъ, и хотя бы и хотѣлъ, то не вижу, куда идти, отвѣчалъ слѣпецъ: но покралиъ его хромецъ, а не я. Тогда повелѣлъ господинъ блюсти слѣпца, пока призоветъ хромца. Призвану же бывшу хромцу, начали они сами между собою сваритися. Хромецъ говорить слѣпцу: — если бы ты не носилъ меня, я никакъ не могъ бы дойти, потому что я хромъ.—А если бы ты не указалъ мнѣ путь, то какъ бы я дошелъ туда,—отвѣчалъ слѣпецъ? Тогда господинъ сѣлъ на судилищи и началъ судить ихъ. Потомъ онъ сказалъ имъ: Какъ вы крали, такъ да всядеть хромецъ на слѣпца; и когда той сѣлъ, повелѣлъ слугамъ бити ихъ обоихъ безъ пощаденія.

Толкованіе.

Разумѣйте же, братіе сей притчи силу: человѣкъ доброго рода—Христосъ Сынъ Божій; а виноградъ—вся земля и міръ сей. Ограда его—законъ и заповѣди; слуги же, бывшіе сть нимъ, Ангелы разумѣются. Хромецъ—тѣло человѣческое, а слѣпецъ—душа. А что посадилъ у вратъ,—запачтъ: далъ во власть его всю землю и все сущее на ней. Но такъ какъ человѣкъ преступилъ заповѣди Божіи, поѣтому смертю осужденъ бысть. Когда же приводится душа его къ Богу, то оправдывается, глаголющи: не я, Господи, преступила заповѣди Твои, но тѣло. Посему то нѣть полнаго мученія душамъ до второго пришествія Христова; но блудомы суть въ мѣстѣ, одному Богу вѣдомомъ. Когда

же пріидеть обновити землю, и воскресити умершія, какъ говорить св. Апостолъ Павель: „тогда вси сущіи во гробъхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и оживутъ. И изыдуть соториши благая въ воскресеніе живота, а соториши злая въ воскресеніе суда“.

Тогда опять души внидуть каждая въ свое тѣло, и пріимутъ воздаяніе по дѣломъ своимъ: грѣшники отошлются во тьму кромѣшную, гдѣ будеть плачъ и скрежетъ зубовъ, а праведники въ жизнь вѣчную.

• • •

Душе моя, востани!

(Изъ твореній преподобнаго Ефрема Сирина).

Востани, душа моя, спавшая донынѣ во грѣхѣ; отряси сонъ свой, спѣши и въ покаяніи ищи прибѣжища; и Правдивый, быть можетъ, умилостивится слезами твоими. Ежесно проливай предъ Судію слезы сокрушенія о срамныхъ дѣлахъ своихъ. Бездна мученій ожидаетъ тебя за дѣла твои и въ воздаяніе за непотребства твои... Сугубо плачь о себѣ, чтобы Правдивый и услышалъ тебя и примирился съ тобою. Увы, душа моя! Зачѣмъ нерадишь ты о жизни своей? Зачѣмъ въ разсѣяніи проводишь немногіе дни ея? Не знаешь развѣ, что вотъ-вотъ позовутъ тебя? Что же будешь дѣлать тамъ, живя нерадиво здѣсь? Что станешь отвѣтить въ оправданіе свое, представъ престолу страшнаго Судіи? Врагъ обманываетъ тебя, и изо-дня въ день расхищаетъ достояніе твое, а ты и не разумѣешь того. Вострепещи, несчастная, и ужаснись мученій, какія сама себѣ приготовила ты! Плачь о себѣ, сообщница нечистыхъ силъ; потому что повсюду съ тобою пойдетъ вѣчный огонь... Глубоко погрязла ты

въ похотяхъ, и никогда не изникала изъ нихъ. Терніями и волчцами заглушены помышленія твои, и не принесла еще ты плодовъ покаянія. Страсти обуревали тебя, какъ волны, и потопили корабль въ морѣ грѣховъ. Никогда не приводила ты себѣ на память того дня, который подвергнетъ испытанию все сокровенное. Что будешь дѣлать, когда приведетъ тебя въ трепетъ гласъ, требующій, чтобы шла ты въ срѣтеніе Жениху? Свѣтъ очей твоихъ померкнетъ и исчезнетъ—и останешься ты въ съ юродивыми дѣвами. Запасайся елеемъ (добрыхъ дѣлъ), бѣдная душа, пока есть еще время къ оправданію! Проси себѣ оставленія грѣховъ вмѣстѣ съ блудницею, и слезами своими врачай язвы свои! Отверзта еще дверь покаянія; войди, очистись отъ сквернъ своихъ.. Ты, желающій спасенія сыновъ человѣческихъ, пощади душу, удалившуюся отъ Тебя! Пріими ее, Господи, съ обычною Тебѣ милостію. На праведномъ судѣ щедроты Твои да покроютъ меня грѣшнаго, и да избавятъ меня отъ мученія. Ты, оставляющій грѣхи и милующій туне, прости мнѣ душевныя прегрѣшенія на праведномъ судѣ! Славословіе Тебѣ отъ заблудившихъ, которыхъ собралъ и привелъ Ты къ покаянію!...

„Что спиши?“

(Изъ сочин. Преосвящен. Иннокентія, Арх. Херсонскаго).

Душа моя, душа моя, ты, которая у меня одна, такъ что если потеряю тебя, то лишусь всего,—ты, которая, будучи создана по образу Божію, потому самому уже превыше всего міра, и даже по паденіи

твоемъ искуплена драгоцѣнною кровію Сына Божія, и предназначена къ вѣчному блаженству съ Богомъ на небѣ, душа моя, душа моя, что спиши? Для чего забываешь свою природу и достоинство, и такъ жалко отдаешь себя въ рабство плоти и крови,—въ плѣнъ міру и діаволу—врагамъ твоимъ? Почто, созданная служити Богу живу и истинну, кланяешься до земли всякому кумику страстей? Почто, предназначени я въ вѣчности, расточаешь безумно и время и таланты, тебѣ ввѣренные, на суету, не помышляя объ ожидающемъ тебя за все это отчетъ? *Душа моя, душа моя, востани, что спиши!* Тутъ ли спать, когда предъ тобою небо и вѣчность съ разверстыми вратами? Тутъ ли спать, когда за тебя сражается небо съ адомъ; когда всезлобный врагъ назираеть всѣ пути твои, напрягаеть всѣ силы свои, чтобы настигнуть и поглотить тебя на вѣки? *Душа моя, душа моя, востани!* Отряси сонъ отъ вѣждей твоихъ, и обрати ихъ на себя самую и на твое великое предназначеніе! Востани! сбрось постыдныя узы злыхъ навыковъ, коими, какъ плѣница, привязана ты къ землѣ и тлѣнію! Востани и посмотри, какъ все ожидаетъ твоего пробужденія:—ожидаетъ Ангелъ-хранитель, дабы не всеу находиться при тебѣ и не плакать безутѣшно о твоемъ ожесточеніи во грѣхѣ; ожидаетъ Церковь Божія, дабы начать врачевать тебя своими молитвами и таинствами; ожидаетъ совѣсть, дабы вести тебя по стопамъ правды; ожидаетъ сама смерть, дая място покаянію, дабы не восхитить тебя со грѣхами твоими предъ страшный судъ Божій... Ты спиши, бѣдная душа моя, а время благодати и помилованія течеть и уходить невозвратно! Ты спиши, а бремя грѣховъ твоихъ растетъ и множится безъ числа и мѣры! Ты спиши, а врагъ твой не дремлетъ и опутываетъ тебя съ ногъ до головы

новыми сътвями! Ты спиши, а Ангель смерти грядеть, и конецъ твой приближается! Приблизится, настанетъ, застигнетъ, поразить, и что будетъ тогда съ тобою? Помогутъ ли тебѣ блага земныя, для собиранія коихъ забывала ты Бога и жертвовала всѣмъ? Защитить ли тебя отъ гнѣва Божія легкомысленные друзья твои, съ коими ты проводила и губила время? Въ чемъ будешь искать отрады и утѣшенія на ложѣ смертномъ? Ахъ! Тогда-то узнаешь во всей силѣ, какъ праведно говорили тебѣ, что *кая польза человѣку, аще пріобрѣщетъ весь міръ, и погубитъ душу свою!* (Марк. 8, 36). Познаешь, — но что выйдетъ изъ сего познанія? Одна скорбь лютая, одно смущеніе и отчаяніе: *и имаши смутитися!* Смутитися и отъ прошедшаго, которое предстанетъ тебѣ со всѣми грѣхами и нечистою жизнью твою; смутитися и отъ настоящаго, которое будетъ исполнено ужаса, муки смертныхъ и отчаянія; — смутитися, наконецъ, и отъ грядущаго, которое, такъ долго забываемое, отвергаемое, явится предъ тобою во всемъ грозномъ и низлагающемъ величіи своеемъ...

Душа падшая, душа плѣнная, душа погибающая, пробудись отъ своего нечувствія и познай, кто ты? Грѣхъ и страсти унизили, ослѣпили, подавили, умертвили тебя; но ты и теперь дороже всего видимаго міра: ибо ты — одушевленный образъ Божій. Сама по себѣ ты не можешь и подумать о томъ, чтобы сразиться съ жестокимъ врагомъ твоимъ и разорвать узы, на тебя возложенные, но у тебя есть всемогущій Заступникъ, Который можетъ *связать крѣпкаго* (Мате. 12, 29) противника твоего, *разрушить* всѣ твердыни его и преподать тебѣ всѣ средства къ возврату въ отчество. Предай себя Ему, — и невозможное сдѣлается возможнымъ. Какъ бы ни были тяжки и велики грѣхи твои, хотя бы чернотою своею ты походила на самого

духа злобы: все исправится, все убълится, все просвѣтлѣтъ и ты паки сдѣлаешься такимъ существомъ, въ коемъ будетъ почивать Самъ Богъ.

Для чего же, бѣдная душа моя, ждать памъ съ тобою безпечно нашей погибели? Для чего, смеживъ умныя очи, итти всю жизнь къ пропасти адской? Что мѣшаетъ намъ остановиться, подумать и возвратиться вспять, когда еще есть время къ тому? *Душа моя, душа моя, воспряни убо!* Раскрой глаза и поднимись съ грѣховнаго ложа; рѣшись служить Богу живу и истину, какъ ты служила доселъ идоламъ страстей; а все прочее уже готово къ твоему спасенію. Готово Евангеліе для вразумленія тебя во всѣхъ слuchаяхъ жизни; готова драгоцѣнная одежда заслугъ Христовыхъ для прикрытия твоей духовной наготы; готово Тѣло и Кровь Сына Божія для насыщенія твоего глада; готовъ елей и бальзамъ для уврачеванія твоихъ ранъ, готова всемогущая благодать Духа Святаго для подкрѣпленія твоихъ слабыхъ силъ; готовъ самый вѣнецъ для увѣнчанія твоихъ малыхъ подвиговъ. *Воспряни убо, да пощадитъ тя Христосъ Богъ!* Слышишь ли, какъ Онъ гласомъ Евангелія вѣщаетъ съ пренебесной вечери Своей: и еще място есть (Лук. 15, 22). Это място для насъ съ тобою, душа моя! Постѣшимъ же сдѣлаться его достойными, доколѣ не наступила полночь, не затворились двери чертога, не угасъ елей во свѣтильнике нашей жизни! Аминь.

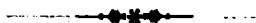
Тѣло служитъ душѣ преградою ко грѣху*).

Напрасно сѣтуютъ на тягость тѣла и думаютъ видѣть въ немъ мрачную темницу души. Зиждителю міра благоугодно было создать существо чувственно-духовное, конечно, потому, что по цѣлямъ Своей творческой премудрости Онъ находилъ такое существо благопотребнымъ въ составѣ міра. Созданный духъ человѣческій Творецъ вводить въ тѣло, образованное изъ персти. Образуя человѣческое тѣло, Господь, конечно, уготовлялъ въ немъ не темницу, но жилище свѣтлое и нисколько не стѣснительное для духа, предназначеннаго къ нескончаемой усовершимости. Въ невинномъ состояніи человѣка тѣло нисколько не тяготило духъ, но, по мѣрѣ его усовершимости и преуспѣянія въ добрѣ, оно и само постоянно бы утончалось, просвѣтлялось и одухотворялось. Съ паденіемъ духа и тѣло, безъ сомнѣнія, огрубѣло, сдѣлалось тяжелымъ бременемъ души, непроницаемою преградою между человѣческимъ духомъ и міромъ духовъ безплотныхъ. Тѣло тлѣнное, говоритъ Мудрый, отягощаетъ душу, и земное жилище обременяетъ умъ многопопечительный (Премудр. 9, 15). „Тѣло, по словамъ Богослова, — облако, омрачающее душу и препятствующее ей ясно видѣть Божественный лучъ. Между нами и Богомъ стоитъ сія тѣлесная мгла, какъ древле облако между египтянами и евреями. И сіе-то, можетъ быть, значить: *положи тму за кровъ свой* (Псал. 17, 12), то есть нашу дебелость, чрезъ которую прозрѣваютъ немногіе и немногіе“. Но если тѣло и дѣйствительно стоитъ средостѣніемъ между человѣкомъ и міромъ духовнымъ,

*) Изъ книги „Премудрость и Благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка“ 151 стр.

то средостѣніе это воздвигнуль самъ же человѣческій духъ, разъединившій съ Богомъ и отпадшій отъ Него. Въ раю тѣло не было преградою непосредственнаго общенія между человѣкомъ и Богомъ. Огрубѣлость и тяжесть тѣла есть уже слѣдствіе грѣха, за которое человѣкъ можетъ винить только самого себя. Премудрое и благое устроеніе Божіе открывается въ томъ, что самая эта огрубѣлость и дебелость тѣла обращается теперь во благо человѣку. Тѣло служить теперь преградою грѣха, образуетъ въ себѣ среду, въ которой сила зла смягчается, какъ бы притупляется грубою тѣлесностію, и дѣйствіе его бываетъ не tanto напряженно и быстро, какъ въ безплотныхъ дуахъ тмы. Тѣло служить ограничительною причиною, почему человѣческій грѣхъ не является, или очень рѣдко является, какъ чисто-духовное самообогатженіе, какъ сознательное возстаніе на Бога, какъ бѣсовская злоба или ненависть къ добру. Большею частію человѣческій грѣхъ является какъ скрытная, болѣе или менѣе безсознательная вражда на Бога, какъ рабское служеніе твари, какъ подчиненіе тому или другому чувственному влеченію. Человѣкъ работаетъ грѣху, очень часто и не подозрѣвая, какое внутреннее начало движетъ его влеченіями и дѣйствіями; и самъ бы ужаснулся своей грѣховности, когда бы пришелъ въ ясное и отчетливое сознаніе, что всякая похоть и ея удовлетвореніе вражда Богу есть (Іак. 4, 4). Такая безсознательность человѣческаго грѣха въ извѣстной мѣрѣ ослабляетъ силу грѣха и уменьшаетъ виновность грѣшника. Въ тѣлѣ заключается причина и того, что зло сдерживаетъ и ограничиваетъ свою разъединяющую силу во взаимныхъ сношеніяхъ между людьми. „Богъ, говоритъ Златоустый: прорицая, что люди будутъ самолюбивы, связалъ ихъ взаимными нуждами и симъ,

какъ уздою, обуздалъ ихъ самолюбіе". Взаимныя нужды и потребности жизни тѣлесныя невольно сближаютъ людей и заставляютъ ихъ признавать и уважать взаимныя выгоды и права. При своемъ личномъ самолюбіи и своеокорыстіи, каждый волею или неволею признаетъ и уважаетъ благо общее и, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, жертвуетъ ему своими собственными выгодами и даже самою жизнью. Кровный союзъ есть вмѣстъ основаніе союза духовнаго, и нерѣдко—послѣдній оплотъ противъ всепоглощающаго потока зла. Отъ этого-то и бываетъ, что человѣкъ, совершенно изушенный зломъ, еще сохраняетъ остатокъ добра, способность любви не вовсе корыстной, готовность жить для другихъ въ той области жизни земной, которая ближе къ тѣлу, именно въ жизни семейной. Такимъ образомъ, если тѣло и есть темница души, то заключеніе въ ней спасительно для узника, какъ благодѣтельное ограниченіе и смягченіе его необузданнаго самолюбія. Придетъ время, когда темница сія преобразится въ свѣтлое и славное жилище духа, очищенаго отъ зла. Итакъ, въ судѣ Божіемъ надъ Адамомъ (и всѣми погонками его) мы видимъ Божественное правосудіе, обращающее въ наказаніе грѣшнику естественные слѣдствія грѣха его, и—правосудіе, преисполненное любви, а потому направляющее самыя наказанія во благо наказуемаго, за что и должны мы благодарить и прославлять Всеблагого Бога, Творца и Промыслителя нашего.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	Стран.
Отъ издателей	4
Отъ соавтора	5
Выписки изъ Священного Писания о душѣ человѣческой	7
О достоинствѣ природы человѣческой	10
Изученіе свойствъ богоподобной души человѣческой—самая важная наука на землѣ	11
О существованіи души въ человѣкѣ	12
О началѣ бытія души человѣческой	15
О томъ, чѣмъ отличается душа человѣческая отъ души животныхъ .	18
О сущности души	22
Душа человѣческая—самостоятельная духовная личность	24
О безтѣлесности и красотѣ души	25
О связи души съ тѣломъ	28
О вездѣприсутственномъ бытіи души въ человѣкѣ	29
О бессмертіи души человѣческой (слово 1)	31
Еще о бессмертіи души человѣка (слово 2)	35
Бессмертіе души (слово 3)	42
Душевныя способности въ отношеніи науки	47
Душевныя способности въ отношеніи нравственности и Богообщенія	49
Духовное зрѣніе души	50
Способность души созерцать сновидѣнія	51
Тричастіе человѣка	55
Тричастіе души	58
Въ чемъ душа уподобляется Богу	59
Душа и духъ человѣка и ихъ взаимодѣйствіе	61
Образъ и подобіе	62
Словесноразумная сила души и чувства	64
Раздражительная сила души и виды дѣятельности ея	65
Вождѣвательная сила и способности ея	66
О страстиахъ	68
Паденіе и омраченіе души	70
О свободѣ	71
О спасеніи нашемъ	72

	Стран.
Порывы души къ небу	74
Семь степеней душевной силы	78
Свѣтлое первобытное и возсозданное состояніе души .	85
Состояніе души облагодатствованной	87
Загробная жизнь души	88
Блаженство душъ праведныхъ	91
Степени блаженства праведныхъ	95
Состояніе душъ трѣшниковъ	96
Жизнь душъ грѣшниковъ до всеобщаго суда	96
Состояніе душъ грѣшныхъ до всеобщаго суда и мученіе ихъ .	97
О состояніи душъ, которыхъ участь окончательно не решена . . .	100
Благодареніе Господу Богу	101

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Основы христіанской нравственности и ихъ подраздѣленія	105
Богъ въ душѣ человѣка	132

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

О бессмертіи души и о томъ, что мы грѣшимъ не по нуждѣ, а по произволенію	143
Безъ помощи благодати Божией человѣкъ не можетъ сдѣлать ничего доброго	144
Ничто не можетъ удовлетворить душу кроме Высочайшаго Блага .	149
О томъ, сколько мы заботимся о тѣлѣ, и сколько о душѣ .	150
Душа--наше сокровище.	152
Притча о тѣлѣ и душѣ человѣческой.	156
Душе моя, востани!	159
Что спиши!	160
Тѣло служитъ душѣ преградою ко грѣху	164

Кая польза человѣку, аще и весь
миръ пріобрѣщетъ, душу же свою по-
губитъ (Мате. 16, 26).

Душа моя, душа моя, востани, что
спиши?—Конецъ приближается... (Кон-
дакъ великаго канона).

®
Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1992